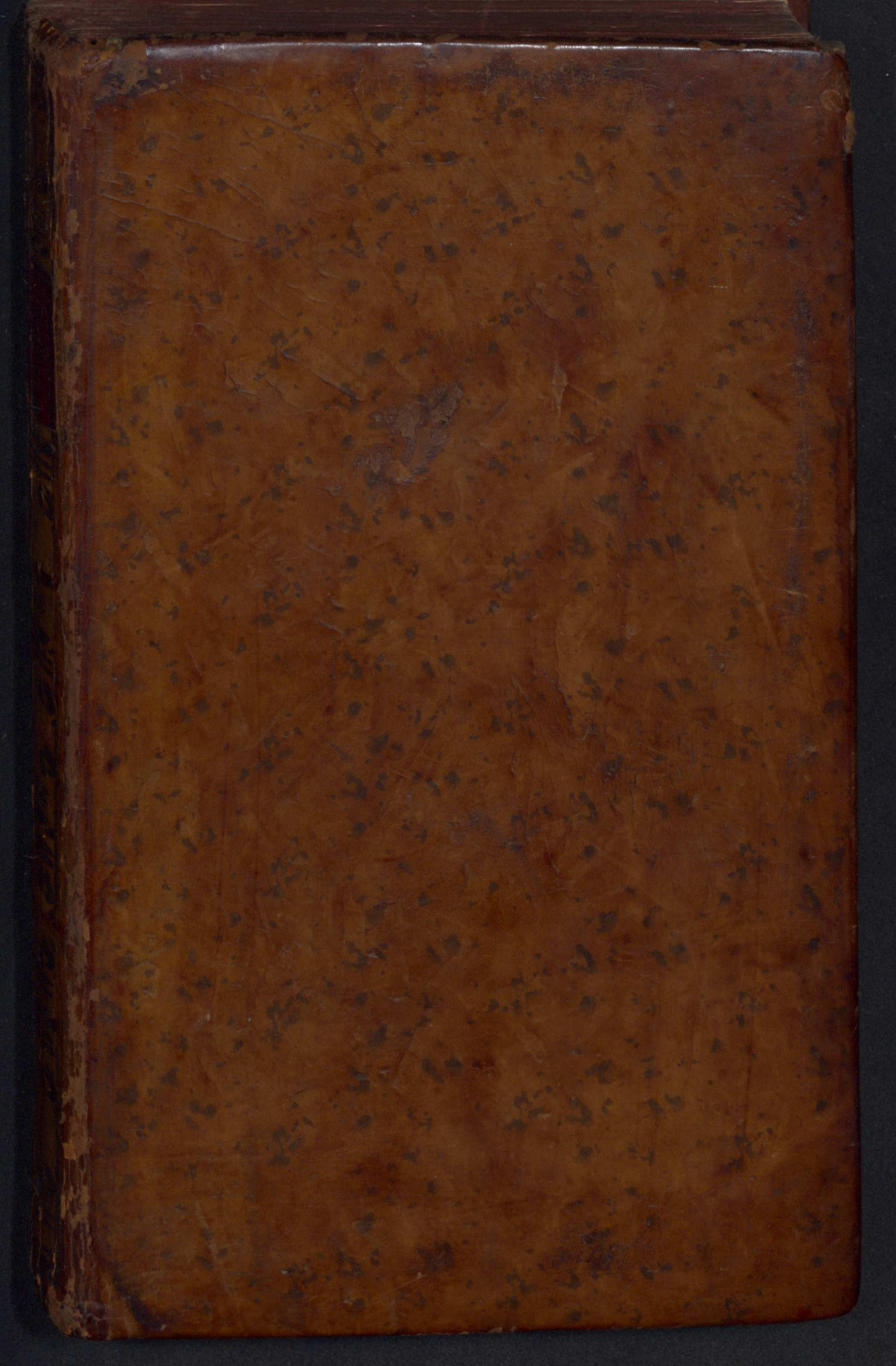
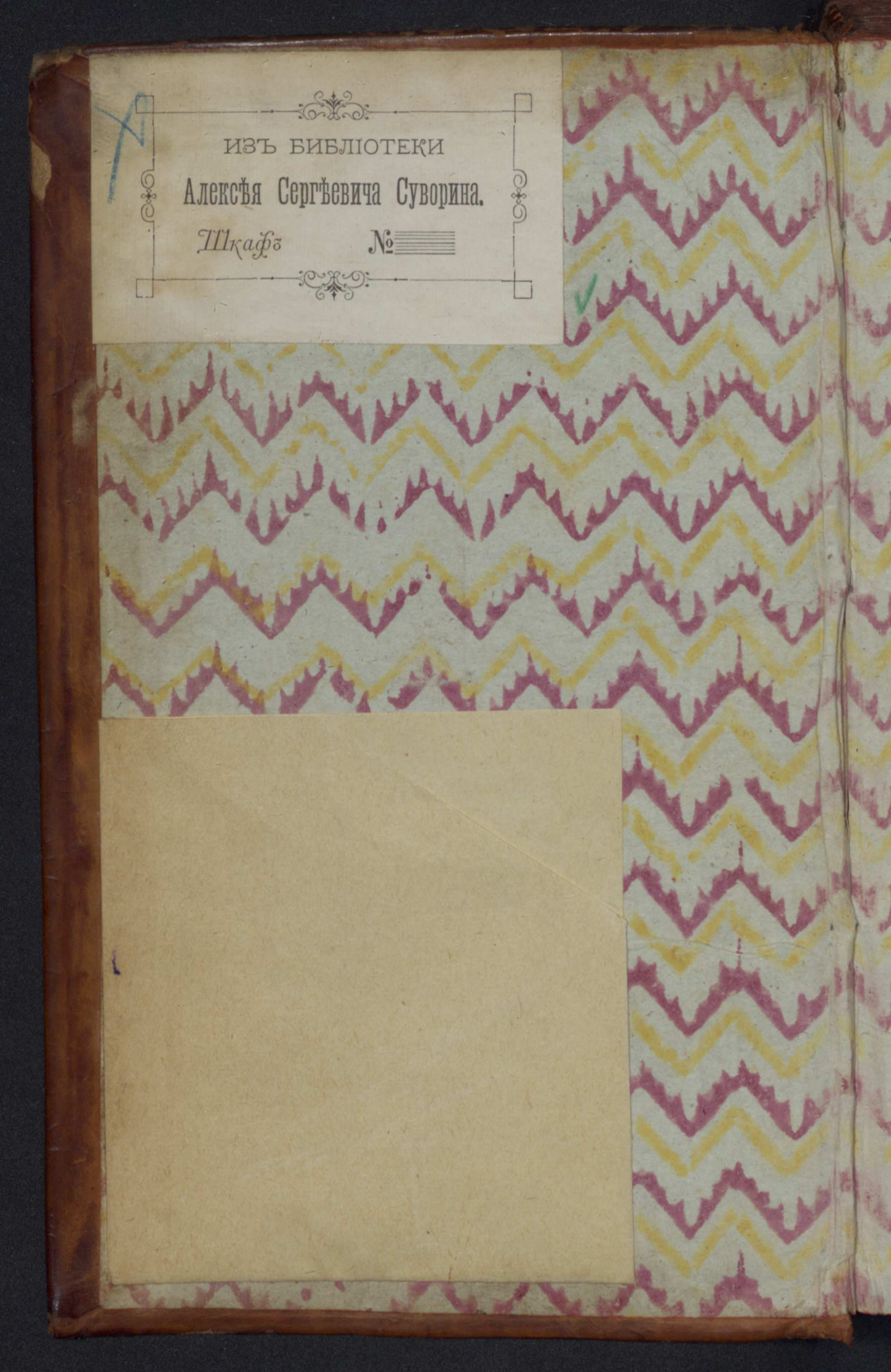
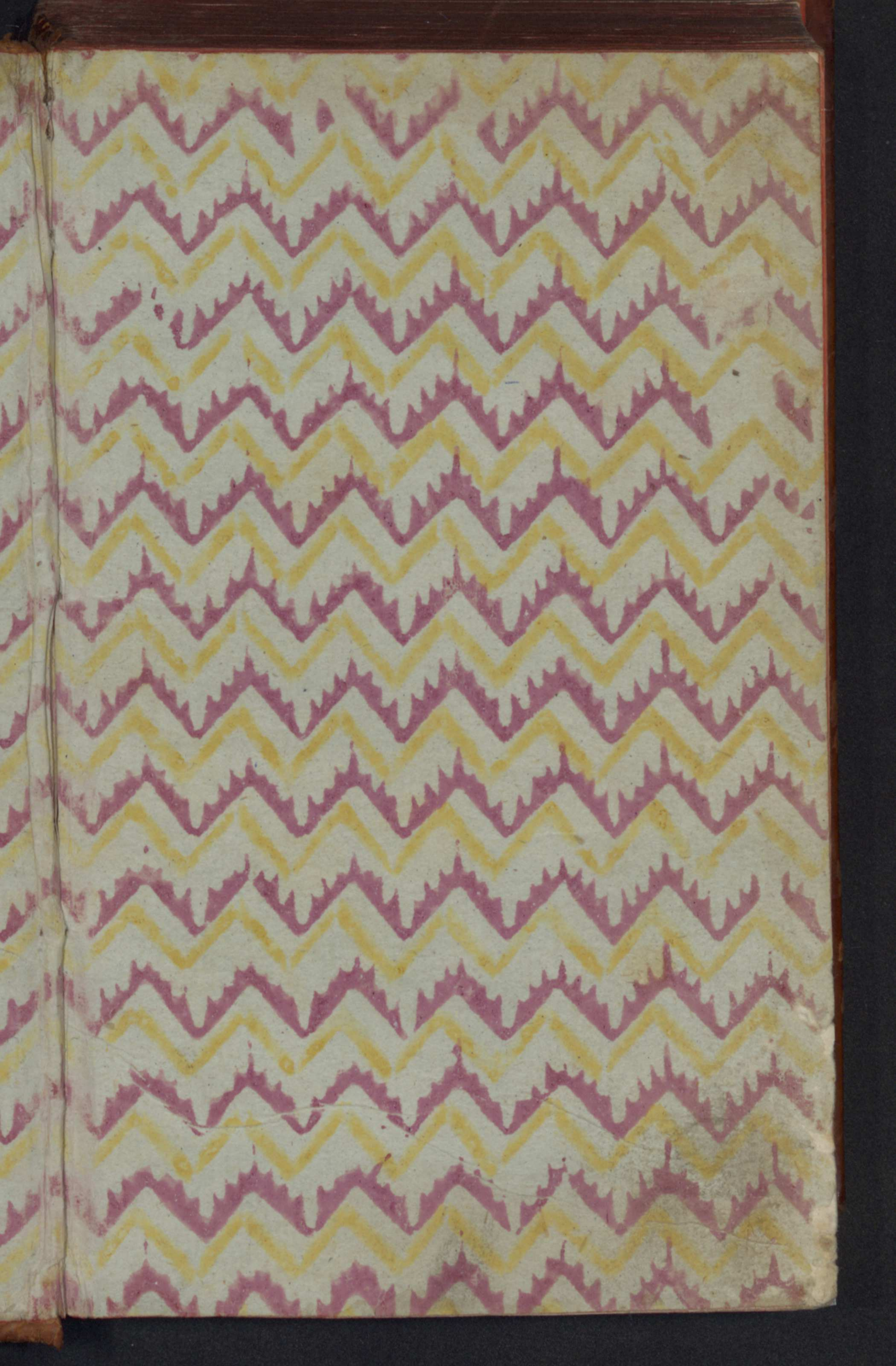



ИЗЪ БИБЛІОТЕКИ
Алексѣя Сергѣевича Суворина.
Шкафъ №



ИЗСЛѢДОВАНІЕ
КНИГИ
О
ЗАБЛУЖДЕНІЯХЪ
И
ИСТИННѢ.

Сочинено особливымъ обществомъ одного Губернскаго города.

* * *

Хоть полкъ противныхъ мнѣ востань;
Но я не ужасаюсь.
Пускай враги воздвигнутъ брань,
На Бога полагаюсь.

Изъ одъ *Ломоносова.*

ВЪ ТУЛѢ,
1790.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Имѣя пребываніе наше, судьбою намъ опредѣленное, отъ большаго свѣта и отъ столицъ, гремящихъ многоразличными дѣяніями разнаго состоянія жителей, находящихся въ оныхъ, удаленное, мы мало получаемъ увѣдомленія о произшествіяхъ всякаго рода, попремѣнно являющихся и изчезающихъ въ сихъ поприщахъ суетъ и всеобщихъ движеній; потому разглашенія, занимающія многихъ любопытныхъ и праздныхъ о новой сектѣ, уже поздно достигли до свѣдѣнія маленькаго нашего общества. Чудныя о ней сказанія возбудили въ насъ, какъ и въ прочихъ, любопытство узнать сіе нравственное и политическое явленіе; но недостатокъ средствъ и случая къ тому оставляли желаніе

нїе наше тщетнымъ. Наконецъ одинъ собратъ нашъ, имѣя нужду отправиться въ столицу, обязался употребить всевозможное старанїе прїобрѣсть къ удовлетворенїю нашему свѣдѣнїе о предметѣ, учинившемся главнѣйшимъ нашимъ вожделѣнїемъ. Во все время отсутствїя сочлена нашего, мы пребывали въ крайней нетерпѣливости о возвращенїи его, и возхищались предгрядущимъ удовольствїемъ получить желаемое просвѣщенїе. Мы изчисляли дни отъ отбытїя его, и назначали тотъ, который долженъ былъ, по мнѣнїю нашему, прекратить ожиданїе наше. Наконецъ Депутатъ возвратился, и мы уже чаяли, что онъ при перьвомъ отверстїи устъ своихъ объяснитъ существенность науки Мартинистовъ;

стовъ; однако упованіе наше не соотвѣтствовало воображенію нашему, и всѣ утѣшенія, представляющіяся намъ къ уменьшенію нетерпѣливости нашей, имѣли токмо дѣйствіе усугубить оную: ибо возвратившійся извѣстилъ насъ что не смотря на усильное, его стараніе, онъ не могъ доступить до святилища мнимой тайны, хранимой новыми Гіерофантами.

Однако нашъ посланникъ, дабы удостовѣрить насъ о своемъ попеченіи снискать познаніе о порученномъ ему, привезъ къ намъ книгу, которая служитъ основаніемъ сей новой секты, сочиненную мнимымъ пророкомъ оныя, и по имени котораго послѣдователи его именуются. Мы съ превеликою жадностію приступили къ чтенію, ласкаясь найти хотя нѣко-

торую часть объясненія на недоуменія наши, еще больше умножившіяся послѣ привезеннаго собратомъ нашимъ увѣдомленія. Но удивленіе наше возрастало по мѣрѣ углубленія нашего въ оное: ибо мы повсюду находили вмѣсто ясныхъ положеній непостижимую Метафизику, безобразныя разсужденія, юродивыя мнѣнія и тѣ самыя предложенія, которыя по важности своей долженствовали быть больше явственны и вразумительны, представлены съ притворною мрачностію и Каббалистическимъ изображеніемъ. Все пространное проповѣдываніе, содержащееся въ сей книгѣ, произшедшее отъ воображенія мечтаніями возпаленнаго, знаменуется тщеславіемъ, гордостію и шарлатанствомъ; ибо онъ не иначе говоритъ читателямъ своимъ, какъ

что онъ пришелъ возвѣстить истинну, просвѣтить ему подобныхъ, доставить благо роду человѣческому, и что до него всѣ были въ заблужденіи. А изъ такого безподобнаго самохвальства заключить надобно, что проповѣдникъ такого надмѣннаго ученія, будучи одушевляемъ безпредѣльнымъ самолюбіемъ и гордостію, старается токмо увѣрить о своемъ сверьхъестественномъ знаніи тѣхъ, которые чтеніе книги его предпринять отважатся, дабы основать и утвердить новую секту или частное собраніе, послѣдующее мнѣніямъ особливымъ.

Хотя продажа оной книги и была пресѣчена; но до того великое число вышедшее екземпляровъ, могло разсѣять мысли преклон-

ныя ко лживымъ предложенiямъ, содержащимся въ семъ соборищѣ химеръ безобразныхъ; ибо случается, что отмѣнное съумасбродство, представляющее бредни о предмѣтахъ однимъ воображенiемъ произведенныхъ, и требующее болѣе врачеванiя, нежели вѣроятiя, отъ нѣкоего рода умовъ почитается сверьхъестественною премудростiю. Къ тому же иногда бываетъ, что возпященiе меньше дѣйствуетъ надъ мнѣнiями, нежели гласъ здраваго разсудка, показующаго, что предлогъ вниманiя на себя обращающiй, есть ничтожный и болѣе осмѣянiя, нежели уваженiя достойный. Потому мы за долгъ почитаемъ издать наши замѣчанiя на собранiе странныхъ нелѣпостей, произшедшихъ отъ безпредѣльнаго притяженiя личной пользы и безумнаго тщеславiя,

вія, дабы предубѣжденные сокровенною премудростію Каббалистико-Метафизическаго учителя могли видѣть, что подъ покровомъ мнимыхъ таинствъ ничего, кромѣ надменности, особенныхъ выгодъ, лжесловія и уклоненія отъ здраваго разсудка не заключается, и что всякой удобно усмотрѣть можетъ, на какихъ благоразумныхъ догматахъ она утверждается.

Главное содержаніе оныхъ состоитъ въ слѣдующемъ:

Человѣкъ въ первобытномъ состояніи не находился на землѣ, и не имѣлъ тѣлеснаго сего покрова, какимъ онъ нынѣ одѣтъ

Надлежитъ стараться ему возвратить первыя его права, которыя дѣлали его Царемъ вселенныя.

Приближеніемъ къ первобытному свѣту онъ пріобрѣтаетъ владычество и право рабства надъ подобными себѣ.

Квадратъ есть изображеніе Божества.

Музыкальное согласіе совершеннаго строя такъ же показуетъ намъ образъ онаго.

Во времени есть причина, Богомъ сотворенная, дѣйствующая и разумная, которая всѣмъ вещественнымъ существомъ управляетъ; человѣку надлежитъ достичь до понятія ея, дабы приближиться къ первобытному состоянію.

Всѣ вещи тѣлесныя имѣютъ начала безтѣлесныя, на примѣръ: дерево, камень, минералъ существуютъ началами безтѣлесными.

Доброе и злое начала въ свѣтѣ царствуютъ и другъ другу про-

противодѣйствуютъ; и еще другїе пункты столько же разногласны со здравымъ смысломъ, сколько и политическимъ установленїемъ, что легко всякой увидѣть можетъ въ умствованїи его, противномъ разсудку, о произхожденїи начальственной власти.

Никогда благоразумной и чтущїй справедливость примѣчатель не будетъ вмѣсто дѣянїй Натуры, многократными испытанїями утвержденныхъ, предлагать свои увѣренїя, не получившїя, такъ сказать, клейма истинны, неопровергаемыми доказательствами на нихъ наложеннаго. Дерзость сїя, можетъ быть, только сопряжена со лживымъ знанїемъ или съ предубѣжденїемъ снизходительнаго собственныхъ своихъ произведенїй одобренїя заставляющаго почитать ихъ совер-

вершенными. Обладающїй справедливымъ ученїемъ ничего безъ вѣрнѣйшихъ объясненїй, учинившихся долговременными наблюденїями несомнѣнными и ощутительными, не предлагаетъ; но мечтающїй умствователь, гордясь вымышленными своими мудроположенїями, повелѣваетъ читателямъ принимать ихъ за истинныя пружины всего естества, не смотря на то, что существо онаго и текущее обращенїе его не воображенїемъ познаемо быть можетъ, но вопрошенїемъ рачительнѣйшаго испытанїя Натуры, которая отрицаетъ всякое откровенїе въ себѣ пустомысленности, изображающейся суесловїемъ; но обнаруживаетъ себя только тѣмъ, кои прилѣжанїемъ и трудолюбїемъ тщатся проникнуть въ творенїя ея.

Мы

Мы старались сокращать наше изслѣдованіе, поелику предмѣты онаго намъ дозволяли: ибо есть-ли бы мы хотѣли не оставлять безъ замѣчанія всѣ предложенія, требующія оныхъ; то бы намъ должно было сочинить книгу, прогоняющую огромностію своею и самыхъ неустрашимыхъ читателей, которые покусились бы приступить къ чтенію оной.

Мрачный нашъ проповѣдникъ извиняется въ непостижимости его ученія, обязательствомъ долгомъ и скромностію своею; однако сія послѣдняя не возпрепятствовала ему употреблять частыхъ самохвальствъ, кои приличны токмо однимъ лжепророкамъ: ибо онъ предварительно увѣдомляетъ своихъ читателей, что *хотя онъ и пренебрегалъ красоты изрѣченія; но добросовѣстной*

стной читатель признается, что онъ излишне былъ въ ономъ тщателенъ, то есть, что онъ по скромности своей даетъ знать, естьли бы не дѣлалъ сего пренебреженія; то бы сверьхъестественное показалъ краснорѣчіе. Но мы замѣтимъ, что не можно согласно съ правымъ разсужденіемъ въ одномъ какомъ либо дѣлѣ или вещи быть и тщательнымъ и пренебрегательнымъ; а потому надлежитъ думать, что частыя повтореніяи противорѣчія учителя мнимыхъ таинствъ, произходятъ отъ сего несовмѣстнаго совокупленія тщанія и пренебреженія; понеже вся вымышленная его система о существахъ тѣлесныхъ и безтѣлесныхъ основана на противодѣйствіяхъ тайныхъ началъ, такъ какъ красоты изрѣченія его на противныхъ дѣйствіяхъ тщанія и пренебреженія.

По правиламъ сего же противодѣйствія онъ послѣ всѣхъ, самимъ собою приписуемыхъ себѣ, или надмѣнными израженіями, или безмолвнымъ образомъ тщеславныхъ одобреній, на концѣ книги своей говоритъ, что читатели могли примѣтить изъ скромности его, что онъ могъ бы сказать имъ болѣе, нежели они видѣли. Особливая скромность, сама себя похваляющая! Но всего удивительнѣе то, что онъ послѣ утвердительнаго своего ученія и торжественнаго объявленія, что онъ въ истиннахъ онаго *такъ увѣренъ*, *какъ бы самъ присутствовалъ при сотвореніи существъ*, паки торжественно объявляетъ, что онъ ничего не знаетъ. Нѣкогда въ Парижѣ былъ шутъ, или, по простолюдимому сказать, гаиръ, называемый *Janot*, который въ игрищахъ

щахъ своихъ на открытомъ мѣстѣ предъ собранїемъ народа говаривалъ: c'en est; ce n'en est pas; оно есть; оно не есть. Сїи слова были въ такой модѣ, что они употреблялись между лучшими людьми во всевозможныхъ смыслахъ. Кажется, и нашъ проповѣдникъ, подражая сему славному Janot, хочетъ сказать, что онъ знаетъ и не знаетъ, что ученїе его справедливо и несправедливо. Всякой благоразумный читатель легко увидѣть можетъ, что онъ употребляетъ сїю противодѣйствующую политику для того, дабы обратнымъ средствомъ и противнымъ, господствующимъ во всемъ его сочиненїи, къ утвержденїю мнимыя откровенныя ему премудрости вѣрнѣе ударить въ цѣль, которую онъ себѣ предпоставилъ.

Не имѣя предъ глазами подлиннаго сочиненія на Французскомъ языкѣ, мы не можемъ судить о точности переложенія нѣкоторыхъ словъ; но токмо замѣтимъ, что слово *resulter* поставлено въ переводѣ по Французски и названо содѣйствіемъ не справедливо: ибо *resulter* не значитъ на Французскомъ языкѣ содѣйствія; но сумму, произведеніе или слѣдствіе содѣйствія разныхъ дѣяній. Относительно до перевода всей книги вообще, мы съ радостію отдаемъ справедливость, что оной чистъ, внятенъ и текущъ; сожалѣтельно только, что господинъ Переводчикъ употребилъ свое дарованіе на переводъ такого съумасброднаго сочинителя, которой конечно не можетъ требовать лучшаго изложенія непостижимаго своего ученія.

Мы на концѣ нашего изслѣдованія прилагаемъ таблицу, по которой любопытные читатели могутъ найти страницы текста,

изъ

изъ коего взяты предложенія, нами опровергаемыя.

Сіе сочиненіе наше было написано въ 1788 году; но какъ многія затрудненія совокупясь возпрепятствовали изданію онаго: то протеченіе съ того года времени по нынѣшнее, по необходимому пременѣненію всего, что есть во времени, нанесло перемѣну и въ обстоятельствахъ, относящихся до опроверженія нашего и предполагаемой нами цѣли въ предвзятіи труда сего; а потому можетъ быть, уменьшило любопытство къ предлогу, которой потерявъ новости своей, долженъ потерять большую часть и вниманія, съ начала къ себѣ привлекавшаго. Но не смотря на сіе, мы осмѣливаемся сказать, что изслѣдованіе наше мечтательной книги не совсемъ будетъ безполезно для читателей, желающихъ находить пищу разсужденію своему въ произведеніяхъ имъ представляемыхъ.



ИЗСЛѢДОВАНІЕ
КНИГИ
О
ЗАБЛУЖДЕНІЯХЪ И ИСТИННѢ.

Въ рѣдкомъ писаніи высокомѣріе и гордость сочинителя являются съ такою надмѣнностію, съ какою въ книгѣ, служащей предлогомъ нашему изслѣдованію; ибо Авторъ въ предисловіи своемъ говоритъ, что онъ *за долгъ почелъ, ради пользы себѣ подобныхъ, свергнуть страшный покровъ, коимъ въ теперешнемъ состояніи одѣта*

 не-

наука, то есть, что весь родъ человѣческой, кромѣ его, пребываетъ въ глубокомъ невѣжествѣ, и что одному ему вся премудрость и познанїе истинны открыты. Но по нещастїю подобныхъ ему, ученїе его такъ темно, что онъ и самъ признается, что немногїе разумѣть оное будутъ, прибавляя еще къ тому, что онъ иногда предлагать будетъ совсемъ иное, нежели о чемъ говоритъ. Въ такомъ случаѣ на что было дѣлать ложное обѣщанїе, когда онъ самъ знаетъ, что пишетъ непонятно; а *страшный покровъ* ни чѣмъ инымъ свергнуть не можно, какъ яснымъ истолкованїемъ предлагаемыхъ доказательствъ.

Онъ объявляетъ читателямъ своимъ, что онъ *за не нужно почелъ ссылаться на какїя нибудь свидѣтельства, для того, что истинны на единыхъ токмо свидѣтельствахъ основанныя, не были бы уже истиннами.* И пото-

тому онъ повелѣваетъ, почитать истиннами токмо тѣ, о которыхъ онъ будетъ самъ свидѣтельствовать непостижимымъ и сокровеннымъ образомъ. Но сїе предложенїе свидѣтельствуетъ неправильность разсужденїй его: ибо есть много истинъ, о которыхъ вѣрныя свидѣтельства всякое сомнѣнїе отъемлятъ, и безъ коихъ онѣ и не были бы истинны. Свидѣтельствъ, нетребующїя истинны суть токмо тѣ, которыя мы или физически познаемъ, или дѣйствїемъ здраваго разсудка имѣемъ о нихъ понятїе, столько же насъ о существованїи оныхъ увѣряющее, сколько и чувственное ощущенїе.

Естьли вещь полезна и составляетъ благо человѣческое, на что писать о ней невразумительно и съ притворною темнотою? Не есть ли долгъ любящаго себѣ подобныхъ изъяснить оную, чтобъ всякой могъ понять и возчувствовать пользу отъ нея проистекающую?

Онъ говоритъ, что не отъ него *произошло ученїе проповѣдуемое имъ, но отъ природы.* Никакое ученїе, откуда бы оно ни произошло, а наипаче такое, которое близко блаженства человѣческаго касается, не долженствуетъ проповѣдываться непостижимо и сокровенно; таковой образъ обманчиваго наставленїя употребляемъ токмо одними тщеславными и лживыми учителями, дабы мнимую свою премудрость покрыть нѣкоимъ мрачнымъ изреченїемъ, подъ которымъ бы ничтожность знанїя ихъ удобно сокрыться могла.

Воистинну, говоритъ гордый Авторъ предубѣжденный самолюбїемъ своимъ, *ежели читатель дастъ себѣ время возчувствовать важность и взаимный союзъ началъ, которыя ему предлагаю; то признается . . . что они служитъ основанїемъ всему, что существуетъ . . .* И что читатель

тель увидитъ невѣжество всѣхъ Философовъ, Политиковъ и Законоположителей, которые, по увѣренію его, преподаютъ ученія, или учреждаютъ законы безъ правилъ и безъ доказательствъ. Но воистинну надмѣнный и мрачный сочинитель не могъ, далѣе распространить наглость свою, порицаніемъ всѣхъ великихъ мужей въ учености и всѣхъ премудрыхъ законодателей,

Явно изобличается незнаніе и высокомѣріе его, когда онъ говоритъ, *что онъ одѣваетъ себя покровомъ, дабы не всегда его проникнуть было можно, и что онъ показалъ еще только первыя черты* обширнаго *своего знанія*. Обыкновенно ложивое ученіе и незнаніе ищутъ убѣжища въ недоумительныхъ израженіяхъ и темныхъ предложеніяхъ, дабы принявъ видъ важности, показаться сокровенною премудростію; а высо-

комѣрное самолюбіе всегда болѣе хочетъ сказать о себѣ, нежели можетъ, не смотря на то, что уже съ излишествомъ въ пользу тщеславія своего изъясняется.

Потомъ онъ прибавляетъ, что *цѣль его есть благо человѣка вообще.* Но кто не видитъ столь несогласное противурѣчіе? Можно ли предпоставить себѣ цѣлью благо человѣческаго рода вообще и надѣть на себя покровъ, чтобъ роду человѣческому не быть вразумительнымъ, *предлагая ему совсемъ иное, нежели о чемъ онъ самъ говоритъ?* Впрочемъ онъ заставляетъ думать, что онъ и самъ не имѣетъ ясныхъ понятій о проповѣдуемомъ имъ, и что онъ для того облекся въ покровъ невразумительнаго истолкованія своего мнимаго ученія, дабы собственныя свои заблужденія оградить непроницательностію, и не обнаружить мелкаго своего понятія о сущест-

ществахъ, о коихъ онъ писать предпринимаетъ.

Онъ съ отмѣнною важностїю обѣщаетъ, открыть ошибки въ творенїяхъ людскихъ, равно какъ во всѣхъ установленїяхъ гражданскихъ и священныхъ, такъ какъ бы онъ былъ свыше существа человѣческаго, и не подверженъ никакой ошибки: но всѣмъ шарлатанамъ свойственно приписывать себѣ надъ другими преимущество.

При началѣ перьваго своего отдѣленїя, онъ сожалѣетъ о всѣхъ трудящихся въ изъисканїи истинны, утверждая, *что всѣ оные находятся въ заблужденїи и собственною рукою налагаютъ покрывало на очи свои. И тогда,* прибавляетъ онъ, *не видя ни малѣйшей свѣтлости впадаютъ въ отчаянїе или боязнь, и устремляются на стези пагубныя, которыя удаляютъ ихъ навсегда отъ истин-*

наго пути. Все его покрывала, ни къ чему иному не служатъ, какъ усугубить темноту книги его и увеличить страшное покрывало, которое онъ свергнуть обѣщается. Сїе огромное обѣщанїе, творитъ его подобнымъ народному продавцу мнимыхъ лѣкарствъ, предлагающему и надежное отъ недуговъ исцѣленїе и жизнь долговѣчную; но обманутые простаки скоро, познавъ легковѣрїе свое, находятъ себя щастливыми, естьли оно не бываетъ причиною ихъ разкаянїя.

Противно ежедневнымъ испытанїямъ, что бы люди упражняющїеся въ снисканїи истинны, впадали въ отчаянїе и устремлялись на пагубныя стези; ибо мы видимъ любящихъ ученїе и углубленныхъ въ познанїе премудрости, сколько она по свойству человѣческому познаваема быть можетъ, что они не впадаютъ въ отчаянїе и ни по какимъ пагубнымъ стезямъ не спу-

па-

паютъ. Они не истощеваютъ дни свои такъ, какъ онъ говоритъ, въ тщетныхъ и безплодныхъ усилїяхъ; и онъ напрасно думаетъ, что бы труды ихъ были совсемъ безплодны, или оставляли по себѣ одну горесть; понеже прїобрѣтенїе во всякомъ родѣ познанїй есть не безплодно, и не только горести по себѣ не оставляетъ; но еще и причиняетъ совершенное удовольствїе.

Онъ говоритъ, *что человѣкъ, какъ скоро захочетъ обратить взоръ свой на самаго себя, при первомъ взглядѣ легко почувствуетъ и признается, что есть для него опредѣленная наука, или очевидный законъ*... Но не уже ли мрачный проповѣдникъ одинъ токмо въ родѣ человѣческомъ, которой можетъ обращать взоръ свой самъ на себя! И не уже ли одному ему только предоставлено было узнать совершенно сту истинну,

о которой онъ такъ невразумительно пишетъ! Прошлыхъ и нынѣшняго столѣтія люди глубокаго разума, обширнаго ученія и сильнаго размышленія, не безуспѣшнѣе его обращали взоръ свой на естество вообще, и особенно на человѣка: они находили вмѣсто скрытныхъ дѣйствій, опредѣленной науки и очевиднаго закона, никому себя однако же не объявляющаго, въ перьвомъ, повсюду премудрость Божію; а въ познаніи человѣка, необходимость для него быть добродѣтельнымъ, что конечно не безполезнѣе двойственнаго и тройственнаго его законовъ.

Онъ присовокупляетъ, *что и всякому существу оный (законъ) данъ, но не во всѣхъ вообще существахъ находится* . . . Предложеніе, противорѣчіе означающее! Ибо, когда, отъ Всевышняго Создателя и Творителя міровъ, законъ данъ всякому существу; то оный законъ

не

не можетъ во всѣхъ вообще существахъ не находиться, напримѣръ: когда солнцу законъ данъ освѣщать и согрѣвать, планетамъ вокругъ его шествовать, тѣламъ находящимся на земномъ шарѣ имѣть къ центру онаго стремленіе, магниту притяженіе желѣза, человѣку думать и проч.; то уже всѣ оныя законы не могутъ не находиться въ сихъ существахъ дотолѣ, пока онѣ бытіе свое имѣть не престанутъ.

Однако, не смотря на непонятное и мрачностію покрытое его писаніе, онъ думаетъ, что великое благодѣяніе людямъ сдѣлаетъ, *когда покажетъ источникъ и происхожденіе того безпорядка, который ихъ изумляетъ*... то есть, источникъ добра и зла владычествующихъ въ свѣтѣ. Онъ ничего, ни яснѣйшаго, ни удовлетворительнѣйшаго прежнихъ любомудрыхъ писателей о семъ предлогѣ

не предсшавляетЪ, вЪ коихЪ мы находимЪ, что Персіяне вЪ глубочайшей древности признавали два пропивуположительныя существа, подЪ названіемЪ Оромазда, доброе, и Аримана злое; что Индѣйцы еще прежде ихЪ, такЪ же имѣли свое особливое мнѣніе о происхожденіи зла. Они думали, что Брама, божество могущества и славы; Витзну, любви и добродѣтели; СибЪ, жестокости и разрушенія, сотворили сЪ общаго согласія другихЪ боговЪ имЪ подчиненныхЪ, называемыхЪ ДевтовЪ. Сіи полубоги учинились возмутителями превыспрянняго обиталища; и богЪ, первенствующій изЪ трехЪ боговЪ, сверзилЪ ихЪ вЪ бездну преисподнюю. По истеченіи многихЪ вѣковЪ ихЪ наказанія, они исходатайствовали быть человѣками, и принесли зло на землю, коего сѣмя вЪ нихЪ уже существовало и на небеси, почему Брама и принужденЪ былЪ дать имЪ свой новой завѣтЪ, называемый ВейдамЪ.

Етип-

Египтяне такъ же признавали два начала, доброе и злое, подъ именами Озирида и Тифона.

Въ первыхъ столѣтїяхъ Кердонъ, Маркїонъ и Манентъ ересеначальники, утверждали ересь свою на добромъ и зломъ началахъ, и которую святый Августинъ столь торжественно изпровергнулъ.

Но всѣ мнѣнїя о двухъ началахъ, столько же противны разсудку и правильному понятїю, сколько и нашего мрачнаго проповѣдника объ оныхъ истолкованїе.

Онъ говоритъ: *зло есть ложное; понеже оно не можетъ существовать одно; ибо противъ воли его законъ существъ въ одно время съ нимъ существуетъ, и оно не можетъ его никогда уничтожить, хотя и угнѣтаетъ его и разстроиваетъ исполненїе его.* Когда зло

угнѣ-

угнѣтаетъ и разстроиваетъ исполненіе закона существъ; то оно есть вещественно, не ложно и существуетъ, такъ же противъ воли существеннаго закона, какъ сей по мнѣнію его существуетъ противу воли зла.

Потомъ на другой страницѣ говоритъ: *зло не имѣетъ само по себѣ никакой силы...* Но на что же онъ сказалъ, что оно угнѣтаетъ и разстроиваетъ законъ существа? Слѣдственно оно не только не безсильно, но имѣетъ въ вышнемъ степени силу, когда можетъ угнѣтать и разстроивать законъ существа.

Далѣе еще онъ разсуждаетъ: *ежели бы добро сначала и всегда было современно злу; то ни которое не могло бы пріобрѣсти другъ надъ другомъ никакого превосходства; ибо, по сему предположенію, злое начало*

не

не зависѣло бы отъ добраго и имѣло бы равное ему могущество; и такъ оба они или не имѣли бы другъ надъ другомъ никакого дѣйствїя, или бы содержали себя въ равновѣсїи; а изъ сего равенства силъ произошла бы недѣйствительность и совершенное безплодїе въ дѣлахъ сихъ обоихъ существъ; ибо взаимнодѣйствующїя силы ихъ непрестанно бы препятствовали другъ другу произвести что либо. Изъ сего разсужденїя, что можно заключить иное, какъ добро и зло, хотя неравнаго могущества и старшинства, однако находятся не только между собою въ союзѣ; но и въ необходимомъ содѣйствїи; ибо отъ недѣйствительности ихъ произошло бы безплодїе въ дѣлахъ ихъ?

Но онъ не долго при семъ заключенїи оставляетъ читателя своего, ибо нѣсколькихъ строкъ ниже утвер-

утверждаетъ, что *между добромъ и зломъ не было и не будетъ ни малѣйшаго союза... что добро не можетъ содѣйствовать рожденію зла, ни происходящимъ отъ него дѣйствіямъ...* Онъ прежде утверждалъ, что *взаимнодѣйствующія силы добра и зла непрестанно бы препятствовали къ произведенію дѣлъ* ихъ; то слѣдственно, по его наукѣ, безъ сего препятствія они должны имѣть дѣйствительность и производить свои дѣла, одно посредствомъ другаго; потому что отъ недѣйствительности ихъ произошло бы безплодіе въ дѣлахъ ихъ; а по сему, послѣ такого утвердительнаго предложенія, уже не можно паки утверждать противное оному.

Не льзя не удивляться, какъ такія упорныя одно другому противурѣчія и непонятныя разсужденія, коими безпрерывно наполняется

кни-

книга мечтающаго писателя, содержащая въ себѣ не всеобщія заблужденія, но собственныя его, могла пріобрѣсть славу, хотя кратковременную, и читателей имѣющихъ терпѣніе читать ее. И что еще страннѣе, что нѣкоторые изъ оныхъ тщеславятся, будто они заключающуюся мнимую потаенную въ ней науку понимать могутъ! Но какъ мода во многихъ случаяхъ болѣе людьми управляетъ, нежели здравой разсудокъ; то были и такіе, которые не читавши ее, увѣряли, что она содержитъ въ себѣ премудрость нужную для блага человѣческаго; дабы причислить себя къ послѣдователямъ ученія Мартинистовъ, коего проповѣдники, имѣя болше разсудка, нежели сіи легкодумцы вѣрующіе чужимъ разсужденіямъ, находили въ сооруженіи новой секты, на паденіи такъ же славящагося въ свое время Масонства, не одну выгоду, что бы говорить о себѣ заставить; но другія

больше имъ полезныя, не въ химерическихъ мнѣнїяхъ устроенныя, но въ вещественныхъ предѣлахъ обрѣтающїяся.

Послѣ столь ясныхъ его истолкованїй о добрѣ и злѣ, онъ вопрошаетъ: *естьли зло не произошло отъ добраго начала, какимъ же образомъ могло оно родиться? Поистиннѣ сказать*, прибавляетъ онъ, *сїе предложенїе весьма важно, и такое, въ которомъ я бы желалъ удостовѣрить всѣхъ моихъ читателей; но я не льщу себя успѣхомъ.* Весьма благоразумно; *и сколь ни твердо я увѣренъ въ несспоримости предлагаемыхъ мною истиннъ, однако не удивлюсь, что многїе оныя отвергнутъ, или не поймутъ.* Конечно не чему дивиться; ибо все то, что противно разсудку, долженствуетъ быть отвергнуто, и все, что писано не внятно и съ тщеславною непроницательностїю, вѣ-

всѣми понято быть не можетъ; а особливо когда сїи мнимыя таинства, кромѣ пусторѣчїя, въ себѣ ничего не содержатъ.

Мнѣнїе его, что зло произошло, отъ развращенной воли возмутителей тишины небесной, почерпнуто, такъ какъ мы выше упомянули, изъ науки браминовъ, которая заключается въ ихъ перьвомъ законѣ, называемомъ Шаста, данномъ имъ за тысячу пять сотъ лѣтъ предъ ихъ вторымъ закономъ, извѣстнымъ подъ именемъ Вейдама. По свидѣтельству одного Агличанина Господина Гольвиля, жившаго тритцать лѣтъ въ Бенарезѣ между браминами, и который, выучивъ ихъ древнїй священный языкъ именуемый Ганскритъ, читалъ божественныя ихъ книги: во второй главѣ закона Шасты описано сотворенїе Ангеловъ; въ третей возмущенїе ихъ; въ четвертой низверженїе; въ пятой

превращенïе ихъ въ разныя животныя; напослѣдокъ въ коровъ, которыя отъ того почитаются священными въ Индïи, и наконецъ претворенïе ихъ въ человѣковъ. Но ученïе нашего проповѣдника ту разницу имѣетъ съ наукою Индѣйцевъ, что, по мнѣнïю его, начало по волѣ своей учинившися злымъ родило древлѣ зло, въ которомъ и по нынѣ пребываетъ; а человѣкъ ниспалъ съ высоты своего состоянïя, для того, что по сей же самой волѣ отлучился отъ добраго начала и прïобрѣлъ пагубное знанïе зла. И хотя его и злаго начала преступленïя суть равно плоды злой ихъ воли; однако оба преступленïя различнаго свойства и не могутъ подвержены быть равному наказанïю, ниже имѣть одинакïя слѣдствïя: злое начало будетъ пребывать въ своей продерской волѣ, доколѣ не будетъ ему возвращено сообщенïе съ добромъ; а человѣкъ, не взирая на свое осужденïе, можетъ примириться съ истинною;

ною; но способы, данные ему для возстановленія его въ прежнее состояніе, сопряжены съ весьма строгими условіями.

Когда начало зла, говоритъ онъ, *сдѣлалось злымъ по единому дѣянію его воли; разумѣется уже, что оно было добрымъ прежде произведенія сего дѣянія. Но было ли оно равно тому высшему началу, о коемъ мы прежде говорили? Конечно нѣтъ; оно было доброе, не будучи оному равнымъ; было нижайшее того, не будучи злымъ; оно произошло отъ сего вышшаго начала, и потому не могло ему равняться ни въ силѣ, ни въ могуществѣ; оно было доброе, понеже существо произведшее его, было сама благость и совершенство; оно было нижайшее онаго, понеже имѣя законъ свой не отъ себя, имѣло оно способность дѣлать*

то, что возложено ему было по его происхожденію; и по сему имѣло способность удалиться отъ сего закона и учиниться злымъ.

Не много выше, онъ сказалъ, что *добро не можетъ содѣйствовать рожденію зла*: но теперешнимъ своимъ разсужденіемъ, утверждая, что существо произведшее его было сама благость и совершенство, онъ поставляетъ, что добро, не только содѣйствовало злу, но и было причиною произхожденія его; слѣдственно столь разногласныя предложенія взаимно одно другое изпровергаютъ и уничтожаютъ.

Человѣкъ же нынѣ, по мнѣнію его, чувствуетъ вліяніе зла по мѣрѣ удаленія своего отъ добраго начала; а потому говоритъ онъ: *когда мы видимъ человѣка покоренна дѣйствію зла, то можемъ справедливо увѣрить себя, что онъ самоизволь-*

вольно злу подвергнулся, и что въ его было волѣ защищать и удалять себя отъ онаго. Итакъ естьли человѣкъ испытываетъ напасти, на примѣръ: отъ огня, отъ яростнаго стремленія водъ, отъ свирѣпости бурь; будетъ умирать язвою, изнуряться гладомъ, страдать подъ тягостію другихъ какихъ бѣдствій, не отъ самаго себя произходящихъ; претерпѣвать лишеніе отъ природы, или отъ скорбныхъ недуговъ какого либо члена или чувственнаго органа, то онъ самовольно злу подвергнулся; потому что имѣетъ свободную волю. Признаться должно, что Логика мрачнаго нашего писателя, не есть логика Бейля или Лока.

Страннѣе всего, что онъ утверждаетъ что, *естьли бы человѣкъ устремилъ волю свою къ доброму началу, престалъ бы злымъ быть и зло не существовалобъ болѣе.* Предложеніе означаю-

чающее незнаніе свойствъ душевныхъ человѣка; ибо естьли бы человѣкъ безпрестанно устремлялъ волю свою къ добру; тогда бы онъ не имѣлъ ни слабости, ни страстей, ни склонностей противныхъ добру, и былъ бы твореніе доброты безконечныя, и совершенное; но какъ одинъ Создатель всего, что существуетъ, Совершенъ и благость имѣетъ безконечную; то безразсудно требовать сего отъ существа по естеству своему вмѣщающаго въ себѣ и добро и худо. И какъ воля человѣческая не есть безконечно добрая, и не есть безконечно злая; то и не можетъ всегда стремиться къ добру, такъ какъ не можетъ всегда стремиться ко злу. Намъ кажется, что онъ больше всѣхъ имѣетъ нужду устремлять свою волю къ доброму началу, дабы предохранить себя отъ противныхъ здравому разсудку писаній.

Далѣе онъ такъ философически о волѣ и свободѣ разсуждаетъ: *когда человѣкъ можетъ ежеминутно унижать и обезсиливать свободу свою; то весь человѣческій родъ нынѣ менѣе свободенъ, нежели былъ въ первыя времена, кольми паче прежде его рожденія*, то есть, когда онъ еще не былъ на землѣ, но обиталъ въ высшихъ предѣлахъ; ибо мнѣніе его есть, что человѣкъ прежде паденія своего былъ изъ тѣхъ существъ небесныхъ, которыя непосредственное съ Божествомъ имѣютъ сношеніе.

Онъ признается, *что изтолкованіе, какимъ образомъ воля можетъ на что нибудь рѣшиться безъ побужденій и причинъ посторонних, есть бездна непроницаемая человѣку и всякому существу.* Сими словами *всякому существу* онъ старается внушить, что ему знакомы,

кромѣ человѣка, и другїя разумныя существа; но когда всякому существу бездна сїя не проницаема; какъ же онъ могъ проникнуть, что природная воля человѣка есть изъ числа тѣхъ вещей, которыя причинъ не имѣютъ? Ибо онъ такъ разумно разсуждаетъ: *мудрецъ ищетъ причины тѣхъ вещей, которыя оную имѣютъ; но благоразумїе и просвѣщенїе его не позволяетъ ему искать причины тѣхъ, которыя не имѣютъ, изъ числа коихъ есть природная воля человѣка; ибо она есть сама причина.* Одинъ Создатель всего, что есть, причины не имѣетъ; но все сотворенное не можетъ имѣть бытїя безъ причины. Сїя премудрость можетъ быть только проповѣдуема такимъ учителемъ, которому всѣ безтѣлесныя существа извѣстны; а не тѣми, которые утверждаютъ познанїя свои на безпрестанныхъ примѣчанїяхъ и неутомимыхъ испытанїяхъ.

По-

Потомъ онъ возглашаетъ, что онъ предлагаетъ свои разсужденія не для ослѣпленнаго и легкомысленнаго человѣка, *который судитъ о вещахъ такъ какъ онѣ теперь, а не какъ были*, то есть, какъ онѣ были прежде бытія рода человѣческаго, что ему чрезъ откровеніе извѣстно. *И такъ безполезно*, продолжаетъ онъ, *представлять ему таковыя истинны; понеже онъ будетъ судить о нихъ по чувствамъ*. Какъ же человѣкъ судитъ, что не по чувствамъ? ибо когда бы онъ не имѣлъ чувствъ; тогда бы онъ ни судить, ни разсуждать ни о чемъ не могъ.

Онъ вручаетъ свою книгу, говоритъ онъ, *тому, кто старается свергнуть съ себя темный покровъ*. Сказать сперьва, что сія книга предлагается для блага всего рода человѣческаго вообще, и потомъ вручать ее только тому, который старается свергнуть съ себя тем-

темный покровъ, есть видимое противорѣчїе; но премудрый сочинитель мало помышляетъ, такъ какъ мы увидимъ далѣе, предостерегать себя отъ противорѣчїй изобильно обрѣтающихся въ книгѣ его.

Послѣ сего онъ разсуждаетъ о паденїи человѣка; но переображая священное писанїе дѣлаетъ по обыкновенїю своему истолкованїе не вразумительное, безъ сомнѣнїя для того, чтобъ показать, что онъ имѣетъ болѣе о семъ познанїя, нежели священный писатель, который по откровенїю божественному извѣстилъ родъ человѣческой о сотворенїи его всевышнею десницею, о блаженствѣ перьваго человѣка и о его прегрѣшенїи. *Могъ бы я*, говоритъ онъ, *укротить непрестанныя роптанїя на то, что мы осуждены участвовать въ казни праотца нашего, хотя и не участвовали въ преступленїи его; но сїи истинны былибъ отъ*

многихъ презрѣнны; а признаны отъ столь не многихъ, что я бы погрѣшилъ, показавъ ихъ всему свѣту. Изъ сего должно заключить, что мрачный нашъ проповѣдникъ есть или обманьщикъ достойный презрѣнія, или человѣкъ не доброжелательствующій себѣ подобнымъ. Ибо естьли онъ не знаетъ тѣхъ истиннъ, о которыхъ увѣряетъ, что онъ ихъ знаетъ; то онъ обманьщикъ: естьли же онъ ихъ знаетъ, да открыть не хочетъ; то онъ не только недоброжелатель подобнымъ себѣ, но еще и желаетъ погубленія ихъ; понеже многіе ослѣпленные въ невѣріи своемъ главнѣйшимъ доказательствомъ имѣютъ невинное страданіе за преступленіе праотца своего; потому открывъ столь важную тайну спасъ бы грядущихъ въ вѣчную гибель.

Очень страннымъ покажется нелѣпой романъ, которой онъ къ сему

при-

прилагаетъ, называя оной аллегорическимъ описанїемъ человѣка въ своей славѣ; и который слѣдующаго содержанїя.

Ни чье происхожденїе не превышаетъ его происхожденїя; ибо онъ древнѣе всякаго существа въ натурѣ: онъ существовалъ прежде рожденїя всякаго сѣмени, однако явился въ мїръ послѣ всѣхъ ихъ. Но тѣмъ онъ былъ выше всѣхъ сихъ существъ, что имъ надлежало раждаться отъ отца и матери, а человѣкъ не имѣлъ матери. Сверхъ сего ихъ должность была ниже человѣческой; человѣкъ долженъ былъ всегда сражаться, дабы прекратить безпорядокъ и привести все къ единицѣ; а ихъ дѣло повиноваться человѣку. Но какъ сраженїя, къ которымъ обязанъ онъ былъ, могли быть ему опасны, для сего былъ онъ покрытъ бронею непроницае-

мою,

мою, которую могъ обращать на разныя употребленія по своей волѣ, и съ которой долженъ былъ дѣлать списки во всемъ равные и подобные подлиннику.

Сверьхъ того вооруженъ онъ былъ копїемъ, составленнымъ изъ четырехъ металловъ, толь хорошо смѣшанныхъ, что съ начала бытїя мїра никто не могъ ихъ раздѣлить. Сїе копїе имѣло свойство жечь, какъ огонь; кромѣ сего оно было столь остро, что ничего не было для него непроницаемаго, и столь дѣйствительно, что однимъ разомъ ударяло въ два мѣста. Сїи преимущества соединенныя съ неизчислимыми другими дарованїями, которыя человѣкъ получилъ во едино время, дѣлали его истинно крѣпкимъ и страшнымъ.

Страна, въ коей человѣкъ дол-

долженствовалъ сражаться, была усажена лѣсомъ, составленнымъ изъ семи деревъ, изъ коихъ каждое имѣло шестьнатцать корней и четыре ста девяносто вѣтвей. Плоды ихъ непрестанно возобновлялись, и доставляли человѣку наилучшую пищу; оныя же деревья служили ему убѣжищемъ, и дѣлали жилище его какъ бы неприступнымъ.

Въ семъ жилищѣ утѣхъ, въ сей обители блаженства своего и на престолѣ славы своея, человѣкъ былъ бы навсегда блаженъ и непобѣдимъ; ибо, получивъ повелѣнiе занимать средоточiе онаго, могъ оттуда безъ труда смотрѣть на все происходящее вокругъ его, и удобно примѣчать всѣ хитрости и движенiя противниковъ его, не будучи отъ нихъ никогда видимъ. И такъ доколѣ пре-

былъ онъ въ своемъ мѣстѣ, дотолѣ соблюдалъ свое естественное превосходство, наслаждался миромъ и вкушалъ блаженство, коихъ не можно изъяснить нынѣшнимъ человѣкамъ; но какъ скоро удалился изъ сего мѣста, то престалъ быть господиномъ онаго, и на его мѣсто посланъ иной дѣйствователь. Когда упомянуто выше, что человѣкъ долженъ былъ всегда сражаться; то кажется, не льзя, чрезъ одну страницу, забыть сей должности человѣка: *сражаться*, и сказать, что онъ наслаждался миромъ; ибо всякой знаетъ, что пребывающій въ сраженіи не можетъ наслаждаться миромъ. *Тогда*, продолжаетъ онъ, *человѣкъ, лишася позорно всѣхъ своихъ правъ, низверженъ былъ въ страну отцовъ и матерей, гдѣ съ того времени и находится, сѣтуя и сокрушаяся о томъ, что видитъ себя смѣ-*

 шан-

шанна съ прочими существами Натуры.

Не возможно вообразить печальнѣе и жалостнѣе того состоянія, въ которомъ находился сей нещастный человѣкъ въ минуту его паденія; ибо не только потерялъ онъ тотъ часъ страшное копїе, которому ничто не могло противиться; но и самая броня, коею былъ облеченъ, исчезла отъ него, и на мѣсто ея дана ему на время иная, которая не будучи непроницаема, какъ прежняя, сдѣлалась для него источникомъ непрерывныхъ опасностей; но при всемъ томъ обязанъ онъ былъ выдерживать то же сраженїе, и потому гораздо больше сталъ открытъ непрїятелямъ.

Однако отецъ его, наказуя такимъ образомъ, не хотѣлъ лишить его всей надежды и со-

совершенно предать ярости враговъ; тронутъ будучи раскаянїемъ и стыдомъ его, обѣщалъ возвратить ему прежнее состоянїе, естьли только употребитъ къ тому тщанїе; но не прежде однако, какъ заслужитъ право владѣть колїемъ потеряннымъ, и которое вѣрено было преемнику его, вступившему на мѣсто его въ средоточїе, которое онъ оставилъ.

Сего то несравненнаго оружїя исканїемъ человѣки должны были съ того времени заниматься, и заниматься всякой день; ибо полученїемъ онаго только могутъ они возвратить свои права, и снискать всѣ тѣ милости, которыя были имъ назначены. Не удивительно, что человѣку послѣ его паденїя оставленъ былъ способъ; ибо отеческая рука наказывала его, и родительская любовь имѣла о

 немъ

немъ попеченіе и тогда, когда правосудіе того же отца удалило его отъ своего присудствія. Ибо мѣсто, оставленное человѣкомъ, столь премудро устроено, что возвращаясь по тому же пути, по которому заблудился, человѣкъ можетъ несомнѣнно войти въ средоточіе лѣса, въ которомъ единственно можетъ пользоваться нѣкоторою силою и уповеніемъ.

Въ самомъ дѣлѣ онъ заблудился, идучи отъ четырехъ къ девяти, и не иначе можетъ возвратиться, какъ шествуя отъ девяти къ четыремъ, то есть, что онъ пошелъ отъ прямой къ кривой дорогѣ; а надлежало бы ему итти отъ сей къ первой; ибо у сего притворнаго Пророка число четыре означаетъ Божество, такъ какъ увидимъ ниже; а девять круговую или кривую линѣю, означающую вещество и чувственныя дѣянія;

нія; и потому онъ съ таинствен-
нымъ видомъ употребляетъ изрѣ-
ченія, четыре и девять. *Впрочемъ*,
продолжаетъ онъ, *не льзя ему*
жаловаться на сіе опредѣленіе;
ибо таковъ есть законъ, возло-
женный на всѣ существа, оби-
тающія въ странѣ отцовъ и
матерей; и понеже человѣкъ со-
шелъ въ оную страну по своему
хотѣнію; то долженъ возчув-
ствовать онаго закона и нака-
занія. Сей законъ ужасенъ, я то
знаю, но не можетъ никакъ срав-
ненъ быть съ закономъ числа
пятидесяти шести. Сей законъ
страшенъ всѣмъ, которые ему
подвергнутся; ибо они никогда
не возмогутъ притти къ шести-
десяти четыремъ, не возчув-
ствовавъ всей его строгости. Мы
хотя и отгадали значеніе чи-
селъ его 64; однако же не превозно-
симся симъ достоинствомъ; по-
тому, что какимъ бы кабалисти-
ческимъ порядкомъ онъ не сплеталъ

числа свои; но онѣ никогда другое ничто не будутъ, какъ числа немогущія имѣть ни союза съ Божествомъ, ни излїянія надъ благомъ человѣка; 64 сказанныя имъ съ шарлатанствомъ означаютъ первую причину; ибо въ странномысленной его премудрости, такъ какъ мы далѣе увидимъ, число десять, которое онъ здѣсь изъясняетъ шестьюдесять четырьмя, представляетъ центръ божества.

Въ древнее время существовало чудовище, называемое Сфинксомъ, обитавшее подлѣ города Ѳивы на горѣ Кифероны, которое предлагало свою загадку и пожирало всѣхъ тѣхъ, кои представляясь къ разрѣшенїю оной, не могли исполнить предпрїятїя своего. По щастїю нашему, сей новый Сфинксъ предлагающїй загадки свои, не имѣетъ могущества поглощать не отгадывающихъ; въ противномъ случаѣ, всѣ читатели были бы подвержены ярости

его;

его; впрочемъ если онъ любитъ загадки, такъ какъ видно по сочиненїю его; то бы онъ благоразумно поступилъ, когда бы отсылалъ ихъ къ Издателямъ перїодическаго сочиненїя, издаваемаго въ Парижѣ, подъ названїемъ Меркурїй Французскїй, въ каждомъ нумерѣ коего помѣщаются загадки; и которымъ многїе пустомыслящїе и обремяненные праздностїю стараются, такъ или нетакъ, найти отгадку, и въ слѣдующемъ нумерѣ помѣстить оную. Въ такомъ сочиненїи древнїя бредни, возобновленныя нашимъ Пророкомъ, приличнѣе бы могли находиться, нежели въ такомъ, въ коемъ благо всего человѣческаго рода и открытїе таинствъ къ оному ведущихъ обѣщается.

Надлежитъ признаться, что мнимыя его тайны и смѣлость увѣрять противурѣчивыми разсужденїями, что онъ свыше всѣхъ другихъ понятїемъ своимъ, долженствуетъ

 про-

произвесть во всякомъ здравомыслящемъ читателѣ отвращенїе, отъ столь наглаго его тщеславїя и самохвальства.

Говоря о человѣческомъ тѣлѣ, онъ такъ изъясняется: *сїе вещественное тѣло, которое мы носимъ, есть орудїе всѣхъ нашихъ страданїй ...... оно содержитъ насъ въ мученїи .... ибо мы видимъ, сколь ужасныя производитъ оно дѣйствїя*, потомъ чрезъ нѣсколько строкъ утверждаетъ, что оно служитъ защитою и предохраненїемъ противу опасностей, насъ окружающихъ. Трудно согласить, какъ тѣло наше въ одно время творитъ мученїя наши, производитъ ужасныя дѣйствїя, и служитъ намъ предохраненїемъ. *Сїе есть мнѣнїе*, продолжаетъ онъ, *мудрецовъ всѣхъ временъ; первое ихъ упражненїе состояло въ непрестанномъ соблюденїи себя отъ представляемыхъ*

симъ

симъ тѣломъ мечтаній. Мы можемъ ему длинной реестръ представить всѣхъ временъ мудрецамъ, которые такого темнаго понятія о тѣлѣ человѣческомъ не имѣли: слѣдственно сіе есть мнѣніе не всѣхъ мудрецовъ.

Въ описаніи его трехъ царствъ Натуры, такая же темнота и мнимой важности скромность владычествуетъ. *Животныя*, говоритъ онъ, *не имѣютъ нужды быть не отдѣлимы отъ земли; но получаютъ плотское свое бытіе отъ теплоты матерниной*. Какое важное открытіе, что нѣтъ нужды животнымъ быть въ землѣ укорененнымъ! Однако же онъ запомнилъ, что безъ содѣйствія отцовскаго, теплота матерниская не въ силахъ дать плотское бытіе произведеніямъ своимъ. *Растѣнія суть плодотворимы двумя силами*, но какими? Онъ умалчиваетъ. *Минераллы происходятъ отъ*

трехъ дѣйствующихъ силъ, сокровенныхъ, ему только извѣстныхъ, *и три дѣйствующія силы, ихъ составляющія, имъ не принадлежатъ*. Вотъ странное ученіе! Силы составляющія вещь къ ней не принадлежатъ! Когда силы оную составляютъ, то онѣ суть части ея. Какъ же могутъ составляющія части вещь къ ней не принадлежать? Все то же сказать: вещь существуетъ и не существуетъ.

Затрудненіе, различать минераллы отъ растѣнія, происходитъ, по мнѣнію его, отъ того, *что разность родовъ существъ тѣлесныхъ всегда содержится въ пропорціи Геометрической четверной*. Такимъ образомъ между камнемъ и дубомъ, между журавлемъ и быкомъ, находится четверная Геометрическая пропорція. Читая таковыя нелѣпости, мнѣ кажется, видѣть Молліерова Скангарелу, которой въ увѣреніи, что его никто

кто не разумѣетъ, съ пышностїю произноситъ: субстантивусъ, дативусъ и проч. Господа Бюфонъ и Бонетъ совсемъ другимъ образомъ въ Натуральной Исторїи дѣлаютъ свои разсужденія.

Прогрессїя числа, продолжаетъ онъ, *есть непрерывна, не имѣетъ границы, ниже какого либо отдѣленїя. А для совершеннаго узнанїя степени какого члена въ сей прогрессїи, потребно знать хотя одинъ радиксъ (корень); но сїе знанїе человѣкъ потерялъ лишась первобытнаго своего состоянїя. Онъ не знаетъ нынѣ радикса никакого числа, потому что онъ не знаетъ перьваго изъ всѣхъ радиксовъ.* Какимъ же образомъ онъ имѣетъ познанїе о сихъ радиксахъ? Онъ хочетъ заставить думать о себѣ, такъ какъ будетъ явственно далѣе, что онъ имѣетъ сношенїе съ Божествомъ, которое удостоило его

откровенiемъ своимъ. Между тѣмъ онъ въ предосторожность упрекъ, которые читатели имѣютъ право за противорѣчiя и невразумительность ему дѣлать, сказываетъ, что намѣренiе и долгъ его препятствуютъ ему говорить открытно, хотя онъ при началѣ своей книги и сказалъ, такъ какъ мы выше упоминали, что онъ предпринимаетъ писать ради блага рода человѣческаго. Не льзя не удивляться сему странному долгу, которой препятствуетъ ему говорить открыто; кажется, что быть полезнымъ подобнымъ себѣ, есть священнѣйшiй всѣхъ долговъ, и потому никакой другой долгъ не могъ бы ему запретить исполнить свое обѣщанiе, и принудить умолчать о тайнахъ заключающихъ въ себѣ благо человѣческое.

Естьли бы человѣкъ имѣлъ такую Химiю, продолжаетъ онъ, *помощiю коея могъ бы*

онъ.

онъ, не раздробляя тѣлъ, познать истинныя ихъ начала, то увидѣлъ бы, что огнь есть собственность животныхъ, вода собственность растѣнія, а земля минералла; тогда нашелъ бы онъ вѣрнѣйшіе знаки для разпознанія истиннаго естества существъ. Когда человѣкъ не имѣетъ сей Химіи, о которой онъ говоритъ, какимъ же средствомъ онъ узналъ принадлежность каждой стихіи къ особливому царству? Но понятія его въ Химіи такое же имѣютъ свойство мрачности, какъ и все, о чемъ онъ пишетъ; ибо искуснѣйшіе Химики, какъ на примѣръ: Глауберъ, Бехеръ, Шталь и проч. нашли въ испытаніяхъ своихъ, что всѣ стихіи имѣютъ во всѣхъ тѣлахъ смѣшеніе, и ни одна изъ нихъ особенно ни надъ какимъ царствомъ не владычествуетъ, и къ нему не присвоена.

Удивительно покажется, что

онъ

онъ послѣ объявленія своего, что его намѣреніе и долгъ препятствуютъ ему говорить скрытно, такъ себѣ противурѣчитъ . . . - *естьли я во всякой вещи направляю къ истинному началу мысль человѣческую; то безъ сомнѣнія мои изъисканія будутъ не столь темны какъ сихъ изслѣдователей* .... тѣхъ, кои основываютъ свое ученіе не на воображеніяхъ, но на доказательствахъ ощутительныхъ, *ежели примѣчатели дѣйствительно имѣютъ омерзѣніе къ потаеннымъ качествамъ; то прежде всего надлежитъ имъ перемѣнить свой путь*, подражая ему взять путь мечты, *ибо воистинну нѣтъ мрачнѣе и сокровеннѣе той дороги, на которую они желаютъ насъ привлечь*. Воистинну нѣтъ ничего мрачнѣе и сокровеннѣе тѣхъ потаенныхъ качествъ, о коихъ химерикотаинственный Проповѣдникъ непонятны-

ми

ми изреченїями разсуждаетъ. И какимъ образомъ онъ можетъ направить мысль человѣческую къ истинному началу и учинить его изъисканїя не темными, когда намѣренїе и долгъ его препятствуютъ ему говорить откровенно? А для направленїя мысли человѣческой къ истинному началу, и представить изъисканїя свѣтлыя, надобно говорить открытно и вразумительно; безъ того всѣ тайныя его слова, всѣ числа, мнимую науку въ себѣ содержащїя, и все его самохвальное внушенїе о своемъ сверхъ естественномъ познанїи, не направятъ на путь истиннаго начала мысль человѣческую, и не подадутъ хорошаго разумѣнїя о понятїи его,

Въ началѣ втораго своего отдѣленїя, онъ разсуждая о страданїи скота, и за что оной столь часто бываетъ лишенъ чувственнаго блага, которое учинило бы его столько щастливымъ, сколько скоту прилично,

говоритъ: *могъ бы я объяснить сїе затрудненїе, ежелибъ позволено мнѣ было распространиться о союзѣ вещей и показать, до чего дошло зло ради заблужденїя человѣка....* Изрядной способъ избралъ нашъ глубокой писатель въ отрицанїи своемъ истолковать вещи, о коихъ разсуждаетъ! объявя только, что ему не позволено, или долгъ его препятствуетъ быть вразумительнымъ, онъ думаетъ, что достаточно оправдалъ себя въ нелѣпомъ своемъ писанїи. Но когда ему позволено было составить книгу, въ 540 страницъ, изъ непонятныхъ и странныхъ предложенїй; то, кажется, не много преступилъ бы онъ сїе позволенїе, прибавя еще нѣсколько строкъ къ объясненїю сего затрудненїя. Однако онъ не оставилъ отъ части изъяснить оное, дабы не усомнились въ чудоявляемомъ познанїи его, сказавъ: *что земля не есть болѣе дѣва, и сїе то подвергаетъ ее и пло-*

плоды ея всему множеству золъ, воспослѣдовавшему отъ потерянія дѣвства ея.

Сïе означенïе причины зла противурѣчитъ прежнимъ его утвержденïямъ, и происходитъ изъ того же источника химеръ, изъ коего произтекли и всѣ заблужденïя его; ибо несогласно есть съ справедливымъ состоянïемъ земнаго вещества, что земля, по изрѣченïю его, не есть болѣе дѣва, то есть, что будто во всемъ обитаемомъ нами шарѣ, не находится больше чистой, первобытной и несмѣщанной съ другимъ веществомъ земли. Но естьли на поверьхности или на коркѣ ея мало, или и совсемъ нѣтъ такой земли; то сïе не можетъ служить доказательствомъ, что бы въ глубинѣ земной, человѣками не досязаемой, чистой и стихïйной земли не находилось. Алхимики, которые такую землю называютъ дѣвою, невѣроятные труды употребляли, да можетъ быть и нынѣ нѣкоторые

рые изъ нихъ, имѣющїе разумъ свой еще поврежденной болѣзнею философскаго камня, употребляютъ для обрѣтенїя оной: они зная, что золото есть чистѣйшее изъ металловъ, заключаютъ, что для того и самая чистѣйшая земля должна входить въ составъ онаго. Однако со всѣми неусыпными ихъ трудами очень сомнительно, чтобъ они имѣли желаемой успѣхъ въ работахъ своихъ; по той причинѣ, что сїя поверхьность земли, которую мы только познавать можемъ, была во все время, съ самаго начала существованїя своего, подвержена безпрестанному дѣйствїю надъ нею другихъ стихїй, которыя мало помалу раздѣлили и раздробили перьвообразныя и чистѣйшїя частички стихїйной земли; и совокупясь съ оными, потомъ въ неизчисленныхъ соразмѣрахъ и образахъ, составили безконечное множество сложныхъ тѣлъ разныхъ родовъ и видовъ, находящихся

щихся

щихся на коркѣ земли до нѣкоторой глубины, весьма малой въ отношеніи къ діаметру земли, но чрезмѣрно великой, въ отношеніи къ намъ; потому что мы не могли еще проникнуть во внутренность оной далѣе, какъ на нѣсколько сотъ футовъ.

Послѣ сего онъ опровергаетъ всѣ нынѣшнія физическія познанія, имѣющія на вѣрнѣйшихъ испытаніяхъ основанія свои, и предлагаетъ новое ученіе о существѣ вещей; но по нещастію противурѣчія его, невразумительность и утвержденія, никакими опытными доказательствами не подкрѣпленныя, не только не предупреждаютъ въ пользу онаго; но противоборствуютъ каждаго соглашенію на новые предлагаемые имъ естества законы, на одной мысленной Теоріи основанные, коихъ умноженіе разпространяетъ густѣйшую мрачность и замѣшательство въ

Физикѣ мечтающаго писателя; и заставляетъ думать, что онъ новой образъ творенія вещей почерпнулъ въ собственномъ своемъ воображеніи, разпаленномъ отъ напряженія къ понятію Матафизическихъ и не находящихся въ естественныхъ предѣлахъ существъ.

Однако двойное содержаніе, говоритъ онъ далѣе, *правящее тѣлами и всемъ веществомъ, не есть то же двойное содержаніе, которое происходитъ отъ противоположности двухъ началъ. Сіе есть совершенно умное, и основаніе свое имѣетъ въ противныхъ между собою воляхъ сихъ двухъ существъ; ибо всегда въ намѣреніи только умномъ то, или другое изъ нихъ дѣйствуетъ надъ чувственнымъ или тѣлеснымъ, то есть, дабы разрушить умное дѣйствіе противное. Но не таково двойное дѣйствіе то, которому пріоб-*

щена

щена Натура; оно принадлежитъ только существамъ тѣлеснымъ, чтобъ способствовать ихъ возпроизведенїю и ихъ содержанїю; оно есть чистое, поелику управляется третьимъ дѣйствїемъ, приводящимъ его въ порядокъ; оно есть необходимое средство, уставленное отъ источника всѣхъ степеней къ строенїю всѣхъ вещественныхъ его творенїй.

Здѣсь надлежитъ для вразумленїя, поелику оно возможно, въ столь мрачныхъ и недоумительныхъ разсужденїяхъ, замѣтить, что не одно злое начало именуетъ онъ вторымъ началомъ; но еще такъ же называетъ другое начало, которое произвело вещество и управляетъ имъ; сїе служитъ къ произвожденїю и содержанїю существъ тѣлесныхъ; начало же злое имѣетъ противную волю первому началу, и дѣйствуетъ

 надъ

надЪ чувственнымЪ или тѣлеснымЪ, дабы разрушить дѣйствїе перьваго начала, ему противнаго; двойное же дѣйствїе чистое, о которомЪ онЪ здѣсь разсуждаетЪ, значитЪ, такЪ какЪ мы тотчасЪ ниже увидимЪ, растущее начало и огнь, противудѣйствующїй сему началу; а третїе дѣйствїе есть второе начало, или причина дѣйствующая разумная, опредѣленная отЪ перьвой причины кЪ строенїю вещества. Должно признаться, что сочинитель новой Метафизики и Физики щедро обогатилЪ сїю послѣднюю двойственными дѣйствїями, двойственными законами и началами; но совсемЪ тѣмЪ естественные его законы не суть законы Невтоновы.

Раздѣлять образы вещества, говоритЪ онЪ, *не есть раздѣлять сущность его.* Никто о семЪ не сомнѣвался; но раздробленїе тѣлЪ посредствомЪ Химїи обнаруживаетЪ начала оныхЪ, и руководствуетЪ

къ познанію существа сихъ началъ. Онъ увѣряетъ, *что рука человѣческая не можетъ разрушить составъ вещества.* Ни одинъ испытатель Натуры не утверждалъ, что бы можно было вещественное бытіе превратить въ небытіе. Сіе ученіе свойственно только новому строителю естественныхъ законовъ. Чрезъ нѣсколько строкъ ниже онъ прибавляетъ, *что человѣкъ не можетъ произвести въ веществѣ ни малѣйшаго раздѣленія; чѣмъ паки доказывается,* говоритъ онъ, *что сіе тѣлесное начало есть едино и просто, и слѣдовательно не есть вещество.* Начало невещественное не можетъ входить въ составъ вещей тѣлесныхъ и бездушныхъ и быть ихъ сущностію; то же сказать: ничто составляетъ что нибудь; таковое утвержденіе будетъ не совсемъ благоразумно. Что начала вещественныя должны быть просты и нераздѣлимы, въ томъ примѣчатели

естества никогда не сомнѣвались. Хотя и не всѣ одинакаго мнѣнія о сихъ существенныхъ началахъ естественныхъ тѣлъ; однако всѣ соглашаются, что онымъ должно имѣть единство и нераздѣлимость. Нѣкоторые трудолюбивые и искуснѣйшіе изъ нихъ полагаютъ быть началамъ вещества, такъ какъ и всѣ Физичные Химики признаютъ за таковыя, четыре стихіи, которыя входятъ въ составъ всѣхъ сложныхъ вещественныхъ тѣлъ; ибо оныя никакое искуство по сіе время раздѣлить въ совершенности еще не могло: можетъ быть, что онѣ и сами суть сложныя; но какъ никакія испытанія въ томъ не увѣряютъ, то онѣ и остаются началами всѣхъ тѣлъ сложныхъ; ибо по раздробленіи каждаго изъ сихъ послѣднихъ, всегда всѣ стихіи, или нѣкоторыя, выходятъ и остаются уже нераздѣлимы.

Онъ увѣряетъ, что примѣчатели

тели ошибаются, когда думают, что на мѣсто разушающихся тѣлъ и изчезающихъ въ глазахъ ихъ, вступаютъ другїя тѣла; однако потомъ тотчасъ соглашается и говоритъ: *я согласенъ съ ними въ разсужденїи всецневнаго теченїя натуры; вижу, что всѣ образы тѣлъ родятся и погибаютъ; вижу, что на ихъ мѣста вступаютъ другїя . . .* Сперьва отрицалъ, а потомъ согласился! Таковыя маленькїя неосторожности не рѣдко съ высокопорящимъ мудрецомъ случаются; однако онъ исправляетъ сїю, прибавя, *что сїе измѣнененїе совершается только въ тѣлахъ, которыя суть преходящїя; а не въ началахъ, которыя отъ того не малѣйшей перемѣны въ себѣ не терпятъ . . .* Ни одинъ примѣчатель естественныхъ дѣйствїй, не будетъ съ нимъ спорить о его безтелѣсныхъ началахъ, которыя онъ взялъ изъ славнаго мечтовидца Шведенбурга;

 ибо

ибо спорящійся объ оныхъ подобенъ былъ бы человѣку уязвленному въ разсудкѣ, который принимая мечту за вещество, сталъ бы дѣйствительно съ нею сражаться... *Кто явственно понялъ бытіе и независимую и отдѣленную отъ тѣлъ непреложность сихъ началъ, тому должно согласиться, что могли оні и могутъ существовать прежде и послѣ сихъ тѣлъ.* И такъ естьли бы можно было какое тѣлесное истребить, или въ ничто превратить, по ученію проповѣдника новой Метафизики; то начала насѣкомыхъ, растѣній, минералловъ и самыхъ отвратныхъ матерій, послѣ уничтоженія сихъ тѣлъ не престали бы существовать: но безтѣлесное существо принадлежитъ Божеству; а потому изъ сего выходитъ весьма странное заключеніе, что Божество сопрягается съ такими ничтожными и недостойными его тѣлами. Однако видно, что онъ почуствовалъ столь неистовое и несб-

необходимое разсужденіямъ его послѣдствіе, такъ изъясняется: *не присовокуплю я къ сему разсужденію тѣхъ доводовъ, которымъ не повѣрятъ, хотя они такого свойства, что такъ не возможно мнѣ въ нихъ сомнѣваться, какъ бы я самъ присутствовалъ при сотвореніи вещей.*

Но мы уже видѣли, что когда онъ своихъ разсужденій развязать не можетъ, тогда онъ извиняется или непозволеніемъ, или препятствіемъ произходящимъ отъ его долга и намѣренія; въ теперешнемъ же случаѣ, онъ нашелъ другое средство къ защищенію себя отъ упрекъ, въ непостижимости проповѣдыванія своего то, чтобъ признаться, что ему не повѣрятъ; въ чемъ онъ и не ошибается, и думаетъ благоразумно. Но сею притворною отговоркою онъ хочетъ показать, что онъ удостоенъ открове-

кровенїемъ и ни въ чемъ обманывашься не можетъ; а тѣмъ самымъ и подаетъ причину подозрѣвать, что для утвержденїя своихъ началъ, и дабы не допустить до вышепоказаннаго необходимаго заключенїя, онъ хочетъ сказать, что сїи начала одушевляющїя тѣлесное вещество не суть Божество, но существа безтѣлесныя, творенїе Божїе, снизпосылаемыя обитать въ земное вещество; ибо на другой страницѣ онъ уже точно сими словами подозрѣнїе наше утверждаетъ... *малѣйшїя частицы вещества не могутъ существовать, ниже понимаемы быть, не будучи содержимы и одушевляемы своимъ началомъ*... А еще не много далѣе уже яснѣе горитъ и подтверждаетъ, *что изъ сихъ началъ каждое по окончанїи своего дѣйствїя долженствуетъ возвратиться къ первому своему источнику....*

Сїя наука о истеченїи отъ

Боже-

Божества началъ, проницающихъ во все вещество, издревлѣ преподаваема была Индѣйскими Философами; послѣ владычествовала между Аравлянами, которые думали, что Богъ сотворилъ великое множество духовъ, дабы всякой изъ нихъ имѣлъ управленіе надъ естественными тѣлами, въ вѣдомство каждому назначенными; отъ того и произошло обожаніе звѣздъ и симулакровъ, или вещественнаго представленія сихъ мнимыхъ правителей Натуры. Потомъ въ Персіи послѣдователи Зороастра вѣрили, что отъ источника свѣта, называемаго Миѳра, боги непосредственно произшедшіе участвовали во всей полнотѣ свѣта и божественности его. Но послѣдующія постепенно за сими истеченія произвели наконецъ боговъ, которые были уже совсемъ отдалены отъ перьваго совершенства и полноты. Божественная сущность въ нихъ ослабѣвала, по мѣрѣ ихъ удаленія отъ общаго источника, и

они

они тѣмъ больше были несовершенны, чѣмъ болѣе приближались и заимствовали темноты. Такимъ образомъ произшедшіе духи наполняли разстояніе между Богомъ и веществомъ, и управляли въ небесахъ, въ воздухѣ и на землѣ; будучи могущественнѣе душъ, которыя суть такъ же истеченія, но только въ дальнѣйшемъ разстояніи, отъ перьваго источника, они принудили ихъ соединиться съ тѣлами и претерпѣвать бѣдствія тѣлесной жизни. Въ перьвомъ вѣкѣ, нѣкто называемый Менандръ, возобновилъ заблужденія Зороастра и утверждалъ, что неизчисленное множество духовъ, истекшихъ отъ перьваго существа, сотворили свѣтъ и человѣковъ; что нѣкоторые изъ сихъ духовъ заключили по злости, или по безсилію своему, душу человѣка въ тѣлесные органы, въ коихъ она попеременно испытываетъ и удовольствія и страданія, которыя прекра-

тятся смертїю.

Сверьхъ сего, хотя онъ и отдѣляетъ отъ вещества безтѣлесныя его начала, дабы сокрыть подобїе ученїя своего со мнѣнїемъ славнаго Атеиста Спинозы; но не смотря на его въ томъ старанїе весьма ощутительно, что присоединенїе безтѣлесныхъ началъ ко всякому веществу, какое бы сїе вещество ни было, весьма сходствуетъ съ безбожною системою Спинозы, которой увѣряетъ, что во всей натурѣ есть только одно существо, имѣющее въ себѣ безчисленное множество разныхъ свойствъ и способностей, между коими находятся протяженїе и способность мыслить; а отъ того, и мечталъ онъ, что всѣ тѣла суть образы и измѣненїе онаго протяженїя, а другїя безтѣлесныя существа, такъ какъ напримѣръ души человѣческїя, суть измѣненїе мысли сопряженной со всеобщимъ существомъ, представляющимъ себя

раз-

разными видами, кои дѣйствуютъ и бытїе свое имѣютъ по необходимости. Сїе пагубное заблужденїе отпадшаго Евреина многими ученнѣйшими людьми совершенно и удовлетворительно было испровергнуто, коимъ побореiствовалъ и Фенелонъ Епископъ Камбрейскїй, мужъ извѣстный чесностїю своею и чистотою нравовъ. Но какое бы существо, содержащееся въ земномъ веществѣ, по мнѣнїю нашего исповѣдателя, ни было; однако то вѣрно, что бы непрїятно ему было заключаться нѣкоторое время въ насѣкомомъ, или въ какой нечистой матерїи, которую называть здѣсь не благопристойно.

Онъ придаетъ къ вещественнымъ своимъ началамъ еще другое начало, Творителя всему веществу, называя его вторымъ началомъ, и такъ благоразумно разсуждаетъ: *вещество, будучи произведенїе втораго начала ни-*

жай-

жайшаго и подчиненнаго иному началу, всегда находится въ зависимости и того и другаго, такъ что для продолженія бытія его необходимо требуется взаимное обоихъ стеченіе; ибо извѣстно, что какъ скоро которое нибудь перестаетъ дѣйствовать, тѣла разрушаются и изчезаютъ.

Но мы скажемъ, что не извѣстно, и ни одинъ читатель о томъ не свѣдущъ, такъ какъ онъ и самъ. Можно сказать извѣстно тогда, когда предлагаемое въ самомъ дѣлѣ всѣмъ извѣстно, а не о томъ, чего никто не знаетъ; ибо когда кто разсуждаетъ о вещи ему извѣстной, то оной говоритъ ясно и не противурѣчитъ самъ себѣ, такъ какъ нашъ странный проповѣдникъ. Онъ разумѣетъ подъ инымъ началомъ первое начало, коему второе подчинено, то не уменьшая власть и дѣйствіе перьваго не можно тре-

бовать стеченія втораго начала, чтобъ тѣла не разрушались. Но въ вышепредложенныхъ послѣднихъ его строкахъ находится еще другое противурѣчіе: когда вещество есть произведеніе втораго начала, то безполезно было бы требовать къ существованію онаго возпособленія перьваго начала, потому что оно есть произведеніе втораго начала, и не унизя перьвое не можно призывать его къ сохраненію творенія другаго начала нижайшаго и подчиненнаго ему. Не можно вѣрить, чтобъ нашъ темный писатель искренно говорилъ; а естьли подлинно воображеніе его такъ сильно въ немъ дѣйствуетъ, что онъ мечтанія свои почитаетъ за существенныя истинны; въ такомъ случаѣ не можно не сожалѣть о его заблужденіяхъ, и потому должно признаться, что половина названія книги его совершенно справедливо.

Пов-

Послѣ сего онъ опровергаетъ пространными, но темными и страннаго противурѣчія доводами естественное дѣяніе, кое изъ вещества производитъ попеременно разные образы. Но чѣмъ онъ ежедневно видимыя вещественныя дѣянія отрицаетъ? Онъ соорудилъ новое начало, которое во множествѣ его началъ еще не являлось: начало растущее, которымъ онъ снабдилъ землю особенно, сказавъ, что сїе начало ей свойственно, *и къ которому необходимо нужна*, прибавляетъ онъ, *внѣшняя причина, которая есть не иное что, какъ огнь небесный или планетный, которая бы привела въ движенїе сїе начало, дабы сила его оказалась.*

Тоже сказать должно и о тѣлахъ частныхъ...

Сколько въ сихъ строкахъ упорнаго разсудку сказано! Когда о

частныхъ тѣлахъ должно сказать то же; ибо ихъ растущее начало не зависимо отъ растущаго начала земнаго; ибо земля имѣетъ растущее начало только для себя; на что же ей его для самой себя, естьли не для того, чтобъ ей рость? И такъ, по мнѣнію его, земля ростетъ, какъ и частныя тѣла; и что такое растущее начало? сказываетъ ли оно, какимъ образомъ дѣйствіе растѣнія происходитъ? Физика должна имѣть свои основанія на испытаніяхъ и доказательствахъ; но сказать начало растущее, то же, что сказать земля плодотворящая, солнце сіяющее, луна по своему кругу обращающаяся, что не есть истолкованіе, но токмо одно объявленіе. Когда тѣла частныя имѣютъ такое же особенное растущее начало, какъ и земля, и въ помощь себѣ огнь небесный, то къ какой же должности онъ опредѣляетъ безтѣлесныя свои начала? Ежели онѣ отъ вышняго источ-

ника

ника сходятъ въ тѣла, только что бы находиться въ нихъ безъ дѣйствія, а по разрушеніи ихъ опять къ оному возвратиться, то прибытіе ихъ и присудствіе въ тѣлахъ совсемъ безполезно.

Внѣшняя огненная причина, продолжаетъ онъ, *производя отражательное дѣйствіе скоро бы преодолѣла дѣйствіе началъ неразделимыхъ и разрушила бы ихъ свойства, естьлибъ помощію существъ питательныхъ не возобновлялись силы ихъ.*

Какое странное противурѣчіе! Не онъ ли утверждалъ, что начала его нераздѣлимы и неразрушимы; а отражательное дѣйствіе могло бы ихъ разрушить; однако чему огнь небесный дѣлаетъ отраженіе, того онъ не сказываетъ; можетъ быть долгъ его или намѣреніе препятствуютъ.

Для сего то, продолжаетЪ онЪ, *зародыши лишенные питанія, ежели выставить ихЪ на жарЪ, погибаютЪ при самомЪ своемЪ зачатіи...* Но безЪ пищи не надобно ихЪ на жарЪ выставлять; они и безЪ того погибнутЪ, *для сей же причины зародыши, которые уже вЪ состояніи начать теченіе растѣнія своего, скоро погибаютЪ и разрушаются, ежели не достаетЪ имЪ пищи нужной для защищенія отЪ непрерывнаго противительнаго дѣйствія огня; ибо тогда сіе противудѣйствіе проникая вЪ самой зародышь тѣмЪ удобнѣе распространяетЪ разрушающую силу свою.* Хотя онЪ повторяетЪ новое свое открытіе, что зародыши безЪ пищи умираютЪ; но онЪ не имѣлЪ вЪ томЪ никакой нужды, понеже довольно всѣмЪ извѣстно, что не только всякой зародышь погибаетЪ безЪ пищи, но и всякое тѣло жизнь имѣющее

щее. Что принадлежитЪ до разрушающей силы огня; то не онЪ ли прежде говорилЪ, *что огнь небесный приводитЪ вЪ движенїе растущее начало, дабы силы его оказались*; какимЪ же образомЪ сей самой огнь есть вЪ одно время и средство кЪ споспѣшествованїю творенїя тѣлЪ, и орудїе разрушенїя оныхЪ?

ПотомЪ онЪ подтверждаетЪ опроверженїе свое, что тѣла не превращаются вЪ другїя и не вмѣшиваются вЪ сущность одно другаго, и говоритЪ, *что думать, что бы они вмѣшивались взаимно вЪ сущность свою, есть противурѣчить законамЪ натуры и не знать сущности начала вообще*.

Не есть противурѣчить законамЪ натуры, утверждать то, о чемЪ ежедневныя дѣянїя оной, и испытанїя Физическїя и Химичес-

ческія насъ увѣряютъ. Мы бы очень несправедливое имѣли понятіе о своемъ тѣлѣ, когда бы думали, такъ какъ онъ проповѣдуетъ, что кровь или твердыя части тѣла нашего, получающія посредствомъ пищи возобновленіе и замѣненіе утраты, претерпѣваемой ими ежедневно отъ движенія, или обращенія въ нихъ жидкостей, не суть части самихъ насъ, но части существъ постороннихъ, служащихъ намъ пищею и съ тѣломъ нашимъ не смѣшены; всякой имѣющій такое разсужденіе заслуживалъ бы себѣ мѣсто въ жилищѣ безумныхъ. Естьли бы писатель нашъ покрывшійся покрываломъ, обратилъ ученіе свое къ разсмотрѣнію и испытанію вещей естественныхъ и ощутительныхъ, а не къ мысленнымъ предмѣтамъ испытаній убѣгающимъ, и кои у всякаго въ воображеніи, по расположенію организацій, могутъ разными образами представляться; тогда бы онъ говорилъ о естествѣ понятно и не имѣлъ

бы нужды для избѣжанїя нареканїй, заслуживаемыхъ мрачнымъ своимъ проповѣданїемъ, облачаться въ покровъ непонятнаго разсужденїя. А потому и не усомнился бы, что пища человѣческая точно превращается въ плотское существо его; вошедъ въ желудокъ она съ помощїю сока, называемаго гастрическаго, изходящаго изъ желѣзъ или гландуловъ желудочныхъ, претворяется въ бѣлую, подобную молоку, жидкость; послѣ чего проходитъ сквозь нижнее устье желудка въ кишки, гдѣ сокъ другихъ гландуловъ, называемыхъ всѣхъ вмѣстѣ панкреасомъ, совокупясь съ нѣкоторою частїю желчи, изъ печенки протоками своими въ оныя кишки изходящею, перемѣняетъ и приготовляетъ съ изнова матерїю въ несовершенствѣ еще переделанную въ желудкѣ. Сїя матерїя, вышедшая изъ желудка и смѣшенная съ означенными соками, называется хилусъ, части которой тончайшїя и полезнѣйшїя, проходя

 чрезъ

чрезъ млечные сосуды, коими всѣ кишки, обвернутыя обволочкою (мезентерїею) испещрены, вливаются въ общее хранилище, называемое хранилище Пекетово, откуда входятъ въ грудной протокъ впадающей въ остовую крововозвратную жилу. Достигнувъ до сей жилы превращаются въ кровь и входятъ съ нею вмѣстѣ въ общее ея теченїе, которая посредствомъ своего обращенїя разноситъ для жизни и составленїя существа нашего нужныя соки по всему тѣлу; а оставшїяся, за втеченїемъ хилуса въ млечные сосуды, грубыя части пищи способомъ ворсовой склизости, которою во внутренности своей всѣ кишки обложенны, и способмоъ движенїя перистальтическаго, змѣйнообразно дѣлающагося, выходятъ вонъ изъ тѣла. Но кромѣ смѣшенїя разныхъ существъ воедино, которое мы видимъ въ животныхъ и растѣнїяхъ, въ Химїи есть смѣшенїя составляющїя одно существо, на примѣръ: сѣра

сѣра; никто не скажетъ, что бы состовляющія ее части не была сѣра, хотя оныя прежде смѣшенія другое вещество имѣли и свойства совсемъ другія; ибо многократными испытаніями доказано, что всѣ существа жирныя, маслеными, уголь, металлы и прочія горючія, изобилующія флогистикомъ тѣла, всегда непремѣнно съ квасностію купоросною, которая не есть горючая сѣра, составляютъ горючую сѣру.

Онъ увѣряетъ, что тѣла нечувствительно умираютъ, исчезаютъ и уничтожаются. Однако онъ не почелъ за нужное объяснить, какъ дѣлается исчезаніе сіе, всѣмъ Физикамъ не понятное, а требуетъ, такъ какъ и во всемъ его ученіи, чтобъ вѣрили ему на слово его. Но естьли бы сія неразумительная Система подлинно и дѣйствительно быть могла; тобъ ежедневное исчезаніе тѣлъ уже давно земной шаръ разрушило, какъ симъ

без-

безпрестаннымЪ исчезанiемЪ, такЪ и тѣмЪ, что естественное взаимное притяженiе тѣлЪ вЪ разсужденiи великости и тягости ихЪ, при первомЪ уменьшенiи глобуса, нами обитаемаго, прервавЪ бѣгЪ онаго по пути своему, привлекло бы его кЪ тѣлу превосходящему его силою притяженiя, и ГосподинЪ премудрый писатель не имѣлЪ бы удовольствiя сплетать темныя и мечтательныя свои разсужденiя, ни покрываться покрываломЪ для блага себѣ подобныхЪ. Естьли же онЪ хочетЪ сказать, что первое начало, или истинна, или законЪ существенной, коими выраженiями онЪ сЪ умышленною тонкостiю называетЪ Божество, присылаетЪ на мѣсто исчезающихЪ веществЪ другiя: то не удивительно, что вЪ вообраҗенiи его возродилось такое мнѣнiе; ибо и отражательныя дѣйствiя могли найти мѣсто вЪ головѣ его; но никакой разсудительной читатель не приметЪ дерзкаго мнѣ-

нiя,

нія, чтобъ божество всякое мгновеніе для насъ упражнялось въ твореніяхъ его недостойныхъ. Довольно и того, что оно своею щедротою дало бытіе всему веществу и тварямъ въ оное включеннымъ.

Въ подкрѣпленіе Системы своей мнимаго исчезанія, онъ присовокупляетъ, что тѣлесное разрушеніе не иначе совершается, какъ отлученіемъ вторыхъ истеченій оставшихся въ трупѣ послѣ невещесшвенныхъ началъ. Надобно думать, что сіи вторыя истеченія суть повѣренныя безтѣлесныхъ существъ, возвращающихся къ источнику своему, и по себѣ ихъ оставляющихъ докончить разрушеніе тѣлъ ими оживотворявшихъ. Сіи истеченія онъ почитаетъ средоточіемъ той части, въ которой онѣ пребывали. Не можемъ *не признаться*, говоритъ онъ, *что тѣла, части тѣлъ, что вся вселенная есть сборище средоточій; понеже видимъ, что тѣла* пов-

постепенно изчезаютъ. Естьли же все есть средоточїе, и ежели всѣ средоточїя изчезаютъ въ разрушенїи, то что же такое отъ тѣла разрушеннаго останется, которое бы могло составить части бытїя и жизни новыхъ тѣлъ? Не можемъ и мы не признаться, что бы онъ не былъ самъ средоточїе развращенныхъ поврежденнаго разума разсужденїй.

Хотя мы, предпринимая сїе изслѣдованїе, намѣрялись всѣ мечтающаго проповѣдчика темныя, противурѣчущїя познанїямъ естественнымъ на вѣрнѣйшихъ испытанїяхъ основаннымъ, и здравому разсудку противуборствующїя предложенїя не оставлять безъ замѣчанїя; но чѣмъ далѣе углублялись мы въ сочиненїе мечтанїями, ложнымъ ученїемъ и гордостїю произведенное, тѣмъ больше намъ представлялось оныхъ, требующихъ пространныхъ возраженїй. Не только тѣ разсужденїя, которыя

рыя онъ нарочно дѣлалъ невразумительными, но и самыя тѣ, въ коихъ онъ желалъ быть понимаемъ, не позволили бы намъ пропустить ихъ, ежели бы мы не опасались причинить столько же скуки читателямъ, сколько онъ наносит имъ обширнымъ писанїемъ о заблужденїяхъ своихъ. При семъ мы замѣтимъ еще и то, что книга нашего пророка, мнимую премудрость предлагающая, заключающая въ себѣ больше тайные виды честолюбїя, такъ какъ мы въ теченїи сего нашего сочиненїя въ своемъ мѣстѣ означимъ, нежели желанїя просвѣтить себѣ подобныхъ, не заслуживала бы не только опроверженїя; но и никакого съ нашей стороны вниманїя, естьли бы она новостїю своею, къ которой люди обыкновенно склонны, не служила орудїемъ ухищреннымъ умамъ ввесть многихъ въ заблужденїя, разстроивающїя общественной ихъ образъ жизни, а можетъ быть, и состоянїя ихъ.

По

По такому уваженію мы уже не могли, не почесть себя обязанными предпринять изслѣдованіе о заблужденіяхъ проповѣдника мнимаго блаженства; заблужденія тѣмъ сильнѣйшія вліянія на большую часть жителей въ обществѣ имѣть могутъ, что таинственной образъ ученія, всегда преклонялъ легковѣрныхъ въ пользу сокровенностей ими непонимаемыхъ, и о коихъ предубѣжденіе часто заставляетъ думать, что не всѣмъ людямъ вообще, но токмо однимъ избраннымъ подобаетъ позначіе оныхъ. Симъ средствомъ хитрые и чуждые искренности, всегда пріобрѣтали пользу и уваженіе отъ людей непросвѣщенныхъ.

И такъ мы для сокращенія нашего изслѣдованія будемъ только останавливаться на тѣхъ разсужденіяхъ, въ которыхъ онъ больше заблуждалъ и тщеславился сверхъ естественнымъ своимъ познаніемъ,

На примѣръ, такъ какъ онъ говоритъ: *что въ землѣ дѣйствительно надлежитъ тѣлу мущины разрушиться; но тѣло мущины воспрїяло образъ свой въ тѣлѣ женщины; когда же оно разрушается, тогда возвращаетъ землѣ только то, что получило отъ тѣла жены. И такъ земля есть истинное начало тѣла жены, понеже вещи всегда возвращаются къ своему источнику. А какъ сїи оба существа толь сходны между собою, то безъ сомнѣнїя тѣло жены имѣетъ земное происхожденїе . . .* Но когда все возращается къ своему источнику, то стало не одному мущинѣ надлежитъ разрушиться въ землѣ, но и женщинѣ, такъ какъ происхожденїю отъ земли, возвращающемуся къ своему источнику. Изъ сего скрытнаго проповѣдыванїя, которое кромѣ мечтательнаго уничтоженїя женскаго противъ мужескаго полу, ничего не скрываетъ, и

 изъ

изъ котораго инаго заключить не можно, какъ то, что онъ старается заставить думать о себѣ, что имѣетъ знанїе тѣхъ таинствъ, которыя будто бы даютъ ему преимущество надъ всѣми ему подобными; но здравомыслящїй читатель не находитъ другой тайны во всѣхъ его нелѣпостяхъ, какъ ту, что честолюбїе вывело его изъ предѣловъ благоразумїя и заставило играть ролю мнимаго пророка новаго откровенїя.

Немного ниже онъ такъ еще говоритъ... *Впрочемъ мужъ не есть отецъ разумнаго существа произведенїй своихъ, какъ то возвѣщали ученїя ложныя и тѣмъ паче пагубныя, что основаны были на сравненїяхъ взятыхъ отъ вещества, какъ на примѣръ: на неисчерпаемыхъ истеченїяхъ огня. Но во всемъ семъ находится таинство, которое не почитаю никогда довольно скрытымъ.*

Ни-

Никогда никакое таинство известное одному или нѣкоторымъ, вообще для всѣхъ полезно быть не можетъ; на противъ же вещь полезная и могущая составить благо человѣческое никогда скоро открыта быть не можетъ, и потому нельзя именовать ее таинствомъ; понеже она по свойству благаго излїянїя своего долженствуетъ быть открытою и явною, подобно свѣтильнику небесному изливающему благодѣтельные лучи свои на вещество земное, дабы всѣ могли участвовать въ пользѣ отъ нее происходящей, и того, кто бы совершенно знавъ оную, старался сокрыть свѣденїе о ней, надлежитъ почитать врагомъ рода человѣческаго, такъ какъ и того, которой для своихъ особливыхъ видовъ разглашалъ бы о познанїи какого либо таинства, и потомъ по причинѣ своего невѣденїя умолчалъ бы объявить оное. Сїе разсужденїе тѣмъ паче имѣетъ отношенїе къ нашему

 про-

проповѣднику, которой таинство свое *довольно не почитаетъ сокрытымъ*, что онъ при началѣ своей книги обязавшись писать для блага человѣческаго, по всюду ученїе свое, доставляющее сїе благо, скрываетъ подъ покрываломъ темныхъ своихъ истолкованїй.

Потомъ онъ въ помощь утвержденїя своего мнѣнїя, что вещества не могутъ смѣшаться одно съ другимъ и составлять одну сущность, говоритъ: *когда бы лица и начала содержащїяся въ ней могли смѣшаться съ сущностїю и началами существъ, на которыхъ изливаютъ отражательныя свои дѣйствїя, то равномѣрно моглибъ и заступить мѣста ихъ; тогда легко было бы переродить совершенно естество нераздѣльныхъ и родовъ: а перемѣня родъ и естество одного существа, можно тоже учинить и во всѣхъ родахъ су-*

существѣ; отъ чего бы произошло всеобщее смѣшеніе, и мы бы никогда не знали степеней и мѣстъ принадлежащихъ существамъ въ порядкѣ вещей.

Конечно вещество не можетъ мѣшаться съ безтѣлесностію, и вѣрно никто ему отрицать не будетъ, что пища не мѣшается съ его безтѣлесными началами; но сіе не препятствуетъ, чтобъ пища не составляла единую сущность съ тѣми тѣлами, въ которыя она входитъ. Естьли же бы она, по мнѣнію его, не мѣшалась съ тѣлами, а сохраняла бы свое существо, на примѣръ: хлѣбъ оставался бы хлѣбомъ, мясо мясомъ и прочее снѣдное или питіе тѣмъ, чѣмъ оно есть; въ такомъ случаѣ онъ не имѣлъ бы причины опасаться перемѣненія во всѣхъ родахъ естества; ибо тогда пища входящая въ тѣла не мѣшаясь съ ними и сохраняя свое существо, не только бы могла

произвесть такое перерожденіе, но и возпрепятствовала бы жизни тѣлъ, а потому не была бы пищею, или средствомъ теченія жизни тѣлесной, но прекращеніемъ оной и разрушеніемъ всѣхъ существъ, которыя нынѣ она сохраняетъ и возобновляетъ. Надобно думать, что ему неизвѣстно, сколько пищи выходитъ чрезъ нечувствительную испарину и прочіе каналы очистительные, и какимъ образомъ она должна претворяться силою внутреннихъ органовъ, и смѣшаться съ тѣлами, въ которыя она входитъ для составленія съ ними одного существа. Что касается до отражательннаго его дѣйствія, мы оставляемъ ему оное въ ненарушимости, такъ какъ и безтѣлесныя его начала всего вещества.

Но сильное его доказательство, что пища въ тѣлахъ сохраняетъ свое существо, состоитъ въ томъ, *что въ тѣлесной натурѣ нѣтъ прелюбодѣянія; ниже сыновъ*

прі-

пріемышей, потому что нѣтъ въ ней ничего свободнаго. Сіе прелюбодѣяніе тоже значитъ, что смѣшеніе вещественной сущности, которое, не смотря однако же на его отражательное дѣйствіе, не меньше въ естествѣ совершается; а сыны пріемыши значатъ, что мысленныя его начала не могутъ быть приняты другими началами. Мы не будемъ съ нимъ спорить о его пріемышахъ, сиротахъ, беззаконнородившихся въ воображеніи его; но что принадлежитъ до глубоко-философическаго слова, *прелюбодѣяніе натуры*, то изъ вышесказаннаго нами можно усмотрѣть, что естественное прелюбодѣяніе во всей точности сего слова совершается.

Вотъ какимъ орудіемъ онъ ослѣпляетъ читателей своихъ, стараясь подать изрѣченіемъ своимъ нѣкоторую дикость и отъ того возбуждать удивленіе, дабы они увѣрились, что оныя скрываютъ пре-

мудрость обѣщающую блаженство.

И такъ, присовокупляетъ онъ, пища не иное что, какъ средства отражательного дѣйствія, нужныя для сохраненія живыхъ тѣлъ отъ чрезмѣрности огненного дѣйствія, которое непрестанно пожираетъ и разоряетъ сіи питательныя существа, такъ какъ безъ нихъ разорило бы и самое живое тѣло . . .

Теперь говоритъ онъ, что огнь чрезмѣрнымъ своимъ дѣйствіемъ разоряетъ и пожираетъ тѣла; а прежде увѣрялъ, что тотъ же самый огнь, то есть внѣшняя причина, необходимо нуженъ растущему началу для произведенія и оживленія зародышей. Какъ можно вѣрить такому писателю, который вмѣсто опытныхъ доказательствъ предлагаетъ толь несогласныя противорѣчія, не смотря на которыя то правдою всегда пребудетъ, такъ

какъ

какъ мы выше упоминали, что пищу не огнь пожираетъ, но она претворяется внутренними органами тѣлъ, въ жидкія и твердыя части оныхъ, и служитъ къ растѣнію и жизни существъ живстныхъ и отъ земли растущихъ.

Я не престану повторять, говоритъ онъ, *какъ они* (примѣчатели) *думаютъ, что всѣ образы суть произведеніе врожденныхъ имъ началъ, которыя не могутъ иного имѣть своего дѣйствія, какъ подъ всеобщимъ закономъ трехъ стихій....*

Мы не престанемъ повторять, что не льзя человѣку болѣе надменнымъ образомъ и несправедливо приписывать себѣ всеобщее знаніе, не только естественныхъ существъ, но и за предѣлами оныхъ находящихся. Ни одинъ испытатель не утверждалъ, что въ естествѣ су-

 щность

щность одна; но что всѣ тѣла составлены изъ четырехъ стихій, то всѣ упражняющїеся въ познанїи естества какъ Физики, такъ и Химики постоянно и непремѣнно въ испытанїяхъ своихъ сїю истинну находятъ. Мы увидимъ послѣ, для какихъ причинъ онъ изгналъ воздухъ изъ числа стихій, составляющихъ все естество, которыя силою непремѣннаго движенїя, даннаго всевышнею десницею всему веществу, всѣ образы онаго составляли и составляютъ? Врожденныя же начала имъ вымышленныя, суть начала безтѣлесныя; то мы вопрошаемъ, есть ли кто прилѣжно разсматривающїй дѣянїя натуры, которой бы могъ утверждать, что вещь нетѣлесная можетъ составить вещь тѣлесную? Онъ напрягаетъ всѣ силы воображенїя своего столь плодовитаго юродливыми мечтанїями, дабы соорудить зданїе системы вещественной, на основанїяхъ невещественныхъ, обитаемое разныхъ чиновъ существа-

ствами безтѣлесными, и окружа его густѣйшею темностою, дабы слабость построенія была не примѣтна, старается вовлечь въ оное неосторожныхъ читателей, кои прельщаясь достигнуть блаженства познакомиться съ невидимыми обитателями онаго, и наслаждатися собесѣдованіемъ ихъ, мнятъ проникнуть мрачность окружающую сей храмъ мечтательности.

Онъ въ третьемъ своемъ отдѣленіи говоритъ: *человѣкъ ежеминутно склоненъ къ заблужденію; а особливо когда одинъ осмѣливается устремлять взоръ на такія вещи, которыя познавать препятствуетъ мрачность его темницы*... Сіе предложеніе вѣроятно; ибо онъ сочиня книгу безпрерывныхъ заблужденій, ощутительно доказалъ о справедливости онаго. Чтобъ отнять всякое о томъ сомнѣніе, онъ упоминая о добромъ и зломъ началахъ такъ разсуждаетъ

етъ:... *Но ежели сїи начала разумны, то надлежитъ имъ быть свѣдущимъ и имѣть понятїе о всемъ, что ниже ихъ: ибо безъ сего не пользовались бы они ни малѣйшею способностїю разумѣнїя; естьли же они свѣдущи и имѣютъ понятїе о всѣхъ вещахъ, которыя ниже ихъ, то не возможно, чтобъ каждое изъ обоихъ, я о существо дѣйствующее, не занималось оными и не старалось или разрушить ихъ, ежели оно злое начало, или соблюсти когда оно доброе существо.* Прежде говорилъ, что добро имѣетъ власть и силу независимыя, которыя простираются и на самое зло; но симъ разсужденїемъ онъ дѣлаетъ ихъ равными; ибо старанїе добраго начала соблюсти, а злаго разрушить, значитъ, что онѣ другъ другу не покорены; тоже, хотя доброе начало и старается о соблюденїи, но не имѣетъ ни силы, ни вла-

власти удержать разрушенїе.

Естьли бы они, то есть, примѣчатели, говоритъ онъ, *тщательнѣе разсмотрѣли оныя два разныя начала, которыхъ не могли не признать; увидѣли бы разность и противоположность ихъ способностей и дѣйствїй; увидѣли бы, что зло есть чуждо началу добра, дѣйствуетъ своею собственною силою надъ временными произведенїями сего начала, съ которымъ оно въ единое мѣсто заключено; но не имѣетъ дѣйствительной силы надъ самымъ добромъ, которое носится надъ всѣми существами, поддерживаетъ не могущихъ стоять о себѣ, и оставляетъ по волѣ дѣйствовать и защищаться тѣхъ, которымъ дарована отъ него свобода....* Тутъ кажется, что онъ не только равняетъ доброе начало со

злымъ,

злымъ, но еще творитъ сïе последнее могущественнѣйшимъ перьваго: ибо не смотря на то, что доброе начало носится надъ всѣми существами ни которыя изъ оныхъ, какъ свободныя, такъ и несвободныя не избавляются отъ зла и претерпѣваютъ его дѣйствïя.

Здѣсь надлежитъ еще замѣтить важнѣйшïя его противурѣчïя о добромъ и зломъ началахъ; ибо на страницѣ 13, онъ говоритъ: *добро само отъ себя получаетъ могущество и силу*; а на 14, *принуждены мы признать въ добромъ началѣ не измѣримое превосходство предъ другимъ, единство, неразделимость, съ которыми оно необходимо существовало прежде всего.* Когда доброе начало само отъ себя получаетъ могущество и силу свою, и когда оно необходимо существовало прежде всего, то какъ же послѣ столь утвердительнаго предложенïя ска-

сказать можно, что доброе начало заключено въ единое мѣсто съ злымъ началомъ? Стало оно не получаетъ могущества и силы само отъ себя, когда оно могло быть заключено въ одно мѣсто съ злымъ началомъ; и какъ можно подвластїе сїе согласить съ тѣмъ, что оно необходимо существовало прежде всего? Ибо существованїе прежде всего принадлежитъ Единому Создателю всего: и потому безразсудно сказать о вещи подвластной и могущей быть заключенной въ одно мѣсто съ злымъ началомъ, что оно существовало прежде всего. Прежде надлежало бы ему согласиться самому съ собою и не прибавлять противурѣчивыми разсужденїями непонятности ученїя своего, кое уже и безъ оныхъ, такъ исправно ограждено отъ проницанїя читателей, что разумъ, утомленный работою проникнуть оное, наконецъ вмѣсто мнимыхъ таинствъ, кромѣ одного пустословїя, и вмѣсто полезнаго откры-

открытія, кромѣ одного недугованія въ разсудкѣ сочинителя, ничего не находитъ.

Мы утвердили уже, продолжаетъ онъ, что начала вещества, какъ всеобщія, такъ и частныя заключаютъ въ себѣ жизнь, и долженствуютъ отъ оной произойти способности тѣлесныя. Къ сему присовокупили и то, что не смотря на нерушимое и природное сіе ихъ свойство, сіи начала не могли бы никогда ничего произвести, естьли бы не были подвизаемы и согрѣваемы отъ противудѣйствія огненныхъ внѣшнихъ началъ, долженствующихъ приводить въ движеніе способности ихъ.....

Не всякому можно понять, какъ что нибудь безтѣлесное можетъ быть подвизаемо и согрѣваемо отъ противудѣйствія тѣлесныхъ огнен-

ныхъ началъ долженствующихъ приводить въ движенїе способности началъ, вещества не имѣющихъ; ибо не можно уму представить движенїя безъ тѣла или протяженїя. Притомъ же когда, такъ какъ онъ увѣряетъ на 88 страницѣ своей книги, что безтѣлесныя начала въ себѣ имѣютъ все, что *нужно къ совершенному исполненїю ихъ закона*, то есть, къ произведенїю тѣлъ; то на что же имъ дѣйствїе внѣшнихъ огненныхъ началъ? Когда же безъ сихъ онѣ ничего произвесть не могутъ, то онѣ не содержатъ въ себѣ всего того, что нужно къ произведенїю и одушевленїю тѣлъ; а потому увѣренїе его было ложно.

Теперь мы прейдемъ къ разсмотрѣнїю, для какихъ причинъ онъ изключаетъ воздухъ изъ числа стихїй; онѣ покажутся не очень согласны съ здравымъ разсудкомъ: однако новый пророкъ увѣряетъ,

что онѣ достаточны для утвержденія трехъ стихій; ибо говоритъ онъ: *натура показываетъ, что въ тѣлахъ находится три только измѣренія; три только возможныя находятся раздѣленія во всякомъ существѣ, имѣющемъ протяженіе; три только находится фигуры въ Геометріи; три способности врожденныя во всякомъ существѣ; три только міра временные; три только степени очищенія человѣческаго, или три степени въ истинномъ В. К. словомъ, въ какомъ ни разсматривай видѣ сотворенныя вещи, нигдѣ не можно ничего найти сверьхъ трехъ.*

Что три находится только измѣренія въ тѣлахъ и три фигуры Геометрическія; то должно быть тремъ стихіямъ. Вотъ изрядныя физическія основанія! три только міра временные; три человѣчес-

вѣческія очищенія, или степени В. К. вѣрныя тому доказательства, и нельзя не увѣриться, чтобъ не было трехъ міровъ временныхъ! Онъ разумѣетъ тутъ три міра временные тѣ, которые по ученію предъ нимъ возвѣщавшаго лжесказанія Шведенбурга суть: первый, міръ Ангеловъ; вторый, духовъ; а третій сей естественный. Хотя сіе и противно могуществу Божію, которое можетъ быть, неограниченное число міровъ создало; но для системы его и для изгнанія воздуха изъ стихій, ему столько оныхъ потребно. Три очищенія человѣческаго! Мало! Человѣкъ чѣмъ больше можетъ очиститься, тѣмъ спасительнѣе. Потомъ еще присовокупляетъ.... *И такъ надлежитъ здѣсь сказать, что самая тлѣнность тѣлъ показываетъ тлѣнность и основанія ихъ, и противурѣчитъ тому, что сущность ихъ поставляютъ въ четырехъ стихіяхъ; ибо естьли бы состояли они изъ четырехъ*

стихій, то были бы нетлѣнны, и міръ былъ бы вѣченъ; но какъ они составлены токмо изъ трехъ, то для того и не имѣютъ бытія постояннаго; понеже не имѣютъ въ себѣ единицы.... Въ сихъ словахъ глубоко мечтательное его таинство есть то, что естьли бы тѣла имѣли четыре стихіи, то бы имѣли и единицу, числа, которыя въ сокровенной его наукѣ означаютъ божество, и потому міръ будучи божественный, былъ бы вѣченъ. Не доказывается ли сею нелѣпостію и пустою важностію, кромѣ химеръ ничего въ себѣ не замыкающею, что Гіерофантъ новыхъ таинствъ для тщеславія и гордаго самолюбія своего говоритъ противу всеобщихъ понятій, естественными испытаніями утвержденныхъ? Онъ дополняетъ благоразумныя разсужденія свои, сказавъ: *сіе весьма ясно для тѣхъ, которымъ извѣстны истинные законы чиселъ.* Арлекинъ въ Италіянской

ской комедїи разказывая непонятной вздоръ, наконецъ прибавляетъ: *ето очень ясно.*

Я уже сказалъ, говоритъ онъ, *что воздухъ не въ числѣ стихїй.* Сказалъ, однако несправедливо и противъ новѣйшихъ испытанїй, которыя не дозволяютъ сомнѣваться, чтобъ воздухъ не находился во всѣхъ тѣлахъ, и не имѣлъ бы въ составленїи ихъ такого же участїя, какъ и другїя стихїи. Въ древности, по свидѣтельству Секста Емпирика, одинъ философъ, современникъ Пифагоровъ, называемый Ономакритъ, преподавалъ въ ученїи своемъ, что земля, огнь и вода однѣ только входятъ въ творенїе существа всѣхъ тѣлъ; но Химїя тогда была, такъ сказать, въ своемъ младенчествѣ и не могла разсматривать исправнѣйшими испытанїями вещества тѣлъ. Она почти въ равномъ состоянїи пребывала до XIII вѣка, въ которомъ

Албертъ, называемый великій и Рогеръ Баконъ, были и скуснѣйшіе примѣчатели въ раздробленіи тѣлъ: потомъ множество другихъ славныхъ, а наипаче нынѣшняго вѣка Химиковъ, внесли свѣтильникъ въ сокровеннѣйшія храмины, въ коихъ натура хранила таинства свои, и которые признаютъ четыре стихіи составляющія всѣ тѣла.

Понеже въ самомъ дѣлѣ, прибавляетъ онъ, *нельзя почесть особливою стихіею грубую сію жидкость, которою мы дышемъ, которая разширяетъ или сжимаетъ тѣла, чѣмъ больше или меньше бываетъ напоена водою или огнемъ.* Казалось бы, что тому, которой такъ тщеславно превозноситея мнимымъ своимъ преимуществомъ, имѣть познаніе о всей вещественности и невещественности, надлежало бы знать, что воздухъ не одною водою или огнемъ напоенъ, но еще имѣетъ безпрестан-

станное смѣшенїе съ другими матерїями, извѣстными подъ именемъ газовъ, имѣющими такую жъ жидкость, прозрачность, свѣтлость и упругость, какую и самъ воздухъ имѣетъ, и которые будучи отъ него отдѣлены, суть смертельны. Напримѣръ: газы земель известковыхъ, алкалическихъ; газы происходящїе отъ загоранїя тѣлъ и прочїе мефитическїе, то есть, вредные и смертоносные, въ коихъ ни животное дыхать, ни огнь горѣть не могутъ. Естьли бы чистый воздухъ, а не мнимое невещественное начало, присутственнъ въ Атмосферѣ не былъ, и втеченїемъ своимъ во всѣ существа жизнь имѣющїя, ихъ не оживлялъ; то бы сїи газы превратили глобусъ нашъ, столь многообразными и различными животными обитаемый, въ печальную и мертвую пустыню.

Но безъ сомнѣнїя, продолжаетъ онъ, *въ сей жидкости есть начало,*

 кото-

которое мы должны назвать воздухомъ. Но оно несравненно дѣйствительнѣе и сильнѣе, нежели стихіи грубыя и земныя, изъ которыхъ тѣла составлены, что подтверждаютъ безчисленныя опыты . . . Когда тѣла составлены помимо изъ трехъ грубыхъ земныхъ стихій, а воздухъ сего мудреца, такъ какъ онъ немного ниже говоритъ, хотя невещественнъ, однако по безчисленнымъ его опытамъ сильнѣе сихъ грубыхъ стихій; то мы спрашиваемъ, какимъ образомъ онъ дѣлалъ сіи опыты, и надъ чемъ употребляемыя имъ къ тому орудія дѣйствовали? ибо испытаніямъ подлежитъ только то, что вещественно. Естьлибъ онъ имѣлъ свѣденіе о испытаніяхъ, дѣланныхъ искуснѣйшими и славнѣйшими Физиками и Химиками надъ вещественнымъ воздухомъ, а не надъ мысленнымъ; то бы онъ узналъ, что воздухъ входитъ въ неограниченное число тѣлъ, даже и въ самыя плотнѣйшія и твердѣйшія,

шія, такъ какъ часть ихъ состава; узналъ бы, что воздухъ дотолѣ, пока пребываетъ купно съ другими стихіями началомъ оныхъ, не оказываетъ ни расширенія, ни упругости, ни другихъ свойствъ, кои въ немъ являются, только тогда, когда онъ находится въ соединеніи частицъ своихъ и вольнымъ отъ узъ, содержащихъ его въ сложеніи тѣлъ. Наконецъ узналъ бы, что мнимое его начало невещественное, которое онъ принуждаетъ себя называть воздухомъ, есть въ самомъ дѣлѣ тѣло, имѣющее въ совершеннѣйшемъ степени всѣ свойства чистѣйшаго воздуха, и въ коемъ по испытаніямъ господъ Пристеля и Лавуазіе, животныя впятеро или вшестеро могутъ больше жить безъ возобновленія онаго, нежели въ такомъ же количествѣ лучшаго воздуха Атмосферы, что пламя свѣчи погруженной въ оной, становится тотчасъ больше, жарчѣ и свѣтлѣе и что сожженіе матеріи ея дѣ-

лается в пять или шесть раз скорѣе, нежели в простом воздухѣ.

Сей воздух есть произведенїе огня, но сего вещественнаго, нам извѣстнаго, но огня, которой произвел огнь и всѣ вещи чувственныя. Когда сей огнь произведен от огня неизвѣстнаго; почему же неизвѣстной огнь ему извѣстен? Сего он не объявляет, а только говорит: *одним словом, воздух необходимо нужен к содержанїю и жизни всѣх стихїйных тѣл...* Как будто кто о том сомнѣвается! *Он не может пребывать долѣе их; но не будучи, как онѣ, вещество, не может быть стихїею...* Воздух не вещество, не может пребывать долѣе стихїй, и сам не может быть стихїею! Не есть ли в сих несогласных и противоположительных словах совершенное отступленїе от здраваго разсудка? И

И слѣдовательно сказано справедливо, что не можетъ онъ (воздухъ) *входить въ составленїе сихъ самыхъ тѣлъ*. И слѣдовательно сказано несправедливо, но для того только, чтобъ ложными предложенїями и мнимою сокровенностїю, читателей, имѣющихъ терпѣнїе читать невразумительную книгу о заблужденїяхъ и неистиннѣ, далѣе заводить въ Лабиринтъ непостижимаго своего ученїя.

Какое же онъ (воздухъ) *имѣетъ дѣло въ натурѣ?* вопрошаетъ изгнатель воздуха и противоположникъ естественной науки. *Не убоимся сказать, что ему поручено сообщать существамъ тѣлеснымъ силы и качества сего огня, который ихъ произвелъ.....* Съ такою смѣлостїю, какая во всей книгѣ его является, конечно не страшно, какуюбъ то ни было, несодѣянность или сумозбродство сказать. *Онъ есть* (воздухъ)

духъ) *возница жизни стихїй, и его только помощїю поддерживается ихъ бытїе; ибо безъ него всѣ круги возвратились бы въ центры, изъ которыхъ они проистекли.* Сїе утвержденїе, что воздухъ есть возница другихъ стихїй, больше забавно, нежели удивительно; не безъ смѣха подумать можно, какъ земля, вода, и огнь на воздухѣ ѣздятъ! Замѣтить надобно, что онъ воздуху не надолго сїе услужливое дѣйствїе оставляетъ; ибо онъ на той же страницѣ говоритъ: *но надлежитъ примѣчать, что въ то же время, какъ онъ содѣйствуетъ содержанїю тѣлъ, бываетъ такъ же главнымъ орудїемъ ихъ разрушенїя*... И потомъ прибавляетъ, что сїе противурѣчїе не должно насъ удивлять; потому что воздухъ такъ поступаетъ въ силу двойственнаго закона. Что воздухъ служитъ къ содержанїю тѣлъ жизнь имѣющихъ и къ разрушенїю оной лишенныхъ,

ныхъ, въ томъ всѣ Физики не сомнѣвались; но токмо до прибытїя мрачнаго писателя не знали, *что воздухъ есть возница жизни стихїй.*

Чтобъ утвердить превосходство воздуха надъ другими стихїями, онъ говоритъ: *когда воздухъ, сколько можно рачительно отдѣленъ отъ тѣлъ, то сохраняетъ всегда свою силу и свою упругость....* Безпрестанныя противурѣчїя! Когда особливой его воздухъ невещественнъ; какимъ же образомъ тотъ самой воздухъ имѣетъ упругость, и какъ возможно рачительно отдѣлить его отъ тѣлъ?.... *Для сего должно признать его невреждаемъ; а сїе не приличествуетъ ни одной изъ стихїй, которыя разрушаются тотчасъ, какъ только разлучились другъ отъ друга.* Надобноль сказать сему искусному физику, что никакая сти-

стихїя не разрушается, когда одна отъ другой отлучается? и никакїя испытанїя еще по сей часъ какъ Физическїя, такъ и Химическїя, а наипаче воду не могли разрушить. Сїю последнюю Боиль и Марграфъ, славные Физики, великое множество разъ перегоняли, и хотя находили при всякой перегонкѣ по малой части земли; однако вода перегнанная всегда оставалась невредима, и такъ какъ была; остающаяся же малая часть въ сосудахъ земли, должна быть почитаема постороннимъ тѣломъ воды. Господинъ Лавуазїе важное доказательство неразрушимости воды исправнѣйшими испытанїями утвердилъ: въ его перегонкахъ оставалась такъ же малая часть земли; но онъ нашелъ, что сїя земля происходила отъ сосудовъ; ибо онъ въ томъ удостовѣрился, вѣся прежде и послѣ сосуды къ испытанїю служившїе. Почему и видно, что стихїи, не только тотчасъ по разлученїи ихъ, но и никогда

не разрушаются.

Онъ систему свою тройственнаго числа распространяетъ даже и на человѣка. Раздѣленіе Анатомистами тѣла человѣческаго на три части, для удобнаго изученія онаго, и называемыя ими впадины или дупла (cavitas) служили ему основаніемъ къ построенію изъ тройнаго числа человѣка, и опредѣляя симъ раздѣленіемъ отношеніе къ тремъ стихіямъ соли, сѣрѣ и меркурію, введеннымъ въ Химію въ XV вѣкѣ Валентиномъ, но потомъ искуснѣйшими Химиками недостаточными признаны, онъ увѣряетъ, *что его ученіе весьма сходно съ ученіемъ Физіологовъ о мѣстѣ и источникѣ нервозной жидкости.*

Какого существа жидкость сія или самой тончайшій сокъ, люди глубокаго ученія суть разнаго о томъ мнѣнія. Бургавъ мыслилъ, что оная жидкость есть самая острѣй-

трѣйшая и проницательнѣйшая, отдѣляющаяся отъ крови мозговыми органами; Стенонъ, что она есть самая матерія свѣта. Винсловъ утверждаетъ, что неисчетное множество мозговыхъ маленькихъ сосудцовъ, на подобіе глубочковъ или кисточекъ, отдѣляютъ отъ крови, приносимой въ оные безпрестанно многочисленными отраслями бьющихся жилъ, жидкость отмѣнной тонкости, которая распространяется по всѣмъ нервамъ, имѣющимъ исхожденіе свое изъ мозга. Послѣ сего отдѣленія остальная кровь возвращается по отраслямъ крововозвратныхъ жилъ, въ рукава твердой мозговой обволочки; а сіи наконецъ изливаютъ ее въ шейную и позвоночную крововозвратныя жилы. Невтонъ, въ концѣ своей Оптики и въ приложенныхъ къ ней вопросахъ, называетъ оную жидкость ефиромъ; Гартлей въ преподоваемой имъ теоріи о чувствіяхъ и мысляхъ, говоритъ, что

оныя

оныя происходятъ отъ поколебанія частицъ сего ефира, находящагося по мнѣнію перьваго въ нервахъ; Шейнъ, Аглинской учитель съ другими учеными отрицаетъ совсемъ бытіе сей жидкости. Потому ученіе Физіологовъ никакъ не сходствуетъ съ его химерическимъ ученіемъ о мѣстѣ нервозной жидкости; ибо по доказательству Бургава и Винслова оная не имѣетъ одного опредѣленнаго ей мѣста, но наполняетъ всѣ нервы, которыя распространяются по всему человѣческому тѣлу. Притомъ наука Физіологіи, не полагается на метафизическія вымышленія, но основывается на изслѣдованіяхъ анатомическихъ и испытаніяхъ химическихъ; слѣдственно и нельзя того утверждать, чего въ разсматриваніи внутреннихъ частей тѣла человѣческаго не находится. Ибо въ раздробленіи оныхъ, ни сѣры, ни меркурія не оказывается; но токмо спиртъ алкалической, или вкуса среднихъ солей, а иног-

гда и то и другое свойство имѣющій; уголь сихъ частей остающійся въ сосудѣ и сокрушенной въ пепелъ, даетъ маленькую часть алкалической соли, подобной той, которая добывается изъ растѣній, а иногда и желѣза.

Кровь человѣческая приведенная, подымающимися изъ ней парами, въ густость студеня, по испытаніямъ Господина Шпильмана, теряетъ шестую часть вѣса своего; потомъ въ перегонкѣ даетъ около половины своего вѣса спирту алкалическаго; тритцатую часть масла прижженнаго запаха, каковой обыкновенно въ раздробленіи химическомъ огнемъ въ тѣлахъ остается, и столько же соли летучей. Уголь, остающійся отъ крови, содержитъ въ себѣ довольное множество частицъ магнитомъ притягательныхъ, и сто дватцатую часть соли постоянной или нелѣтучей.

По его же испытанїямъ изъ мозгу человѣческаго, вѣсомъ въ 3 фунта или 96 лотовъ, выходитъ 72 лота спирту алкалическаго, 10 лотовъ вышеупоминаемаго свойства масла; три золотника лѣтучей соли: уголь его, зженой на огнѣ открытомъ, не перемѣняетъ черноту свою, коего нѣкоторыя частички магнитомъ притягиваемы, и способомъ щелоченїя даетъ два золотника соли, которая сохраняетъ въ себѣ много клейкости.

Кости животныхъ, по новѣйшимъ испытанїямъ, Господъ Макера, Пулетья и Руеля, содержатъ въ себѣ землю известковую и соль фосфорическую; и потому доказательно, что ни сѣра, ни меркурїй не имѣютъ въ тѣлѣ человѣческомъ опредѣленныхъ обиталищъ; но вмѣсто сѣры огнь, называемый флогистикомъ, входитъ въ составъ всѣхъ тѣлъ, такъ какъ и другїя стихїи; однако онъ не пребываетъ въ од-

номъ мѣстѣ, а находится и проникаетъ всѣ части оныхъ. Странное и безобразное опредѣленїе тройнаго, раздѣленнаго царствованїя трехъ разныхъ существъ въ тѣлѣ человѣческомъ, можетъ только помѣститься въ головѣ у того, которой хочетъ увѣрить, что онъ имѣетъ сообщенїе съ нѣкоторымъ существомъ, поставленнымъ отъ Бога для управленїя веществъ, и которое онъ называетъ причиною дѣйствующею и разумною. Ибо естьлибъ и подлинно сѣра и меркурїй находились въ тѣлѣ человѣка; то бы они не оставались, въ назначенныхъ имъ, отъ сего новаго рода размежевателя, владѣнїяхъ, но чрезъ обращенїе крови носились бы по всему тѣлу.

Онъ съ нѣкоторымъ видомъ самохвальства присовокупляетъ: *сколь ни правильны сїи раздѣленїя, и сколь ни справедливы ихъ отношенїя къ тремъ стихїямъ...*

хїямъ... такъ какъ бы онъ вмѣсто сей нелѣпости ощутительную и укрѣпленную испытанїями истину сказалъ! *Не усматривается ли такъ же и въ груди, что кромѣ средоточїя крови, находится еще вмѣстилище воды, или сїи ноздреватыя части внутренности, которыя собираютъ воздушную влагу и ее сообщаютъ огню, или крови, дабы умѣрять ея жаръ?* Всѣмъ извѣстно, что грудь не есть средоточїе крови, которая обращается по всѣмъ частямъ тѣла. Естьли же онъ хочетъ назвать ее средоточїемъ крови, потому что сердце, источникъ оной, имѣетъ въ ней обиталище свое; то мы небудемъ съ нимъ спорить, можетъ ли источникъ чему нибудь назваться средоточїемъ, понеже источнику свойственно истекать прямою или кривою линѣею, а не обращаться вокругъ себя; но только замѣтимъ, что онъ столько же знающь и въ Физїологїи, сколько

въ Физикѣ. Ибо грудь не есть вмѣстилище воды, но органовъ, служащихъ ко вдохновенію и издыхновенію воздуха, такъ какъ и для приведенія крови въ должное совершенство, дабы содержать всѣ жидкости тѣла въ равновѣсіи, и для оживотворенія столь премудрымъ и многосложнымъ образомъ сотворенной махины. Сіе важное дѣйствіе произходитъ такимъ образомъ:

Бьющіяся и простыя жилы легкаго, сотовариществующія духодвижнымъ жиламъ, приносятъ кровь во всѣ тончайшіе канальцы и сосудцы, отъ нихъ распростроняющіеся по всему легкому, и тѣмъ средствомъ служатъ къ троякому передѣлыванію крови. Первое есть то, что она протекая по всѣмъ вышеупоминаемымъ канальцамъ, или рукавкамъ перетирается, раздробляется, и такъ какъ бы переламывалась; другое, что она чрезъ дыханія, очи-

очищается отъ излишества пасочной сырости, и наконецъ третіе состоитъ въ томъ, чтобъ ей оживляться проходящимъ, по ноздреватымъ норкамъ легкаго, воздухомъ, которой или цѣлымъ своимъ втеченіемъ, или вносными своими частичками одѣваетъ ее цвѣтомъ краснымъ, приводитъ въ полное совершенство, и дѣлаетъ ее способною къ одушевленію тѣла человѣческаго. По сему ясно видимо есть, что въ груди нѣтъ вмѣстилища воды, и ноздреватыя части легкаго, такъ какъ мы изъяснили, совсемъ къ другому дѣйствію опредѣлены, нежели къ собиранію воздушной влаги и заливанію внутренняго въ человѣкѣ пожара.

Увидили бы они (примѣчатели) говоритъ онъ, *что происходящее въ груди ихъ противоборствіе сѣры, соли, огня или воды поддерживаетъ жизнь тѣла, и что ежели котораго ни-*

 будь

будь изъ сихъ дѣйствователей не станетъ, то и тѣло переста-етъ жить. Примѣчатели довольно видятъ, что происходящее въ немъ противуборствїе съумазбродства съ разсудкомъ, заставляетъ его писать противъ сего послѣдняго; понеже, когда одинъ разъ необузданное вображенїе возметъ поверхность надъ здравомыслїемъ, то уже нѣтъ никакой странности, или думъ развращенныхъ, которыхъ бы оное возрадить не могло; ибо онъ еще на той же страницѣ прибавляетъ:

Но надлежитъ такъ же примѣтить, что симъ двумъ силамъ, толь враждебнымъ между собою необходимо нуженъ посредникъ, которой былъ бы преградою ихъ дѣйствїямъ, и препятствовалъ бы взаимному ихъ одолѣнїю; ибо иначе все бы уничтожилось. Сей посредникъ есть начало меркурїальное, основанїе всякаго тѣлеснаго соста-

става, съ которымъ совокулясь оба прочїя начала стремятся къ единой цѣли. Онъ вездѣ съ ними не отступно пребывая принуждаетъ ихъ дѣйствовать по предписанному порядку, то есть, производить и содержать образы тѣлъ....

Наука, включающая меркурїй въ начала, и преподоваемая въ свое время Парацельзомъ, давно уже искуснѣйшими Химиками испровергнута. Онъ полагалъ началами тѣлъ, называемыми имъ дѣйствительными, меркурїй, масла и соль; а воду и землю опредѣлялъ въ страдательныя; но перьвыя не могутъ быть началами тѣлъ, потому что онѣ сами не суть простыя, но составныя изъ дугихъ существъ гораздо простѣйшихъ ихъ. Бехеръ почувствовавъ неправильность сего ученїя, призналъ только два начала составляющїя всѣ тѣла, именно: воду и землю; но что бы удобнѣе истолковать

 свой-

свойства сложныхЪ тѣлЪ, онЪ раздѣлилЪ землю на три рода, содержащія простыя и стихійныя земли: перьвую назвалЪ, стекловатою; вторую, возпаляющеюся; третію, меркуріяльною. Стекловатая, по мнѣнію его, есть начало твердости и взаимной вязкости частицЪ, составляющихЪ совокупленіемЪ своимЪ тѣла; чрезЪ воспаляющую онЪ разумѣлЪ ту, которая наполняется огненными частичками, то есть, началами возгоранія; чрезЪ меркуріяльную, начало металловЪ; ибо онЪ думалЪ, что сіе начало, соединеніемЪ своимЪ сЪ двумя перьвыми, составляетЪ металлы. Шталь, которой превосходилЪ химическими своими познаніями Бехера, неоспоримымЪ образомЪ доказалЪ существованіе двухЪ перьвыхЪ земель; но не могЪ никакими испытаніями утвердить бытіе послѣдней, и потому не призналЪ ее за существующую. Однако не смотря на сіе, не только Алхимики, но и нѣкоторые Химики думали,

ли, что меркурій, не во всѣ тѣла, такъ какъ увѣряетъ нашъ учитель, но въ одни металлы началомъ входитъ, и для извлеченія коего Юнкаръ, Валлерій и Гроссъ, преподаютъ особливыя наставленія. Но Макеръ и Боме по предписанію сего послѣдняго вынимать меркурій изъ свинца, не могли имѣть въ томъ успѣха; почему сіи искуснѣйшіе нынѣшнихъ временъ Химики, съ основаніемъ заключаютъ, что оказавшійся меркурій въ испытаніяхъ Гросса, былъ естественнымъ образомъ присообщенъ къ свинцу, а не былъ самъ началомъ онаго. Естьли бы философической меркурій, о которомъ Алхимики мнятъ имѣть свѣденіе, находился во всѣхъ тѣлахъ, то и тогда нельзя было бы представить себѣ, какимъ образомъ меркурій можетъ принуждать огонь и воду дѣйствовать по предписанному порядку, и заставлять ихъ производить и содержать образы тѣлъ.

Здѣсь

Здѣсь надлежитъ такъ же примѣтить его противурѣчїя; прежде вещественныя его начала были: начало растущее присвоенное къ землѣ, а огонь былъ противудѣйствователь сему началу, безтѣлесныя же начала должны одушевлять всякое вещество по предписанному имъ закону; но теперь сихъ началъ заступили мѣста: сѣра, соль, вода меркурїй.

Онъ видно почерпнулъ премудрое свое знанїе о сѣрѣ, въ писанїи старыхъ Химиковъ, которые по обЪявленїю Господина Макера называли, всѣ воспаляющїяся и горючїя вещи, сѣрою; и думали, что сѣра была одно изъ началъ тѣлъ; и потому они называли: сѣра металловъ, сѣра растѣнїй, сѣра животныхъ и проч. И нынѣ, прибавляетъ онъ, у Алхимиковъ, и у тѣхъ, которые слѣдуютъ ихъ мнѣнїемъ, такъ еще голова набита и помѣшена сими сѣрами, что они

тѣмъ

тѣмъ больше съ пышностїю оныхъ разсуждаютъ, чѣмъ меньше ихъ разумѣютъ.

Послѣдующее еще чуднѣе покажется; ибо онъ такъ продолжаетъ разсужденїе свое въ прямомъ смыслѣ словъ, а не подъ Символами, такъ какъ онъ называетъ изъясненїе свое таинственнымъ и непонятнымъ образомъ. *Ради сей гармонїи*, то есть, ради гармонїи сѣры и соли, огня и воды. *Тѣло животныхъ ощущаетъ безболѣзненно дѣйствованїе воды чрезъ легкое и дѣйствованїе огня чрезъ кровь: понеже тотъ законъ, коего блюститель есть меркурїй, правитъ симъ дѣйствїемъ и размѣряетъ пространство ихъ.*

Ради сей то причины животное дыхаетъ, ради той причины, что блюститель меркурїй наблюдаетъ, чтобъ животныя ощущали безболѣзненно дѣйствїе воды

чрезъ

чрезъ легкое, и дѣйствїе огня чрезъ кровь. *А земля подвержена приливу и отливу своей водяной части; ибо живстное дыханїемъ принимаетъ въ себя жидкость, которая орошаетъ кровь его, сверхъ той жидкости, которую онъ въ пищѣ и питїи принимаетъ. И земля приливомъ и отливомъ принимаетъ во всѣ свои части влагу и соль нужную къ орошенїю ея сѣры, или начала растѣнїя.*

Удивительно, что въ осьмомъ надесять вѣкѣ нашелся писатель, которой за истинну выдаетъ, что меркурїй правитъ и размѣряетъ пространство дѣйствїя воды и огня, и которой сравниваетъ дыханїе человѣческое съ приливомъ и отливомъ морскимъ! Таковыя сумазбродныя разсужденїя, не только опровержентїя; ниже вниманїя не заслуживаютъ. Мы только на сїе скажемъ что изо всего его обширнаго пусторѣчїя

рѣчїя о происхожденїи и существованїи тѣлъ, можно только то заключить, что онъ хотѣлъ сказать, что къ рожденїю тѣлъ служитъ огнь центральный земли, а къ растѣнїю ихъ огнь солнечный. Но какъ его тщеславїе заставляло его, для привлеченїя къ себѣ уваженїя, быть непонятнымъ, то ему и надлежало употребить пустыя выраженїя изъясняющїя мнимыя его въ естественныхъ таинствахъ открытїя, какъ то: отражательное дѣйствїе пищи, врожденныя начала, двойственные законы, меркурїй принуждающїй воду и огонь производить и содержать образы тѣлъ, и прочїя нелѣпости, которыя не престанно принуждаютъ его впадать въ противурѣчїя.

Можно ли подумать, что бы кто нынѣ съ важностїю сталъ увѣрять, что движенїе сердца имѣетъ сношенїе съ четырьмя перемѣнами луны? Но онъ точно говоритъ:

изъѣ-

известно, что сїе явленїе, то есть, движенїе сердца, *имѣетъ сходство съ четырью перемѣнами луны, во время которыхъ огненное солнечное дѣйствїе изливаетъ силу свою на соляную часть вселенныя.* Сїи лживости древнихъ Астрологовъ и Алхимиковъ, давно уже изъ естественнаго ученїя прогнаны, и погружены въ ничтожество, откуда бы имъ никогда выходить не долженствовало. Однако онъ утверждаетъ, что по правиламъ сего сношенїя, скиманїя и разжиманїя сердца, съ четырмя перемѣнами Луны, происходитъ приливъ морской, и что сїе явленїе представляетъ въ большемъ видѣ двойственный законъ. Притомъ не смотря на сїи правила, по коимъ двойственные законы дѣйствуютъ, онъ хочетъ вразумить, что причина физическая, поставленная отъ вышшаго начала къ правленїю тѣлъ вещественныхъ и ему себя оказавшая, управляетъ движенїемъ сердца и дви-

и движенїемъ воды морской. И такїя бредни проповѣдникъ мнимыхъ таинствъ выдаетъ за истинны! И находятся люди, которые думаютъ, что въ оныхъ заключается сокровенная наука, относящаяся къ благу человѣческому!

Довольно забавно кажется, что онъ не представляя во всей своей глубокомечтательной книгѣ, какъ однѣ химеры, называетъ всѣхъ испытателей натуры, кои утверждаютъ познанїя свои на вѣрнѣйшихъ изъисканїяхъ, искателями химеръ, и говоритъ: *но я одну только вещь скажу симъ упрямымъ искателямъ химеръ: ежели непремѣнно желаютъ они, что бы чувства ихъ понимали, то да начнутъ прежде искать чувствъ говорящихъ; ибо симъ единымъ средствомъ можно снискать имъ разумѣнїя.* Прилично ли тому, которой такъ изъленяется, называть искателями хи-

меръ, трудящихся познавать естественныя дѣянія, не мыслями и не мечтаніями, но вѣрнѣйшими испытаніями? Притомъ сіе таинственное повелѣніе, искать чувствъ говорящихъ, значитъ, искать познанія мнимой дѣйствующей физической его причины.

Онъ упрямымъ искателямъ химеръ, для обрѣтенія чувствъ говорящихъ, преподаетъ слѣдующее наставленіе: *Меркурій, какъ я выше сказалъ, есть вообще посредникъ огня и воды, которыя, какъ враги непримиримые, не могли бы никогда согласно дѣйствовать безъ посредствующаго начала; понеже посредствующее начало, заимствуя отъ естества обоихъ, когда ихъ разлучаетъ, въ то же время и сближаетъ другъ съ другомъ; и такимъ образомъ направляетъ ихъ свойства къ пользѣ тѣлесныхъ существъ.*

Раз-

Разлученїе значитъ отдаленїе одной вещи отъ другой; то нельзя правильно сказать, что можно въ одно время двѣ вещи разлучать и приближать. То же сказать, что одинъ человѣкъ въ одно время можетъ быть въ Москвѣ и въ Петербургѣ.

Меркурїй, сближающїй и разлучающїй враговъ непримиримыхъ, подаетъ ему случай предложить свою Теорїю и о громѣ; но по обыкновенїю своему говоритъ о всемъ несходственно съ дѣянїемъ и съ существомъ естества, такимъ же образомъ представляетъ и оную; ибо онъ нашелъ воздушнаго меркурїя, способомъ коего онъ безъ затрудненїя громъ въ облакахъ производитъ. По мнѣнїю его: *жаръ есть ощутительное свидѣтельство всѣхъ началъ имъ утвержденныхъ.* Но какимъ образомъ жаръ свидѣтельствуетъ о многочисленныхъ его на-

чалахъ, о томъ испытатель безтѣлеснаго существа не упоминаетъ; но токмо утверждаетъ, что сей жаръ, свидѣтель началъ, дѣйствуетъ надъ тучею, въ которой меркурїй, сѣру и соль окружаетъ, и въ себѣ заключаетъ, отъ котораго жара сѣра *загорается, отражаетъ и отдѣляетъ сильно солянную часть, коея присоединенїе было противно истинному ея закону, и дѣлало болѣзнь въ натурѣ*. Присоединенїе соли къ сѣрѣ дѣлало болѣзни въ натурѣ! Премудро сказано! И такой проповѣдникъ позволяетъ себѣ всѣхъ великихъ мужей въ учености, называть искателями химеръ.

При такомъ вспыхѣ, продолжаетъ онъ, *меркурїй раздробляется въ толь мелкїя части, что все, что заключаетъ онъ въ себѣ, выходитъ опять на свободу; самъ же послѣ сего совершеннаго разрушенїя упадаетъ*

даетъ съ жидкостїю на поверьхность земли.....

Послѣ грому обыкновенно кромѣ дождя другой жидкости не упадаетъ; то не правда, чтобъ въ дождевой водѣ находился меркурїй; ибо, по испытанїямъ всѣхъ Химиковъ, дождевая вода есть самая чистѣйшая, ни съ какими посторонними тѣлами не смѣшена и не содержитъ въ себѣ меркурїя; а по тому надобно заключить, что нѣкоторая часть меркурїя дѣйствуетъ въ головѣ у бредящаго писателя.

Но чтобъ читатели не могли ничего отгадать въ описанїи его о громѣ, онъ по обыкновенїю своему, прибѣгаетъ къ началамъ невещественнымъ.

И такъ вся сїя перемѣна производится на прочихъ двухъ сущностяхъ, то есть, на тѣхъ, которыя въ натурѣ тѣ-

лесной суть знаки двухъ законовъ и двухъ началъ безтѣлесныхъ. И потому всѣ въ громѣ происходящія дѣйствія основаны на разныхъ смѣшеніяхъ сихъ двухъ веществъ.

Наконецъ толь справедливо то, что соль есть орудіе всѣхъ чувственныхъ дѣйствій, что перунъ опаснѣе тогда бываетъ, когда изобилуетъ солями: понеже возгораніе его будучи сильнѣе, производитъ удары крѣпче и раззоренія ужаснѣйшія.

По таковому его особливому ученію, громъ служитъ доказательствомъ, что соль есть орудіе всѣхъ чувственныхъ дѣйствій. И такъ, по его мнѣнію, прекрасная живопись, пріятное согласіе тоновъ, нѣжность осязанія, происходятъ отъ соли; а доказательство сему громъ, когда онъ производитъ разоренія ужаснѣйшія. Вотъ какую, благоразмный

ный нашъ неискатель химеръ преподаетъ Физику, и хочетъ на премудрыхъ своихъ познанїяхъ утвердить таинственную науку, дабы поставить себя на подножїе, для воспрїятїя особеннаго почитанїя отъ подобныхъ себѣ!

Впрочемъ сїе возгаранїе, продолжаетъ онъ, *отъ изобилованїя соли бываетъ почти всегда въ нижней части облака, какъ грубѣйшей, менѣе подверженной жару, и слѣдовательно способнѣйшей къ замерзанїю, отъ чего и бываетъ градъ.*

Не правда, что бы въ нижней части облака было меньше жара; напротивъ чѣмъ ниже или ближе къ землѣ, тѣмъ въ Атмосферѣ больше жара находится, а чѣмъ далѣе отъ земли въ верьхъ, тѣмъ холоднѣе: ибо лучи солнца, ударяя на землю, и отражаясь отъ нее производятъ блиxе къ поверхно-

 сти

сти ея больше жара, нежели въ высотѣ. Присоединимъ къ сему еще, собственной землѣ жаръ, то и будетъ ощутительно, что по лицу земли и въ близости онаго жарчѣе, нежели въ отдаленіи отъ нея; о чѣмъ послѣднія Аеростатическія испытанія все сомнѣніе отъемлятъ. Ибо въ 1783 году Сентября 1 дня, въ Парижѣ подымавшійся изъ Тюллери на воздушномъ шарѣ Аеростатикъ, замѣтилъ прежде поднятія своего на Ремюровомъ Термометрѣ, служившемъ ему въ семъ испытаніи 7 градусовъ, выше точки замерзанія; но по вознесеніи шара въ 10 минутъ на 1524 сажени, оной Термометръ опустился на 5 градусовъ ниже точки замерзанія. Сіе исчисленіе возвышенія шара учинено было по примѣчанію Барометра, которой на поверхности земли показуя 28 дюймовъ и 4 линій, чрезъ 10 минутъ возвышенія своего означалъ только 18 дюймовъ, 10 линѣй, полагая на вся-

всякую по десяти сажен, что учинит около 1524 сажен.

Он не оставил предложить и о предохранительных средствах от грома, которыя также понятны и полезны, как и все его таинства. *Средство сіе состоит в том*, говорит он, *чтоб пресечь столбы воздушныя всякаго положенія, то есть, и горизонтальные и перпендикулярные и прогнать к краям устремленія перуна; ибо тогда находясь в средоточіи, нельзя опасаться, чтоб оной приближился.*

Мы не знаем, бывают ли столбы горизонтальные, и можно ли сказать: пресечь столбы горизонтальные, прогнать к краям устремленія перуна и находиться в средоточіи? Но только знаем то, что нельзя не ощущать благоразумным читателям

лямъ нѣкоего неудовольствія и тогда, когда онъ съ смѣшнымъ самохвальствомъ приписываетъ себѣ знаніе о вещахъ выходящихъ изъ круга понятій человѣческихъ, но тогда, когда онъ съ надмѣнностію и утвердительно представляетъ съумазбродныя нелѣпости; то уже не только неудовольствіе, но и сѣтованіе возбуждаетъ за толь малое къ нимъ уваженіе.

Онъ къ прогнанію на край Перуна, прибавляетъ еще: *не скажу я причины сему, дабы не отступить отъ моей обязанности; пусть читатели сами изъискиваютъ ее* ..... Сими словами кажется, что онъ издѣвается надъ читателями своими; ибо обыкновенно въ общежитіи принимается за насмѣшку, когда кто говоритъ: *знаю, да не скажу.*

Что принадлежитъ до обязанности его, то когда онъ при на-

чалѣ книги своей обязывался доставить чрезъ нее благо роду человѣческому, то уже никакая другая обязанность отвлекать его отъ первой не долженствовала; но умышленнымъ умалчиванiемъ онъ нарушаетъ свое обѣщанiе, и потому подвергается всякому осужденiю, коего неисполнители слова своего достойны.

Послѣ предохранительнаго отъ грома средства, онъ представляетъ другое: предохранять себя человѣку *отъ ужаснаго замѣшательства, въ кое тщатся его ввергнуть*, и познавать, что онъ способностями своими разнствуетъ отъ существа тѣлеснаго. Сiе средство состоитъ *въ вѣсѣ, числѣ и мѣрѣ*.

Вѣсъ ничто иное есть, какъ всеобщее тѣлъ притяженiе къ центру земли; ибо всѣ вещи развѣшивать можно, только употребленiямъ противной сему притяженiю

силы,

силы, которая удерживаетъ паденія ихъ къ поверьхности земли; для того и нельзя сказать, что стремленіе тѣлъ къ землѣ, а потому и къ центру ея, и отъ того удерживаемая ихъ сила, могутъ быть предохраненіемъ себя человѣку отъ ужаснаго замѣшательства. То же сказать, что стихійный огнь и воздухъ, проникающіе въ тѣла, не для того въ веществѣ находятся, что бытіе ихъ совокупно съ онымъ; но единственно для того, чтобъ перьвой согрѣвалъ желудокъ, а послѣдній одушевлялъ легкое наше, и тѣмъ бы предохраняли насъ отъ ужаснаго замѣшательства. Истинна сія премудраго нашего писателя, имѣетъ на себѣ видъ пустомысленнаго вздора. Ни одному физіологу не можетъ быть понятно, такое чудное и особливое владычество чрева надъ вѣсомъ. Когда всякое тѣло, удержаніемъ противною силою стремленія его къ землѣ, имѣетъ вѣсъ, то есть, означеніе силы онаго стремле-

мленія; слѣдственно вѣсъ не къ одному чреву принадлежитъ, но ко всѣмъ тѣламъ, какъ на поверьхности, такъ и во внутренности земли находящимся; и естьли бы какое тѣло могло достигнуть до средоточія ея, то бы оно по мѣрѣ приближенія своего къ оному, и по силѣ притяженія въ превратномъ отношеніи квадратныхъ разстояній, уменьшаяся въ вѣсѣ своемъ и потерявъ наконецъ всю тягость свою, при самомъ средоточіи земли, оставалось бы безвѣсно.

По премудрому его ученію число въ животныхъ есть голова, потому что она приводитъ въ движеніе начало дѣйствій ихъ.

Сердце или кровь есть мѣра, по тому что то, или другое производятъ чувствованія въ нихъ.

Вѣсъ относится къ чреву, по тому, что оно *по силѣ краткаго* зако-

закона натуры разваривает пищу въ желудкѣ, и въ нѣдрахъ приготовляетъ сѣмена возродительныя...

Мы устанемъ, и читателямъ наскучимъ, естьли при всякомъ ложномъ его разсужденіи станемъ укорять его въ предложеніи онаго; и для того только замѣтимъ, что кровь въ животныхъ не есть та жидкость, которая производитъ въ нихъ способности чувствовать. Сіе дѣйствіе отправляютъ нервы исходящія изъ мозга, и распространяющіяся по всѣмъ частямъ тѣла: имъ присвоено производить какъ чувствія, такъ и движенія сообщеніемъ своимъ съ мышцами, орудіями движенія. Въ чемъ свидѣтельствуютъ славнѣйшіе Анатомики Мальпигій, Руйшъ и Винсловъ.

Онъ дополняетъ мудрое сіе средство, прибавляя *вѣсъ*, *число и мѣру* къ способностямъ разума;

ма; и такъ прилагаетъ число къ мысли; меру къ воле доброй или злой; а весъ къ деянiямъ происходящимъ отъ мыслей и воли: *но понеже*, говоритъ мнимой пророкъ, *связь внутренняго сего деянiя съ произшедшимъ отъ него чувственнымъ деянiемъ, истинное таинство человека; для того не могу я далее о семъ говорить, не наруша скромности и не подвергаясь опасности...*

Странной способъ преподавать ученiе, начать предлагать оной и вдругъ сказать, что оно есть таинство человека, и для того нельзя о немъ говорить не наруша скромности и не подвергаясь опасности! Естьли онъ писалъ свои разсужденiя, чтобъ просветить читателей и показать имъ истинну; то безразсудно умалчивать о томъ, что можетъ служить къ сей цели: естьли же онъ для того писалъ, чтобъ его не разу-

зумѣли, то такое безсмысленное предпріятіе не вѣроятно, и никто съ симъ намѣреніемъ не пишитъ; ибо никто не желаетъ трудиться вотще; потому явствено оказывается, что намѣреніе щеславнаго Метафизика, не есть научить читателей тому, что непонятно, но только увѣрить непостижимымъ проповѣдыванiемъ о мнимой своей премудрости, которая будьто бы Божествомъ въ него вдохновенна; но сіе его заблужденіе должно причислить ко всѣмъ другимъ, въ которыя вовлекло его щеславіе. Нынѣ уже не есть время невѣжества и непросвѣщенія. Химеры и потаенныя качества находятъ въ здравомъ разсудкѣ неукротимаго врага, который преслѣдуетъ ихъ во всѣхъ мрачныхъ и пустозвучныхъ выраженіяхъ, обыкновенное убѣжище оныхъ; а Философія, сопровождаемая испытаніями, не позволяетъ вѣрить, какъ тому, что утверждено сими послѣдними и посвящено

ими въ чинъ вещей несомнѣнныхъ и истинныхъ.

Но сіе, то есть, то, что онъ далѣе говорить не можетъ, *не препятствуетъ признать со мною, во внутреннемъ или въ разумномъ человѣкѣ вѣсъ, число и мѣру*..... Но мы спросимъ его: какое онъ имѣетъ право требовать, чтобъ безъ всякихъ доказательствъ вѣрили противорѣчащимъ его разсужденіямъ? Тѣмъ ли онъ пріобрѣлъ сіе право, что непонятныя его предложенія представляютъ повсюду мнимую сокровенность? Тѣмъ ли, что онъ изъясняется съ безстыдствомъ шарлатана, старающагося ослѣпить слушающихъ его? Тѣмъ ли, что онъ показываетъ себя пророкомъ имѣющимъ сообщеніе съ нѣкоимъ безтѣлеснымъ существомъ, ему только извѣстнымъ? И наконецъ тѣмъ ли, что, запутавшись въ безъисходныхъ стезяхъ системы своей о существахъ

вахъ невещественныхъ и сверьхъ естественныхъ, онъ невразумительныя изтолкованія свои иначе рѣшить не можетъ, какъ сказавъ, что ему долгъ или опасность далѣе говорить о нихъ не дозволяютъ?

И такъ, по его наставническому тону, читателямъ надлежитъ вѣрить, что *вѣсъ*, *число* и *мѣра* ихъ предохраняетъ отъ ужаснаго замѣшательства и научаетъ познавать, что *человѣкъ разствуетъ отъ существъ тѣлесныхъ*.

Послѣ бредней числа, вѣса и мѣры, онъ увѣряетъ, что въ человѣкѣ находятся два начала безтѣлесныя. *На невещественномъ началѣ человѣка*, говоритъ онъ, *а не на иной какой части вещества опочиваетъ начало его разумное; съ нимъ то оно совокуплено на время всевышнею десницею, осудившею его въ сіе узилище;* однако *по естеству* *сво-*

своему оно господствуетъ надъ тѣлеснымъ началомъ, какъ и тѣлесное начало господствуетъ надъ тѣломъ... Изъ сего значитъ, что онъ проповѣдуетъ о существованіи въ человѣкѣ двухъ душъ, изъ которыхъ одна другой находиться подчиненною: первая обитаетъ въ головѣ, а другая во всемъ тѣлѣ, которую онъ называетъ тѣлеснымъ началомъ. И такъ прибавляетъ: *нельзя уже намъ сомнѣваться въ томъ, что она въ верьхней части тѣла, или въ головѣ, какъ выше показали мы, являетъ всѣ свои способности; однимъ словомъ, она употребляетъ сіе начало....* то есть, вторую душу подчиненную ей, и названную тѣлеснымъ началомъ, *къ исполненію чувственныхъ дѣлъ сихъ способностей. Симъ то средствомъ ясно разпознается обиталище и должность двухъ разныхъ началъ человѣка.* Вотъ какія доказательства, упрекающій другихъ въ исканіи химеръ,

 назы-

называетъ ясными!

Для такого же яснаго доказательства другой души въ человѣкѣ, или, такъ какъ онъ называетъ, безтѣлеснаго начала, онъ вопрошаетъ: *для чего человѣкъ, лишившійся по случаю котораго нибудь члена, нѣсколько времени имѣетъ чувствованія, которыя кажутся быть въ томъ членѣ, коего уже онъ не имѣетъ?*

Вопросъ его тщетенъ и излишенъ! ибо никогда не бываетъ, чтобъ человѣкъ чувствовалъ боль въ отнятомъ членѣ тѣла своего; понеже съ самой той минуты, когда нервы отнятой части отсѣкутся отъ нервъ цѣлаго тѣла, имѣющихъ изъ мозга изхожденіе свое, тогда престаетъ всякая чувственная сообщность между отнятою частію и цѣлымъ тѣломъ. Но кромѣ того, что сія справедивость всѣмъ физіологамъ извѣстна, одинъ изъ

насъ

насъ собственнымъ своимъ испытанїемъ можетъ увѣрить, что не только отнятая часть, но и та, которая еще не совсемъ отдѣлена, а только претерпѣла раздѣленїе нѣсколькихъ нервовъ своихъ, теряетъ чувство, по мѣрѣ большаго, или меньшаго числа сихъ нервовъ, лишившихся сообщенїя съ тѣми, коимъ онѣ служили продолженїемъ.

Въ турецкую войну подъ одною крѣпостїю въ 1770 году, сотоварищъ нашъ получилъ изъ ружья непрїятельскаго, почти прикосновеннаго къ тѣлу его, сильнѣйшїй ударъ пулею, которая пролѣтѣвъ сквозь руку не много выше локтя, пресѣкла всѣ жилы и нервы, лежащїя на линїи ея пролѣта. Въ то самое мгновенїе ему казалось, что рука его совсѣмъ отбита, и что онъ больше уже ее не имѣетъ; въ чемъ и совершенно былъ увѣренъ, пока другая рука, коснувшись нечаянно нижней части

больной руки не переувѣрила его, что онъ еще не вовсе потерялъ ее. Сей самой случай возбудилъ въ немъ любопытство узнать, такъ же ли и другіе ощущаютъ раны свои; для того онъ спрашивалъ у многихъ раненыхъ, и нѣкоторыхъ имѣющихъ отбитые у себя ноги гранодеровъ, какое они имѣли чувство при полученіи и послѣ ударовъ въ частяхъ тѣла ихъ уязвленныхъ. Они ему всѣ согласно сказывали какъ раненые, такъ и лишенные членовъ своихъ, что у первыхъ оные онѣмѣли; а послѣдніе, что они не въ ногахъ чувствовали боль, когда сіи отъ нихъ были отдѣлены, но во всей внутренности ихъ. Напротивъ, естьли отъятые члены, хотя малѣйшею частицею тѣла держатся, и потому нервы оныхъ не всѣ еще пересѣчены, тогда претерпѣвающіе сію нещастную участь ощущаютъ скорбь несносенѣйшую. Онъ находясь на одной Батерей былъ очевиднымъ свидѣтелемъ,

лемъ, какъ одинъ гранодеръ, коему ядро попало въ ногу и отшибло оную по колѣно, но не могло перебить только маленькой частицы тѣла, отпасть ее удерживающей, чувствовалъ нестерпимѣйшую боль, и столько терзался сею, что не дождавшись подлѣкаря, самъ отрѣзалъ ножемъ тотъ кусокъ тѣла, который не допускалъ отбитую ногу совсемъ отвалиться. Послѣ сей операцїи онъ казался менѣе мучиться, и быть спокойнѣе; что ясно доказываетъ, что никто въ отнятой части тѣла своего никакой скорьби не ощущаетъ; а изъ сего заключить должно, что искусный нашъ Физїологъ во всѣхъ своихъ разсужденїяхъ, такїя же вѣрныя доказательства представляетъ, какими онъ утверждаетъ существо безтѣлесныхъ своихъ началъ, обитающихъ во всѣхъ вещественныхъ образахъ.

Однако во многосложной его систе-

стемѣ о бытіи и дѣяніи вещества, многочисленныя начала, имъ сотворенныя, ему показались недостаточны къ управленію онымъ; и для того онъ прибавилъ, такъ какъ мы уже упоминали, еще надъ ними вышшую, временную и разумную причину, поставленную отъ Бога управлять всемъ естествомъ.

Сія причина, говоритъ онъ, *временная, разумная и дѣйствительная опредѣляетъ дѣйствіе начала, врожденнаго въ зародышахъ чрезъ посредство втораго дѣйствія, или того отражательнаго дѣйствія, безъ котораго, какъ мы выше признали, не былобъ никакого произведенія,*.... Стало, сія причина находится въ зависимости отъ дѣйствія отражательнаго, безъ котораго не было бы никакого произведенія: но мы видѣли на страницѣ 41, нашего изслѣдованія, что все вещество по ученію нашего пророка,

есть

есть произведенїе сей причины, которую онъ называетъ вторымъ началомъ: то какимъ же образомъ она могла произвесть въ веществѣ такое дѣйствїе, отъ котораго она учинилась сама зависима? понеже безъ страждательнаго дѣйствїя не можетъ быть никакого произведенїя.

Онъ сѣтуетъ на примѣчателей, что они всѣ разныя причины и начала, которыя онъ въ естествѣ находитъ, не почувствовали, и дѣйствїя оныхъ принявъ одно за другое смѣшали вмѣстѣ. Ни одинъ примѣчатель не мѣшалъ причинъ его, ни дѣйствїя ихъ не принималъ одно за другое; потому что никому, кромѣ его, такїя ложныя понятїя о естествѣ веществъ въ умъ не приходили, и никому столь странныя и юродливыя мечтанїя не воображались.

Но дабы предупредить, безпокойство подобныхъ мнѣ,

которые могутъ подумать, что сія причина дѣйствующая и разумная, о которой имъ говорю, есть вымышленное и мечтательнное существо, скажу имъ, что есть люди, которые познали ее физическимъ образомъ, и что всякой такъ же узналъ бы ее, когда бы возложилъ на нее свое упованіе и потщился очистить и укрѣпить свою волю.

Можно ли сдѣлать другое заключеніе о писателѣ, который не стыдится сказать, что есть люди (то есть, онъ самъ) которые познали физически существо управляющее натурою, другое заключеніе сдѣлать говоримъ мы, какъ то, что или метафизическія его размышленія повредили его разсудокъ, или тщеславное самолюбіе ослѣпило его до того, что онъ съ важностію предлагаетъ за истинны, выдуманной имъ романъ о существахъ невеществен-

ственныхъ, и ихъ приключеніяхъ въ предѣлахъ мысленнаго пространства?

Однако онъ, почувствовавъ безразсудность сего утвержденія, изправляетъ оное тѣмъ, что онъ слово, физически, не разумѣетъ въ общеупотребительномъ смыслѣ, но только ему извѣстномъ. Что бы подумали о человѣкѣ, который сталъ бы увѣрять, что слово, Натура, не значитъ Натуру? Етьли бы такой учитель не смѣшнымъ, то по крайности жалкимъ показался; то же можно сказать и о проповѣдникѣ нашемъ: ибо Физика, слово греческое, какъ всѣмъ извѣстно, означаетъ Натуру, и сказать, физически разумѣется вещественно и ощутительно.

Потомъ онъ упоминая о двухъ началахъ добромъ и зломъ, говоритъ: *послѣ примѣчаній, которыя дѣлали мы надъ тѣлесною нату-*

натурою можетъ кто подумать, что сїи два начала имѣютъ не обходимую другъ въ другѣ нужду къ своему существованїю....... Изо всего его разсужденїя о тѣлесной натурѣ нельзя ничего было подумать о двухъ началахъ; понеже онѣ ни во что въ разсужденїяхъ его объ оной не входили, и были праздными при всѣхъ его сотворенїяхъ, какъ то: безтѣлесныхъ началъ, растущаго начала, внѣшней причины, способствующей къ произведенїю тѣлъ, силы стражательной *и законѣ вышшемъ, которымъ всѣ тѣла управляемы, даже и въ самыхъ величайшихъ сраженїяхъ ихъ и въ величайшихъ ихъ возмущенїяхъ.....* Но что оныя два начала имѣютъ необходимую другъ въ другѣ нуждуо, того опять не думать нельзя; ибо онъ прежде сказалъ: *естьли бы они не имѣли другъ надъ другомъ никакого дѣйствїя, то бы изъ сего равенства силъ произошла*

шла бы недѣйствительность и совершенное безплодїе въ дѣлахъ сихъ обоихъ существъ. Слѣдственно они имѣютъ другъ въ другѣ нужду, когда бы отъ взаимной ихъ недѣйствительности произошло безплодїе въ дѣлахъ ихъ. Но теперь кажется, что онъ опасается, чтобъ не приняли сего мнѣнїя; а таковымъ опасенїемъ отрицаетъ, что онъ прежде о добромъ и зломъ началахъ утверждалъ; тѣмъ паче въ семъ увѣриться должно, что онъ теперь о добромъ началѣ такъ изъясняется; *но ежели временное сїе сотворенїе произошло отъ начала вышняго и добраго, какъ и не можемъ въ томъ сомнѣваться, то сїе начало долженствуетъ повсюду являть свое превосходство и свою главнѣйшую принадлежность, которая есть, имѣть въ себѣ все безъ изъятїя, кромѣ зла, и кромѣ своихъ собственныхъ способностей не имѣть нужды ни въ чемъ къ сотво-*

творенію всѣхъ своихъ произведеній . . . . . Какимъ же образомъ сіе согласить съ тѣмъ, что отъ недѣйствительности сихъ своихъ существъ произошло бы совершенное безплодіе въ дѣлахъ ихъ; и какую же бы ролю играть злу надлежало? Онъ сей вопросъ рѣшитъ тѣмъ, что *зло служитъ къ показанію великости и могущества добраго начала*, такъ какъ бы доброе начало могло тщеславиться, что злое будетъ показывать великость и могущество его.

И такъ изъ сихъ противорѣчій должно заключить, что онъ для того учинилъ сопряженіе добраго съ злымъ началомъ въ своей метафизичной системѣ, дабы показать какую нибудь причину зла владычествующаго въ свѣтѣ; ибо послѣ уже и то и другое, мало ему нужны въ его романѣ, хотя онъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и старается упоминать о нихъ; но упорное ихъ

при-

привлеченїе представляетъ ихъ посторонними; и они въ послѣдствїи его сочиненїя являются, такъ какъ излишчїя лицы въ драмматическихъ пїесахъ, показывающїяся на сцену для нѣкоторыхъ безгласныхъ явленїй.

Примѣры его, приведенные для доказательства ученїя его, основаны на такихъ же ложныхъ разсужденїяхъ, на какихъ и все зданїе химерической его системы сооружено. Ибо онъ въ началѣ своего четвертаго отдѣленїя говоритъ, что нѣкоторые странственники, воспитанные въ невѣжествѣ и лѣности, осматривали пространное царство, и видя въ городахъ *толпящееся сходбище народа, которой казался быть оставленъ собственной волѣ, не подумали нимало о порядкѣ и мудрости законовъ охраняющихъ покой и благоденствїе жителей; они возмнили, что всѣ граждане равно праз-*

празны, и живутъ въ совершенной независимости. Ни одного нѣтъ человѣка, какой бы онъ умѣренной разсудокъ ни имѣлъ, и въ какомъ бы невѣжествѣ и лѣности воспитанъ ни былъ, которой бы видя города и толпящійся въ нихъ народъ, заключилъ, что города существуютъ безъ законовъ, а граждане живутъ въ безпорядкѣ и независимости; а напротивъ того, чѣмъ больше они видѣли бы устройства въ народѣ и свободнаго обращенія его; тѣмъ больше бы удивлялись благоразумнымъ и мудрымъ узаконеніямъ, подъ которыми онъ благоденствуетъ.

Онъ подтверждаетъ свое увѣреніе о причинѣ, поставленной отъ Бога къ управленію всею вселенною, и говоритъ: *человѣкъ, не взирая на очевидную необходимость сея причины, удаляется отъ нея, бѣгаетъ отъ мечты къ мечтѣ, и не находитъ себѣ постоян-*

стоянной точки; понеже безъ содѣйствія третїяго начала не можно быть совершенному дѣлу; а ежели кто желаетъ, скажу на сїе доказательство, что какъ скоро кто дошелъ до трехъ, тотъ уже бываетъ и при четырехъ, то есть, кто позналъ два нижнія дѣйствія, или двѣ нижнія причины и сїю третїю, правящую ими; тотъ познаетъ и первое или высшее начало, въ которомъ состоитъ число четыре. Вотъ все глубокое таинство въ числахъ его трехъ и четырехъ!

Но мы еще повторимъ, что всѣ числа его, съ притворною важностїю представляемыя, ничего, кромѣ пустаго тщеславїя, въ себѣ не заключаютъ; ибо прямо желающїй просвѣтить себѣ подобныхъ и съ истиннымъ познанїемъ человѣкъ, никогда сокровенными числами и невнятными предложенїями изъясняться не станетъ; такое шарлатан-

 ство

ство всегда было свойственно токмо тѣмъ, которые приписывая себѣ мнимую премудрость, желали преклонять непросвѣщенныхъ къ послѣдствію мнѣній своихъ.

Онъ безъ сомнѣнія почувствовавъ, что подаетъ не рѣдко случай къ нареканію несправедливаго присвоиванія себѣ всеобщаго познанія и наукъ, старается оправдиться, или убавить оное такимъ образомъ: *не справедливъ былъ бы я и безразсуденъ, когда бы вздумалъ повелѣвать моимъ читателямъ, что бы они мнѣ вѣрили. Нѣтъ! не обинуясь, повторю, что сердечно желаю, что бы никто изъ нихъ не полагался на мои слова, ибо я, поелику человѣкъ, не имѣю права на довѣренность моихъ собратій* ..... Но гордыя и тщеславныя его израженія, какъ на примѣръ: *да научатся люди; созвѣщу явственно; довольно я показалъ неосновательность*

мнѣ-

мнѣній человѣческихъ; при всемъ ихъ невѣжествѣ упрямые химерики и проч, худо согласуются съ теперешнею его скромностїю и болѣе означаютъ его высокомѣрїе, нежели искренность.

Притомъ онъ не оставилъ къ извиненїю таинственнаго своего ученїя, привесть въ примѣръ прежнихъ начальниковъ законовъ похваляя ихъ, что они проповѣдывали свои догматы съ благоразумною скромностїю, и такъ, какъ блюстители ключа науки, отдаляли простой народъ отъ познанїя сихъ догматъ, дабы не осквернить таинство ихъ науки. Все что благоразумно и большему числа людей полезно, никогда осквернено быть не можетъ; ибо всякое неистовое покушенїе противъ такой вещи, значитъ не оскверненїе оной, но отступленїе отъ здраваго разсудка устремляющихся на нее нарушителей пользы общественной, и потому собствен-

ной своей: слѣдственно вещь, творящая благо человѣческое, не къ оскверненію, но къ приверженности и почитанію себя побудить людей долженствуетъ. Такое тщетное оправданіе не извиняетъ, ни какого блюстителя ключа науки, въ сокрытіи полезной тайны.

Всѣ таинства въ древности язычниками учреждаемыя не къ общественному, но токмо къ благу жрецовъ управляющихъ оными относились. Въ Египтѣ толкователи таинствъ, называемые Гіерогматы, были первые и неоступные совѣтники Царей, которые дѣйствовали по ихъ совѣтамъ; они вымышляли Іероглифы и установляли обряды богослуженія. Тщеславіе заставляло ихъ для уподобленія себя Государямъ своимъ носить скипетръ, представляющій сошникъ, орудіе землѣделія. Они безпрестанно примѣчали звѣзды и движеніе небесъ, дабы увѣрить, что имъ открыто познаніе буду-

щаго,

щаго, и что они суть предсказатели онаго.

Какъ могли быть полезны установленія, въ коихъ величайшія преступленія прощались? Всѣ славные въ древности преступники получали въ оныхъ отпущеніе злодѣяній своихъ; притомъ извѣстно, что таинства язычниковъ сопровождаемы были неистовыми безпорядками. И естьли вѣрить Тертулліану и Ѳеодориту, то въ таинствахъ, называемыхъ Елевзійскими, отправляемыхъ въ празднествахъ Цереры, приносилась жертва предлогамъ постыднымъ, хотя впрочемъ сіи таинства важностію своею и благоустройствомъ предпочиталисѣ всѣмъ другимъ; ибо по окончаніи оныхъ собирались начальники правительства для изслѣдованія, всель добропорядочно между торжествующими происходило; и изкореняли все, что находили въ противность благопристойности и кротости нравовъ.

вовъ. Цицеронъ однако же думаетъ, что въ таинствахъ Елевзійскихъ открывалась токмо справедливая Исторія Цереры и Прозерпины дочери ея, и что посвѣщающіеся обязывались подъ ужасными заклятіями, никогда и никому не объявлять, что сіи двѣ мнимыя Богини не что иное были, какъ двѣ смертныя женщины, дабы не истребилось къ нимъ почтеніе въ народѣ. Господинъ Плюшь, одинъ изъ истолкователей Миѳологіи, мнитъ, что сіи таинства заключали въ себѣ все то, что было благоразумнѣйшее въ религіи язычниковъ; но по описанію стихотворца Клавдія, процвѣтавшаго въ IV вѣкѣ, и который самъ былъ языческой вѣры, оныя были совершенно подобны нынѣшнимъ операмъ, представляющимъ волшебную мечту зрителямъ; ибо въ нихъ, по его сказанію, похищеніе Прозерпины, сошествіе во адъ Цереры представлялись пантоминою, и весь адъ съ богами и съ причетомъ своимъ

являлись чрезъ декорацiи зрѣнiю сопричастниковъ таинствъ. Господинъ Волтеръ говоритъ „что таинства „язычниковъ не стоили труда „быть узнаемы, понеже собранiя, „въ коихъ оныя отправлялись, „не изъ Философовъ состовляемы „были, но изъ невѣждъ управляе„мыхъ ухищреннымъ Iерофан„томъ; и что доколѣ число оныхъ „было не велико, дотолѣ они бы„ли въ почтенiи; но когда оно „надмѣрно умножилось, тогда „всѣ таинственники не больше „имѣли уваженiя, какъ нѣмецкiе „Бароны, когда свѣтъ ими напол„нился.

Въ таинствахъ Бакховыхъ, Изисовыхъ, Орфеевыхъ, Адонисовыхъ, Прiаповыхъ и проч. происходили мерзостныя дѣянiя; ночныя собранiя сопричастниковъ были поводомъ ко онымъ, и которыя потомъ пришли въ такое безславiе, что Плавтъ, въ комедiи своей Адуларiи, застав-

вляетъ Леонида такъ говоритъ Евилїону: я признаться тебѣ долженъ, что въ одномъ ночномъ празднествѣ Цереры, дочь твоя отъ меня сдѣлалась беременна; наконецъ срамныя разпутства, происходящїя въ сихъ сокровенныхъ собранїяхъ, подали причину совсемъ къ уничтоженїю оныхъ въ Грецїи и въ Римѣ. По сему краткому начертанїю о таинствахъ языческихъ кажется, что основатель нововымышленныхъ таинствъ не долженъ былъ бы кичиться, толь предъосудительными установленїями, и примѣрами оныхъ одобрять тайное и скрытное свое ученїе; ибо токмо пороки и преступленїя понуждаются искать себѣ въ мрачности и укрывательствѣ убѣжище: но честности и добрымъ дѣламъ подобаетъ свѣтъ и явность.

Покровъ и безмолвїе, говоритъ онъ, *есть предпочтительное убѣжище истинны, и обладающїе*

щїе ею не могутъ довольно взять предъосторожностей, дабы сохранить ея въ чистотѣ..... Покровъ и безмолвїе въ такихъ истиннахъ, которыя изливаютъ блаженство на человѣчество вообще, есть преступленїе, наказанїе заслуживающее, и обладающїе ими не могутъ довольно стараться означить оныя.

Новый Гїерофантъ думаетъ о древнихъ законоположникахъ, что бы имъ не надлежало совсемъ погребать таинства науки ихъ въ сокровенности; но токмо наложить покровъ на важнѣйшїе пункты, и открытїе оныхъ поставить мздою трудовъ и постоянности. Однимъ словомъ, говоритъ онъ, *я бы на мѣстѣ ихъ возвѣстилъ таинство,* то есть, что онъ хочетъ сказать, что уже его и возвѣщаетъ, *яко истинну покровенную, а не яко непроницаемую, и я имѣю щастїе знать доказатель-*

 ство

ство, что сїе опредѣленїе было бы гораздо лучше.

Вотъ какими половиноткровенными внушенїями онъ старается увѣрить, что онъ просвѣщенъ въ сверьхъ естественной премудрости разумною причиною и ею избранъ быть Апостоломъ ея! Но какъ обрѣлъ онъ, предъ всѣми другими себѣ подобными, удостоиться сего откровенїя, того онъ не сказываетъ, и видно, что сїе то есть, главное его таинство покровенное и непроницаемое; но въ самомъ дѣлѣ оно есть ни то, ни другое; ибо представляющаяся мечта въ воображенїи, заблуждшемъ въ мысленныхъ предѣлахъ не можетъ сдѣлаться бытїемъ существеннымъ. Притомъ мы его спросимъ, какъ можетъ въ разумной причинѣ, опредѣленной всевышнимъ Творцомъ управлять вселенною, находиться ко одному къ нему столько благости. Естьли сїя причина справедлива, то она не долж-

женствовала бы лишить сей же благости и другихъ, которые не меньше добродѣтельны, или еще и больше, нежели сей избранникъ; ибо прямая добродѣтель не тщеславна и не пустоглаголива: однако по увѣренію его причина разумная, кромѣ любимцевъ своихъ, никому еще не сообщилась. Естьли онъ скажетъ, что онъ трудомъ и исканіемъ своимъ нашелъ тайное средство познать ее и быть ею предводительствуемъ. Вотъ изрядная повѣренная божества, которая познанія себѣ опредѣлила въ пріобрѣтеніи нѣкоего таинства отъ всѣхъ сокровеннаго! Изъ чего явствуетъ, что присудствіе такой причины, которой познаніе и благость зависѣла бы отъ таинства, малымъ числомъ людей пріобрѣтеннымъ быть могущаго, не соотвѣтствовало бы цѣли ея поставленію; ибо такихъ любимцевъ сей мнимой причины, какъ посланникъ ея столь мало въ разсужденіи всеобщества, надъ кото-

которымъ власть и управленіе ея простираться долженствуютъ, что число ихъ въ нуль превращается; и потому всѣ люди, кромѣ обрѣтателей таинства, доставляющаго познаніе ея, не смотря на опредѣленіе отъ Бога сей причины къ правленію ими, были бы оставлены собственному своему управленію.

По мнѣнію его, разность въ религіяхъ, между коими, такъ какъ онъ увѣряетъ, не находится и двухъ единообразныхъ, происходитъ отъ того, *что люди не слѣдуютъ единому предводителю и потеряли изъ вида единственный свѣтъ, могущій ихъ просвѣтить и согласить. Свѣтъ же сей есть ли иное что, какъ не сія причина дѣйствительная и вышшая, которая должна держать равновѣсіе между чувственными ихъ и разумными способностями....* Мы умолчимъ о томъ, что приличествуетъ ли

при-

причинѣ, правящей всею вселенною держать вѣсы для уравненія способностей чувственныхъ съ разумными; но только спросимъ его, какъ возможно, чтобъ причина, поставленная править, предводительствовать и просвѣщать, допускала людей утопать въ заблужденіяхъ, гибель имъ уготовляющихъ, и дозволялабъ имъ *возлагать на себя мрачный покровъ?* И не лучше ли бы ей, вмѣсто безполезнаго развѣшиванія разумныхъ и чувственныхъ способностей, предъохранить людей отъ заблужденія; а наипаче проповѣдника своего соблюсть отъ оныхъ, снабдивъ его для того потребною мѣрою здраваго разсудка?

Не можемъ мы о бытіи ея, то есть о причинѣ, правительницѣ натуры, *сомнѣваться, хотя тщаніе человѣка познать и изъяснить (власть сея причины) весьма рѣдко награждено было довольнымъ успѣхомъ и просвѣ-*

щє-

щенїемъ.

Здѣсь замѣтить надлежитъ обыкновенное его противорѣчїе : ибо онъ чрезъ страницу увѣряетъ, что *человѣкъ имѣетъ нужду только въ самомъ себѣ, дабы признать бытїе сея причины дѣйствительныя и разумныя, и дабы чрезъ нея достигнуть до причины первыя и единственныя....* Какимъ же образомъ тщанїе человѣка познать сїю причину рѣдко награждается, когда довольно только и того, чтобъ признать бытїе ея, дабы достигнуть не только познанїя ея, но и познанїя первой причины, все сотворшей?

А не много ниже на той же страницѣ говоритъ, что причина поставлена управлять веществомъ *не взирая на то, что существа населяющїя сїю вселенную постигаютъ ее или нѣтъ, она каждому изъ нихъ подаетъ помощь.*

мощь. Когда она каждому подаетъ помощь; то отъ чего же тщанїе человѣка познать ее весьма рѣдко награждено было довольнымъ успѣхомъ? Стало помощь сїя остается безъ помощи! И какъ возможно согласить то, что довольно признать бытїе сей причины, дабы достигнуть познанїя ея съ тѣмъ, что не только одного признанїя сего довольно, но и самое тщанїе къ тому рѣдко награждаемо бываетъ? Видно что и его тщанїе не полнымъ успѣхомъ награждено; понеже онъ не можетъ себя предохранить отъ столь частыхъ противорѣчїй, не смотря на то, что онъ удостоенъ быть любимцемъ ея.

Поелику дѣйствїе причины дѣйствительныя и разумныя есть всеобщее, то должно было человѣку и по чувствованїю и по размышленїю познать необходимость ея.... Когда бы дѣйствїе дѣйствительныя при-

причины было дѣйствительно; тогда бы сомнительное предложенїе: *должно было*, не имѣло бы своего мѣста; но въ самомъ дѣлѣ то не отчѣнно было, чему, по мнѣнїю, его быть надлежало бы: когда же оно не есть, а остается притомъ, чтобъ *должно было*, и сїя мнимая причина дѣйствительная, не употребляетъ дѣйствїя своего спасти человѣковъ отъ пагубныхъ заблужденїй, и не печется о предъохраненїи отъ оныхъ, или о просвѣщенїи ихъ; а ожидаетъ, что бы люди сами нашли средство познать ее: то названїе страдательной, ей больше приличествуетъ, нежели дѣйствительной.

Когда человѣкъ уже призналъ причину вышшую въ натурѣ, когда призналъ такъ же, что она выше и мыслей его... Когда онъ заставляетъ признать, кромѣ Бога другую причину всемъ правящую; какое же сомнѣнїе, чтобъ

чтобъ такая причина и не была выше мыслей человѣческихъ! *Не могъ отрицать, что находятся и законы, которыми она дѣйствуетъ надъ всемъ покореннымъ ей...* Признаніе его причины не есть познаніе законовъ ея, которыми она дѣйствуетъ. *И что ежели существа долженствующія всего ожидать отъ нея, не исполняютъ сихъ законовъ, не могутъ надѣяться отъ нея никакого просвѣщенія, жизни или подкрѣпленія.* Естьли существа остаются въ невѣденіи сихъ законовъ; то, кажется, причинѣ дѣйствительной пристойнѣе было бы дѣйствіемъ своимъ ихъ вразумить, нежели лишить ихъ *просвѣщенія, жизни и подкрѣпленія.*

Но естьли причина дѣйствующая не открываетъ сихъ законовъ, по крайности онъ самъ къ познанію ихъ преподаетъ весьма вѣрныя средства, на примѣръ: *естьли человѣкъ*

сѣмъ преступилъ законы ея въ разсужденіи временъ и въ разсужденіи производства земледѣлія; то земля давала ему плоды несовершенные и нездоровые... Надобно ли ему то сказать, что всѣмъ извѣстно, что не смотря на соблюденіе временъ и производство земледѣлія бываетъ часто, что земля даетъ плоды несовершенные, однако же не нездоровые; потому, что всѣ плоды, служащіе въ обыкновенную пищу людямъ, будучи по существу своему здоровы, не могутъ отъ несоблюденія времени и отъ неисправнаго земледѣлія столько переродиться, чтобъ быть нездоровыми. Естьли же когда въ нихъ такое свойство бываетъ; то оно случается не отъ перерожденія, но отъ поврежденія существа ихъ. Не безъ извѣстно такъ же и то, что при всемъ рачительнѣйшемъ земледѣліи и исправнѣйшемъ наблюденіи времени земля не только даетъ плоды не совершенные, но

и совсемъ оныя отрицаетъ, что свидѣтельствуетъ прошедшій 1787 годъ, въ которомъ, хотя никакого упущенія не было изъ тѣхъ средствъ, коими научаетъ нашъ пророкъ, познавать законы причины дѣйствительныя; однако же хлѣбъ не родился и недостатокъ онаго былъ многимъ поселянамъ отяготителенъ.

Сїе самое, прибавляетъ онъ, *научило человѣка ощутительнымъ образомъ, что сїя тѣлесная натура управляется законами, и что законы сїи принадлежатъ существенно причинѣ дѣйствительной и разумной, коея необходимость чувствуютъ люди.* Люди чувствуютъ необходимость Творца Всевышняго, все создавшаго и всемъ правящаго; а не другаго какого мысленнаго Божества.

Подобнымъ *образомъ размыш-*

ляя потомъ и о своемъ существѣ мыслящемъ, почувствовалъ, что, поелику ничего не можетъ быть безъ причины первыя; то нужно стараться умилостивить ее себѣ; понялъ онъ, что понеже сїя причина охраняетъ его и печется о его благосостоянїи ... Новое противорѣчїе! Когда Богъ, или по изрѣченїю нашего проповѣдника, первая причина поставила другую причину управлять вселенною и человѣкомъ; слѣдственно она препоручила ей охраненїе и попеченїе о немъ; иное разсужденїе предполагало бы въ первой причинѣ непостоянство; ибо, когда она поручила управленїе тѣлесною натурою другой причинѣ; то уже она безъ легкомысленности и нетвердости не можетъ почитать ее къ сему за неспособную и сама предохранять и пещись о человѣкѣ. *То надлежитъ быть поставленнымъ отъ нея средствамъ къ сохраненїю его отъ*

зла;

зла; что слѣдственно дѣянія, служащія въ пользу человѣку, должны угодны быть сей причинѣ... О наставленіи добродѣтели многіе писатели несравненно лучше его и достойнѣе сему божественному источнику изъяснялись; они не мысленными и не на химерахъ основанными, но ощутительными доводами, взятыми изъ естества человѣческаго доказали, сколько нужна добродѣтель человѣку, какъ для приношенія жертвы Всевышнему, такъ и для благосостоянія его въ общежитіи съ подобными себѣ. Но можетъ ли проповѣдывать о добродѣтели безъ оскорбленія ея тотъ, которой дерзнулъ произнесть хуленіе на сей священный лучь ниспосланный для утѣшенія нещастному человѣчеству? Ибо онъ говоритъ на страницѣ 225 и 226: *погрѣшаютъ нынѣшнія ученія, которыя приводятъ всѣ законы человѣка къ нравственной наукѣ и всю свою религію къ дѣяніямъ человѣколюбія,*

или къ утѣшенію нещастныхъ въ вещественномъ порядкѣ, сирѣчь, къ сей добродѣтели толь естественной и столь незнатной, на которой современники нащи хотятъ соорудить системы свои, и которая, заключая человѣка въ кругѣ дѣлъ, совсемъ страдательныхъ, бываетъ токмо покровомъ невѣжеству и теряетъ тогда всю свою цѣну въ глазахъ мудреца.

Кто бы подумалъ, чтобъ нашелся писатель, которой опорочиваетъ добродѣтель, утѣшающую нещастныхъ и облегчающую бѣдствія ихъ, и которой говоритъ, что та самая добродѣтель, которой существенныя свойства суть, изливать подкрѣпленіе на претерпѣвающихъ жестокость судьбы, противъ ихъ ополчающейся, *бываетъ токмо покровомъ невѣжества*? Такъ изъясняющійся о добродѣтели не подаетъ хорошаго мнѣ-

нія

нія о человѣколюбіи своемъ. Современники наши, которые Системы свои на добродѣтели сооружаютъ, больше полезны человѣчеству, нежели тотъ, который охуждаетъ ее, и желаетъ поставить на жертвенникъ полезной и почтеннѣйшей добродѣтели мечту, ничего не значущую, и химеры имѣющія дѣйствія не въ натурѣ, но въ воображеніи умствователя, заблуждшаго мыслями своими въ превыспреннихъ предѣлахъ. Хотя добродѣтель у сего жестокосердаго мудреца цѣну въ глазахъ и теряетъ; однако же отъ того не теряетъ она цѣны своей въ глазахъ людей, имѣющихъ сердце, могущее всю великость оной чувствовать. Потому никакъ не сожалѣтельно, что противодѣйствователь добродѣтели, мы просимъ у него прощенія, что мы заняли выраженіе началамъ его принадлежащее, и приложили къ нему самому; никакъ не сожалѣтельнно, говоримъ мы, что противодѣйствователь добродѣтели нахо-

дитъ ея въ глазахъ своихъ цѣну потерявшею; ибо, кто такъ о ней разсуждаетъ, тотъ не можетъ быть послѣдователемъ законовъ ея.

Онъ утверждаетъ, *что причина разумная и дѣйствительная отлична отъ причины первой; она есть первый дѣйствователь ея; не даетъ она сѣмянъ существамъ телеснымъ; но одушевляетъ ихъ; не даетъ она человѣку способностей разумныхъ и чувственныхъ; но правитъ и просвѣщаетъ ихъ...* Стало, она довершаетъ творенїе первой причины, которая не могла ни разумныхъ способностей просвѣтить, ни чувственными править. *Однимъ словомъ: ей какъ первой и превышшей всѣхъ причинъ временныхъ, поручено предводительство надъ ними, и никоторая изъ сихъ причинъ не можетъ пробыть безъ ея помощи и не покоряться ей.* Ни одинъ человѣкъ,

вѣкъ, имѣющій достодолжное почтеніе ко Всевышнему Создателю міровъ, такого противнаго совершенству его мнѣнія имѣть не будешъ. Какимъ отступленіемъ отъ разсудка, воспріять мысль юродственную, что онъ самъ или не могъ, или нехотѣлъ управлять своимъ твореніемъ? Препорученіе предводительства происходитъ, или отъ недостатка силъ въ одной особѣ къ правленію самою собою множествомъ областей, или отъ честолюбивыхъ учрежденій, дабы нижнія раздѣленія одной власти, воздавали ей почтеніе и означали величество ея: но мыслить, что Божество безсильно и честолюбиво, есть мнѣніе безобразное, которое могло только приличествовать въ древности ученію лживаго многобожія. И что такое, ни которая причина не *можетъ не покоряться ей*? Всѣ причины вторыя долженствуютъ покоряться первой причинѣ, а не иной какой, то есть, Богу всеприсносущному и

 все

всемъ управляющему.

Не подаетъ она ему идеи о существѣ первомъ, коего она есть первая причина дѣйствующая; но покажетъ свойства сего перваго существа, являя оныя чрезъ произведенія чувствительныя; ниже подастъ ему идею о служеніи сему первому существу, но просвѣтитъ понятія его объ ономъ; и представляя ему чувствительнымъ образомъ способности сего перваго существа, дастъ ему равномѣрно почувствовать и полныя средства воздавать ему честь. Сіе разсужденіе изъявляетъ недугованіе разума мечтательнаго проповѣдника: не подастъ идеи о первомъ существѣ ни о свойствахъ его, и потомъ представитъ способности его! Какое разногласное противорѣчіе! Какъ можно не подать о какой либо вещи идеи, и представить чувствительнымъ образомъ способно-

бности ея? Когда нѣтъ идеи о вещи, тогда не можно представить ни свойства, ни способности той вещи. Не показать свойства, но представить чувствительнымъ образомъ способности, есть предложенїе въ одно время утверждающее и отвергающее: ибо когда не можно показать свойства, тогда не можно показать и способностей. И на что поставлять для просвѣщенїя причину, которая не просвѣщаетъ? Естьли бы сїе просвѣщенїе входило въ планъ творенїя Всевышняго; то бы онъ не опредѣлилъ причину для просвѣщенїя, не подающую свѣта; но далъ бы тѣмъ существамъ, коимъ ему угодно было, мѣру потребную просвѣщенїя. Вся Логика мнимаго Апостола дѣйствующей причины, пребывающей въ недѣйствїи равной силы сему разсужденїю и всѣ его заключенїя оной соотвѣтствуютъ.

Онъ говоритъ, *что ему ни-*

что

что не препятствуетъ увѣрить собратій его, не только о необходимости бытія сей причины; но еще и въ томъ, *что въ ихъ власти состоитъ, увѣриться о ней самимъ чрезъ себя, и тогда не останется у нихъ ни малѣйшаго сомнѣнія.* Не есть ни въ чьей власти увѣриться о томъ, что никому неизвѣстно, и о чемъ мрачныя метафизическія разсужденія его, не только не представляютъ удовлетворительнаго доказательства, но и не можно изъ оныхъ себѣ никакого понятія составить. И что всего невразумительнѣе, что сія причина никогда не выпускаетъ изъ вида человѣка и надзираетъ за нимъ; однако сіе надзираніе не избавляетъ его отъ заблужденій и не подаетъ ему познанія о дѣйствіи сей причины, дѣйствительной надъ нимъ ничего не дѣйствующей.

Проповѣдникъ оной столь коротко познакомился съ безтѣлесными

существами, что онъ знаетъ, которыя изъ нихъ мыслятъ, и которыя не мыслятъ. Потомъ прибавляетъ, что онъ не нарушитъ скромности, ежели скажетъ, что сїи безтѣлесныя существа *различаетъ число*, то есть число, таинство въ себѣ заключающее. Мы уже видѣли, что когда онъ въ покровъ свой столь исправно углубится, что уже не знаетъ, куда направить по мечтательнымъ предѣламъ странствїе свое; тогда онъ прибѣгаетъ къ скромности своей, которую онъ, кромѣ сихъ случаевъ, почитаетъ за излишнюю.

Хотя уже сказалъ я, говоритъ онъ, *что человѣкъ, не отъ подобнаго своего долженъ ожидать доводовъ и свидѣтельствъ вѣрныхъ о сихъ истиннахъ....* то есть, отъ причины поручицы Божїей, которая, кромѣ его, еще никому никакихъ доводовъ не дѣлала; однакожъ онъ не смотря на то, что заста-

заставляетъ отъ нее требовать оныя, самъ употребилъ нѣсколько страницъ на сіи доводы, которые ни къ чему не доводятъ; и для того признательно и говоритъ: *по малой мѣрѣ можетъ онъ получить отъ него начертаніе ихъ,* (истиннъ) *которыя я и намѣренъ ему предложить.* Когда предлагается начертаніе истиннъ, тогда сіи истинны должны быть внятны, ясны и ощутительны; ибо когда онѣ сихъ свойствъ не имѣютъ, а доводы темны и невразумительны, то тщетно есть предлагать мнимыя истинны, не могущія быть признаны таковыми; когда же онѣ извѣстны, то въ доводахъ и вѣрныхъ свидѣтельствахъ никакой нужды нѣтъ; потому и начертаніе, которое онъ намъ предложитъ, будетъ вѣрнымъ свидѣтельствомъ химеръ, родившихся въ головѣ его, и тщеславія, показать себя Пророкомъ той причины, которая вѣситъ способности разумныя и чувствен-

ственныя.

Однако я не скрою отъ него, какое себѣ насилїе дѣлаю предпринимая сїе... Ежели предлагаемое ученїе полезно; то для проповѣдыванїя онаго дѣлать себѣ насилїе предосудительно, и не есть знакъ человѣколюбивой добродѣтели: ежели же оно невразумительно, непонятно, мечтательно, являетъ гордость и самолюбїе учителя; то не можно сказать, что тутъ есть насилїе: ибо насилїе противно желанїю; а человѣкъ, который старается внушить, что онъ не только о дѣйствїи и существѣ тѣлесной натуры въ самой точности имѣетъ познанїе, но и безтѣлесныя существа ему совершенно извѣстны, не дѣлаетъ себѣ насилїя, но удовлетворяетъ своему честолюбивому желанїю, оказать себя больше всѣхъ премудрымъ. *Не могу взглянуть на науку безъ стыда видя все, что человѣкъ утратилъ...* Не на

науку

науку надлежитъ ему взирать со стыдомъ, но на мечтанія, предлагаемыя имъ! *И я желалъ бы, чтобъ никто не узналъ отъ меня того, что я знаю...* Тщетное самохвальство! и гордое его желаніе больше чаянія его совершилось. Взявши сію небольшую предосторожность для соблюденія скромности своей, онъ сказываетъ, что будетъ изъясняться Символами. *Ибо не нахожу въ себѣ ничего достойнаго; для сей то причины не могу изъяснить сихъ вещей иначе, какъ Символами.* Когда въ немъ столько нашлось достойнаго, что бы получить откровеніе отъ причины дѣйствующей и разумной; то для того, чтобъ говорить понятно и вразумительно, кажется, въ немъ достоинства надлежало бы находиться достаточно. Однако мнимая его униженность, противодѣйствующая прежнему его желанію, чтобъ никто отъ него не узналъ того, что онъ знаетъ, не

попре-

непрепятствовала ему написать пустословную книгу, дабы увѣрить, что всѣ люди въ заблужденіи, и кромѣ его никто ничего не знаетъ; а что бы и отъ него никто ничего не узналъ, онъ символами своими такъ изъясняется.

Религія человѣка, въ первобытномъ его состояніи, подчинена была наружному богослуженію, какъ и нынѣ, хотя образъ онаго былъ особливый. Главный законъ сего человѣка былъ обращать непрестанно взоръ свой отъ востока до запада, и отъ сѣвера до полудня, то есть, опредѣлять широты и долготы во всѣхъ частяхъ вселенныя.

Мы оставимъ его дѣлать измѣреніе бредней своихъ; но только для любопытства читателей представимъ описаніе символической его книги.

Первый листъ прплагалъ, о повсемственномъ началѣ, или о центрѣ, изъ котораго непрестанно изтекаютъ всѣ центры.

Вторый, о случайной причинѣ вселенныя; о двойственномъ законѣ тѣлесномъ, который поддерживаетъ ее; о двойственномъ законѣ разумномъ, дѣйствующемъ во времени; о двойственномъ естествѣ человѣка, и вообще о всемъ, что составлено и создано изъ двухъ дѣйствiй.

Третiй, объ основанiи тѣлъ; о всѣхъ содѣйствiяхъ и произведенiяхъ всѣхъ родовъ. Здѣсь находится число невещественныхъ существъ, которыя не мыслятъ.

Четвертый, о всемъ дѣйствующемъ; о началѣ всѣхъ языковъ какъ временныхъ, такъ и тѣхъ, которые внѣ времени; о

религiи

религіи и богослуженіи человѣка. Здѣсь находится число существъ невещественныхъ, которыя мыслятъ.

Пятый, о идолопоклонствѣ и гніеніи.

Шестый, о законахъ созданія міра временнаго, и о естественномъ раздѣленіи круга полулоперешникомъ, или радіусомъ.

Седьмый, о причинѣ вѣтровъ, приливѣ и отливѣ моря; о лѣствицѣ географической человѣка; о истинной его наукѣ и источникѣ произведеній его разумныхъ, или чувственныхъ.

Осьмый, о числѣ временномъ того, который есть единственное подкрѣпленіе, единственная сила и единственная надежда человѣка, то есть, объ ономъ

 суще-

существѣ истинномъ и физическомъ, которое имѣетъ два имени и четыре числа; поелику оно есть дѣйствительное купно и разумное, и поелику дѣйствiе его простирается на четыре мiра. Въ семъ же листѣ о правосудiи и о всѣхъ властяхъ законодательныхъ, гдѣ такъ же содержатся и права Государей, и власть Полководцевъ и Судей.

Девятый, о зачатiи человѣка тѣлеснаго во чревѣ жены, и о раздѣленiи треугольника всеобщаго и частнаго.

Десятый наконецъ былъ путь и дополненiе къ девяти предъидущимъ. Сей безъ сомнѣнiя былъ существеннѣйшiй, безъ котораго всѣ прочiе были бы невѣдомы; ибо когда расположить всѣ десять въ кругѣ по числительному ихъ порядку, то увидишь, что сей болѣе

всѣхъ имѣетъ смѣжности съ первымъ, отъ котораго все истекаетъ; и ежели желаетъ кто судить о важности его, то надобно знать, что чрезъ него Создатель вещей есть непобѣдимъ; понеже онъ есть ограда, защищающая его со всѣхъ сторонъ, которую никакое существо прейти не можетъ.

Нельзя сомнѣваться, чтобъ онъ свое знанїе не изъ сей мнимой книги почерпнулъ. Онъ увѣряетъ, что люди не могутъ *ни какой науки постигнуть, ниже исполнить своихъ должностей, не прибѣгнувъ къ сему источнику.* Итакъ, по его мнѣнїю, во всѣхъ чинахъ, учрежденныхъ въ обществахъ, никто не исполняетъ своей должности; ни духовенство, отправляющее при олтарѣ служенїе Божїе и пекущееся о душевномъ спасенїи народовъ; ни Министры, трудящїеся съ успѣхомъ въ дѣлахъ Государьственныхъ; ни

Полкововодцы и Воины, жертвующїе жизнїю своею отечеству; ни прочїе классы безпрестанную и полезную дѣятельность имѣющїе не исполняютъ должностей своихъ. Таковое безразсудное нареканїе на всѣхъ членовъ общества, не можетъ ни отъ кого другаго произнесено быть, какъ только отъ нашего скромнаго проповѣдника. *Не можетъ человѣкъ ни на единую лядь приближиться къ сему источнику безъ причины дѣйствующей и разумной....* Чрезъ сїе онъ хочетъ сказать, что она по преимущественной предъ другими къ нему склонности своей, къ оному его сопровождала.

Кому не извѣстны, говоритъ онъ, *такъ же худые успѣхи тѣхъ, которые полагаютъ четыре стихїи за основанїе вещества, не смѣютъ отнять мысли у скотовъ, стараются сыскать сходство между счисленї-*

ленїемъ солнечнымъ и счисленїемъ луннымъ; которые ищутъ на землѣ долготы и квадратуры круга.... Кому не извѣстны не худые, но хорошїе успѣхи въ Физикѣ, въ Химїи, и вообще въ познанїи всей тѣлесной натуры? Различные инструменты способствовали къ важнѣйшимъ и полезнѣйшимъ открытїямъ въ испытанїяхъ и примѣчанїяхъ естественныхъ; а наипаче знанїя Астрономическїя вознесены до такого степени совершенства, до какого уму человѣческому только достигнуть возможно. Теорїя солнца и мѣсяца въ послѣдней исправности извѣстна. Видно, что нашъ Метафизикъ Астрономїю училъ въ книгѣ его, составленной имъ изъ десяти листовъ; а не въ писанїяхъ славныхъ и лучшихъ Астрономовъ, и не въ обсерваторїяхъ.

Не смѣютъ отнять мысли у скотовъ... Не недостатокъ смѣлости запрещаетъ отнять у скотовъ мы-

мысли, но благоразумїе и испытанїе, вѣрнѣйшїй наставникъ въ естественныхъ примѣчанїяхъ. На примѣръ: ежели бы собака или лошадь не имѣли мыслей и памяти, ибо память безъ мысли быть не можетъ; то бы онѣ никогда повелѣваемаго имъ отъ человѣка исполнять не могли; но имѣя память и мысли онѣ не только думаютъ, но еще и нѣкоторое разсужденїе дѣлаютъ, на примѣръ: когда повелѣвается лошади или собакѣ, что либо исполнить, тогда память имъ представляетъ о повелѣваемомъ мысль, претерпѣнїе болѣзненнаго чувствованїя за непослушанїе, и избавленїе отъ онаго за исполненїе, потому онѣ и дѣлаютъ такое разсужденїе: когда повелѣваемое было мною не исполняемо, тогда я ощущала чувствїе, боль мнѣ причиняющее; но когда же исполняла, то отъ онаго была свободна; слѣдственно, дабы избавиться болѣзненнаго чувства, мнѣ надлежитъ

житъ повиноваться и исполнять повелѣваемое.

Во всякомъ ученіи не смѣлость потребна, но терпѣніе, прилѣжаніе и испытаніе. Естьли бы всѣ ученые имѣли смѣлость, или лучше сказать, наглость нашего проповѣдника; то бы конечно надлежало, вмѣсто испытательныхъ доказательствъ, утверждать ученіе свое на основаніяхъ мысленныхъ, невещественныхъ, или мечтахъ, чтобъ обратило науки паки въ ничтожество, и ученой свѣтъ погрузилсбъ въ невѣжество, изъ коего великой ученности трудолюбивые мужи извлекли оной; и проницаніемъ творческаго разума пріобрѣли безсмертіе именамъ своимъ.

Которые ищутъ на земли долготы... Гдѣ же онъ прикажетъ искать ее? Не тамъ ли, гдѣ человѣкъ обращалъ взоръ свой отъ востока до запада и опредѣ-

 ляль

ляль долготы для общаго порядка? Не понятно, какою странностїю такїя вздорныя бредни нашли нѣкоторыхъ съ довольнымъ терпѣнїемъ прочесть оныя! Что же принадлежитъ до полезнаго исканїя, не земной долготы, которой бытїе безъ исканїя всѣмъ извѣстно, но средства познавать градусъ оной въ разныхъ разстоянїяхъ на поверхности земли, покрытой водою; то старанїе объономъ похвально и обрѣтенїе средства сего не выходитъ изъ физической возможности. Когда на сухомъ пути долгота столько же извѣстна, сколько и ширина, чему свидѣтельствуютъ геовграфическїе городовъ таблицы, то кажется, съ благоразумїемъ согласно не можно сказать, что нѣтъ на землѣ долготы; ибо кто не знаетъ, что широта безъ долготы не существуетъ!

Наконецъ мы достигли до надмѣнныхъ предложенїй нашего пророка, коими онъ безпредѣльное, но, ска-

скажемъ лучше, безумное свое честолюбїе обнаружилъ; ибо онъ говоритъ, что *народамъ надлежало бы возводить взоры свои къ первому токмо существу, къ причинѣ дѣйствующей разумной, и къ тѣмъ, которые трудами своими и своими качествами снискали право представлять на землѣ лице ея.* То есть, и къ нему; понеже онъ всячески старается увѣрить о тѣсномъ своемъ сообщенїи съ сею причиною, поручицею Божїею, и которая сопровождала его къ источнику книги десятилистовой, дабы онъ качествами своими представлялъ на землѣ лице ея. Послѣ такого невѣроятнаго дерзновенїя, помѣстить себя въ третьихъ для привлеканїя взоровъ, которые къ нему народы возводить долженствуютъ, надобно необходимо подозрѣвать, что мнимой проповѣдникъ, представяющїй лице мнимой причины, поставницы для правленїя натуры, не ушедшїй ли

изъ

изъ дома безумныхъ? Примѣры таковыхъ заблужденій разсудка, поврежденнаго мыслями, безпрестанно къ мечтаніямъ устремляющимися, не рѣдко случаются, хотя впрочемъ всѣ разсужденія, не относящіяся къ предмѣту, столь жалостную въ умѣ разстройку причиняющему, и не означаютъ безумія. Нѣкогда былъ въ Аѳинахъ сумасшедшій, который думалъ, что всѣ корабли, входящіе въ гавань Пирею, принадлежали ему, и занимался исчисленіемъ мнимаго своего богатства, изъ котораго онъ ни на рубль цѣною пользоваться не могъ; и исправнѣйшимъ образомъ выкладывалъ, сколько каждый корабль содержалъ въ себѣ грузу, на какую цѣну, и во сколько дней приходилъ изъ Смирны въ Пирею.

Одному изъ насъ, трудящихся въ семъ изслѣдованіи, случилось въ Петербургѣ, въ 1783 году, видать нѣсколько разъ одного Италіянца, ходож-

художника живописи, посаженнаго въ домъ безумныхъ, который мнилъ, что онъ родной братъ святаго Апостола Петра, и что онъ имѣетъ у себя ввѣренной ему отъ него ключь, отверзающій врата Райскія; впрочемъ во всемъ не касающемся до предмѣта, разумъ его уязвляющаго, онъ разговаривалъ и разсуждалъ не безумно. Потомъ чрезъ два года нечаяннымъ случаемъ нашъ сотоварищь повстрѣчался съ нимъ въ Москвѣ въ одной Французской лавкѣ; хотя Италіянецъ, его тотъ часъ и не узналъ, но по вопросамъ его не сомнѣваясь, чтобъ онъ не видалъ его въ разстроенномъ состояніи разума, признался ему, что строгая діета излѣчила его воображеніе, и онъ не мнитъ больше быть братомъ Апостола Петра и хранителемъ Райскаго ключа. Почему не безъ основанія заключить можно, что и проповѣднику дѣйствующей причины, представляющему лице ея, и требующе-

бующему отъ народовъ возвожденія на себя взоровъ ихъ, такая же діета для излѣченія безпредѣльнаго тщеславія, неумѣреннаго самолюбія и надмѣнной гордости была бы полезна.

Присовокупимъ страшныя злоупотребленія познаній, говоритъ онъ, *заключающихся въ четвертомъ листѣ книги, коея блюстителями родимся; присовокупимъ произшедшій отъ того безпорядокъ къ тому, что мы замѣтили о невѣжествѣ, страхѣ и немощи людей и отложимъ символы: то и будемъ имѣть изъясненіе и происхожденіе сего множества религій и богослуженій, употребляемыхъ между народами.*

Сей же четвертой листъ книги, котораго не мы всѣ, но онъ одинъ блюстителемъ родился, содержитъ въ себѣ, такъ какъ мы видѣли,

о всемъ дѣйствующемъ; о началахъ всѣхъ языковъ какъ временныхъ, такъ и тѣхъ, которые внѣ времени; о религіи и богослуженіи человѣка; о числѣ существъ невещественныхъ, которыя мыслятъ. И такъ естьли мы по приказанію его отложимъ символы, то и будемъ имѣть изъясненіе о происхожденіи множества религій и богослуженій, употребляемыхъ между народами. Но кто не видитъ, что съ отложеніемъ или съ приложеніемъ сихъ премудрыхъ символовъ, сіе изъясненіе ничего не изъясняетъ? Таковыя вздорныя изъясненія, кажется, не должны ни малѣйшаго сомнѣнія оставить, что и всѣ мнимыя его таинственныя истинны не могутъ инымъ образомъ быть изъяснены, какъ сіе происхожденіе о множествѣ религій и богослуженій.

Разсужденія его въ Политикѣ, не меньше являютъ особливости

и таковыхъ же странныхъ началъ, на каковыхъ онъ соорудилъ метафизическое свое ученїе о естественныхъ познанїяхъ; ибо онъ увѣряетъ, что не могло никакъ быть, что бы насильство и хитрость руководствовали къ учрежденїю первоначальной власти, или всеобщее согласїе служило бы къ составленїю политическихъ тѣлъ. Насильство потому, что прежде онаго предполагаются пастухи и землѣдѣлїе; а общаго согласїя всѣхъ, отдать власть въ руки единаго, или нѣсколькихъ людей, не бывало и быть никогда не можетъ, для того, что *требуется соглашенїе безчисленныхъ мнѣнїй, которое еще никогда между людьми не встрѣчалось.*

Онъ представляетъ себѣ первоначальныя общества столько же многочисленными и обширными, какъ и нынѣшнїя; но люди толпами, какъ всѣмъ извѣстно, кромѣ нашего проповѣд-

повѣдника, безъ законовъ никогда существовать не могли; и потому неоспоримо, что первоначальныя общества ничто иное были, какъ разныя семейства, и старшïе изъ нихъ давали имъ законы. Сïи законы имѣли свою важность, потому что всякое семейство размножаясь, составляло такъ какъ бы народъ особливой; когда же оныя становились многочисленнѣе и занимали больше пространства, тогда первые законы были недостаточны, и надобно было употребить власть сильнѣйшую, нежели отцовскую и родственную. И для того, по мѣрѣ размноженïя семействъ и соединенïя ихъ въ общежитïе, надлежало вручить власть поставленному правленïю, состоящему въ одной или нѣсколькихъ особахъ; а отъ сего и сотворились Государства и общества, повинующïяся поставленнымъ въ оныхъ законамъ. Почему легко было возможно, что въ начальныхъ обществахъ нашлись люди, кото-

рые по обстоятельствамъ и по свойственному своему сложенію, или изъ видовъ полезныхъ рождающемуся обществу, или для собственныхъ выгодъ покоряли оныя подъ свое начальство. Слѣдственно нельзя отринуть, чтобъ хитрость, проворство, а потому и насильство не руководствовали въ первыхъ обществахъ къ притяженію въ однѣ руки начальственной власти.

Отъ того, что не возможно во многочисленномъ собраніи быть всѣмъ согласнымъ во мнѣніяхъ, онъ приступаетъ къ главнѣйшему предмету ученія своего, о коемъ заблуждшее его честолюбіе принуждаетъ его говорить, уже не символами и не загадками; ибо онъ безъ покрова вопрошаетъ: *имѣетъ ли человѣкъ право вступить въ какое обязательство, то есть, чтобъ обязаться повиновеніемъ правительству, и согласно ли съ разсудкомъ полагаться на тѣ обяза-*

обязательства, *которыя онъ самъ составилъ?* Но согласно ли съ разсудкомъ дѣлать такой вопросъ? Ктожъ будетъ за него дѣлать обязательства, и на чьи же обязательства ему должно полагаться, естьли не на свои? Онъ хочетъ вразумить, что когда человѣкъ не имѣетъ права вступать въ обязательства; то не имѣетъ и долга хранить оныя. Такое противуположное общественному устройству разсужденіе, противно всѣмъ установленіемъ человѣческимъ и праву естественному, которое научаетъ обязательства свои хранить свято и ненарушимо.

Что такое право, прибавляетъ онъ, *никогда не могло быть ему дано, и что сіе его дѣяніе было бы ничтожно и излишно. Вопервыхъ припомнимъ о той указательницѣ пути неизмѣняемой, которую мы признали предводителемъ*

его, не упустимъ никогда изъ памяти нашей, что всѣ шаги его, которые безъ ея руководства онъ дѣлаетъ, бываютъ сомнительны; понеже безъ нее, человѣкъ не имѣетъ свѣта, и она по самой сущности своей поставлена руководствовать ему и начальствовать при всѣхъ его дѣйствїяхъ. По сему развращенному ученїю, всякой, не пожелающїй исполнять предписываемаго ему законами гражданскими, можетъ извиниться, что *безъ причины указательницы неизмѣняемой ему пути*, всѣ дѣянїя его ничтожны и сомнительны; и всякой можетъ нарушить священнѣйшїя обязательства подъ предлогомъ тѣмъ, что онъ не имѣетъ права вступать въ обязательства безъ причины, поставленной начальствовать при всѣхъ его дѣйствїяхъ, и что она въ учиненномъ имъ обязательствѣ ему не руководствовала;

а потому онъ не имѣетъ долга хранить оныя.

И такъ ежели бы человѣкъ безъ соизволенія сей причины, бдящей надъ нимъ вступилъ въ важное обязательство, каково есть подчиненіе себя другому человѣку: то онъ долженъ въ сомнѣніи находиться, сообразенъ ли поступокъ его собственному его закону, и слѣдственно служитъ ли къ его благополучію; и сего бы довольно было удержать его, ежели бы, хотя мало, внушилъ онъ гласъ благоразумія. Сіе разсужденіе еще болѣе рѣшительно, что человѣкъ не имѣетъ права подчинять себя другому человѣку, и что естьли бы онъ, *хотя мало, внушилъ гласъ благоразумія*; то бы ему не надлежало повиноваться другимъ законамъ, но токмо собственному своему. Такое нравоученіе не опроверженія, но должнаго

возмездія учителю за оное требуетъ.

Потомъ размысливъ прилѣжнѣе, о своемъ поступкѣ, не признался ли бы, что не только онъ подвергается быть обманутъ, но еще и всѣ главные уставы правосудія прямо нарушаетъ, уступая другимъ человѣкамъ тѣ права, которыми законно не можетъ разполагать, и о которыхъ знаетъ, что онѣ существенно содержатся въ рукѣ, долженствующей все за него дѣлать.

Естьли бы къ нещастію рода человѣческаго нашлось большее число людей, которые вѣрили бы вымышленной, проповѣдникомъ желающимъ привлекать взоры народовъ на себя, причинѣ долженствующей все дѣлать за людей, но ничего не дѣлающей; то порядокъ общественной превратился бы въ пагубной безпо-

безпорядокъ, безначаліе заступило бы мѣсто должнаго начальной власти повиновенія, и главные уставы гражданскаго правосудія были бы совсемъ уничтожены; потому что никто не захотѣлъ бы уступить другимъ *человѣкамъ тѣ права, которыми законно разполагать не можетъ*. А таковое неустройство въ ожиданіи, что бы недѣйствующая причина дѣйствовала, причинило бы совершенное разрушеніе каждаго общества, благоденствующаго подъ благими законами человѣколюбивыхъ и премудрыхъ своихъ законодателей.

Однако для исправленія столь вреднаго порядку общественному ученія, онъ прибавляетъ, что онъ *за честь себѣ поставляетъ съ Политиками исповѣдать предъ цѣлымъ свѣтомъ превосходную силу въ Государяхъ, которая естественно вселяетъ почтеніе и повиновеніе.*

Прилично ли поставлять за честь себѣ и исповѣдывать превосходную силу Государей тому, который вопрошаетъ, имѣетъ ли человѣкъ право подчинять себя верховной власти, и который утверждаетъ, что таковое право никогда не могло быть ему дано, и что сїе его дѣянїе ничтожно; тому, который говоритъ, что человѣкъ, уступая другимъ человѣкамъ надъ собою права, не только подвергается быть обманутъ, но еще главные уставы правосудїя прямо нарушаетъ; тому, который исповѣдаетъ, что сїе обязательство есть неосновательно и безразсудно; тому, который говоритъ, что человѣку, имѣющему благоразумїе, не надлежитъ повиноваться другимъ законамъ, но токмо своему, и наконецъ тому, который утверждаетъ, такъ какъ мы тотчасъ увидимъ ниже, что человѣкъ предохранившїй способности свои отъ затемнѣнїя, становится владыкою

надъ

надЪ другими? Слѣдственно предохранившїе себя вЪ обществѣ отЪ затемнѣнїя, и потому учинившїеся сами владыками, уже не должны будутЪ оказывать повиновенїе ГосударямЪ; а на противЪ того должны почитать себя законными повелителями надЪ всѣми, не имѣющими тѣхЪ же преимуществЪ. ТаковымЪ притворнымЪ извиненїемЪ онЪ самЪ себѣ упрекаетЪ вЪ развратномЪ ученїи своемЪ; и что бы возмогЪ такой слабой АнтидотЪ противу яду, истекающаго изЪ онаго; естьли бы по щастїю сей ядЪ не былЪ обезсиленЪ нелѣпыми предложенїями, неразумительными разсужденїями, и больше смѣха, нежели вѣроятїя достойными доказательствами обЪ откровенїи ему дѣйствующей причины, о снабденїи его своею благодатїю и о избранїи его вЪ проповѣдники свои!

ОнЪ увѣряетЪ, что временное

 влады-

владычество человѣка надъ подобными себѣ долженствуетъ быть вручено тому, который больше предохранилъ себя *отъ камней претыканія, и который меньше удалится отъ первобытнаго своего состоянія... Когда же прочіе люди, не употребили тѣхъ же стараній, и не имѣютъ ни тѣхъ же успѣховъ, ни тѣхъ же даровъ; то явствуетъ, что тотъ, который имѣетъ предъ ними всѣ сіи преимущества, долженъ быть выше ихъ и управлять ими.*

Здѣсь паки представляется предмѣтъ любочестія, заставляющій его почти во всемъ своемъ сочиненіи удаляться отъ здраваго разсудка; ибо когда онъ всѣ изъясняемыя преимущества хочетъ оказать въ своей особѣ соединенными; слѣдственно онъ и назначаетъ самаго себя быть тѣмъ, который

дол-

долженъ быть выше всѣхъ и управлять ими. Слѣдующее его разсужденіе еще яснѣе изобличитъ безумное его желаніе первенствовать надъ всѣми человѣками.

Будетъ онъ выше, ихъ во первыхъ по самому дѣлу; поне́же разнствуетъ отъ нихъ существенно по способностямъ и по могуществу, коихъ сила будетъ очевидная; сверьхъ того выше ихъ долженъ онъ быть по необходимости; понеже они, упражнявшись меньше его и не получа тѣхъ же плодовъ, конечно будутъ имѣть въ немъ нужду, потому что собственныя ихъ способности недостаточны и затемнѣны.

Ежели сіе затемнѣніе въ человѣкѣ дойдетъ до развратности; то тотъ, кто предохранилъ себя отъ того и отъ другаго, становится его владыкою

кою, не только по самому дѣлу и необходимости, но и по долгу..... Онъ долженъ употреблять надъ нимъ всѣ права рабства и подданничества, права, столь же праведныя и существенныя въ семъ случаѣ, сколько непонятныя и ничтожныя во всякомъ иномъ обстоятельствѣ, то есть, въ нынѣшнихъ законоположенїяхъ. И такой охуждатель, стремящїйся дерзновенно испровергнуть общественный союзъ и представлять священнѣйшїя обязательста ничтожными, и тотъ, который столь явственнымъ образомъ приписываетъ себѣ власть, употреблять право рабства и подданничества надъ другими, осмѣливается говорить, что онъ за честь себѣ поставляетъ исповѣдывать превосходную силу Государей, которая естественно вселяетъ почтенїе и повиновенїе! Но превосходная сила Государей, будучи всѣмъ извѣстна, не требуетъ никакого исповѣдыванїя,

нїя, а наипаче такого, кое присвоиваетъ сїю силу всякому, могущему трудами своими предохранить себя отъ затемненїя, и который менѣе удалится отъ перьвобытнаго своего состоянїя.

И такъ сїе есть, истинное происхождеїе временнаго владычества надъ подобными ему, равно какъ узы его тѣлесной природы были началомъ перваго сообщества.

Не можно назвать истиннымъ происхожденїемъ то, что въ одномъ воображенїи мечтающаго существуетъ. Рождающїй не естественнымъ образомъ толь юродственныя мысли могъ бы сказать по развратности мнѣнїя своего, что сїе происхожденїе временнаго владычества человѣка долженствуетъ быть, а не есть. Ибо мы видимъ, что владычество Государей, не отъ того происходитъ, что они предохранили

ли

ли себя отъ камней претыканія и меньше удалились отъ перьвобытнаго состоянія человѣка; но отъ правъ имъ принадлежащихъ по наслѣдству, по завоеванію, или по избранію народному; и потому чего нѣтъ, или не существуетъ, нельзя сказать, что оно есть.

Понеже свѣтъ, продолжаетъ онъ, *освѣщавшій человѣка въ первобытномъ его состояніи, былъ неисчерпаемымъ источникомъ способностей и качествъ; то чѣмъ ближе человѣкъ можетъ къ оному свѣту приближиться, тѣмъ болѣе долженъ онъ распространять свое владычество надъ человѣками, удаляющимися отъ онаго, и тѣмъ болѣе долженъ онъ знать, чѣмъ можетъ удержать между ими порядокъ, и на чемъ основать твердость Государства.*

Не явственно ли онъ означаетъ

намѣ-

намѣренїе, распространить владычество свое надъ тѣми, которые пріимутъ столь гордое и ложное ученїе его; и не ощутительно ли, что онъ старается таковымъ внушенїемъ о просвѣщенїи и качествахъ своихъ увѣрить, что онъ самъ есть тотъ, который знаетъ, *чѣмъ содержатъ между людьми порядокъ, и на чемъ основать твердость Государства?* Однако не смотря на его способности, содержать порядокъ и утверждать Государства, всѣ Государства отъ сей заботы его охотно увольняютъ; и не будутъ его просить, что бы онъ учредилъ въ нихъ порядокъ и основалъ твердость ихъ. Не меньше такъ же вышеизъясненными его разсужденїями открылось, что цѣль нелѣпаго и невразумительнаго его сочиненїя клонится къ тому, чтобъ учиниться главою химерической секты и надъ тѣми, которые ему повѣрятъ, что онъ меньше всѣхъ удалился отъ первобытнаго состоянїя чело-

человѣка, прiобрѣсть владычество и право рабства: но по щастiю число тѣхъ, надъ коими онъ могъ прiобрѣсть сiе право, столь мало, что владычество его столько же будетъ ничтожно, сколько предприятiе его къ тому химерическо, и сколько все таинственное его ученiе мечтательно.

Онъ почувствовавъ, что съ лишкомъ откровенно о любоначалiи своемъ изъясняется, приписываетъ всѣ сказанныя имъ преимущества, достигнувшихъ знакомства съ причиною действующею и разумною, Царямъ, и прибѣгаетъ къ обыкновенному своему покрову, подъ которымъ онъ такъ часто любитъ скрываться и говоритъ: *не скрою я однако, что, представляя въ семъ видѣ Царей и вообще всѣхъ начальниковъ сообществъ, въ какомъ я ихъ изобразилъ, подается поводъ ко множеству возраженiй...* Изъ которыхъ на

сїе: можно ли найти примѣры оныхъ, то есть, Царей достигнувшихъ первобытнаго свѣта? Онъ такъ отвѣтствуетъ и проситъ *подобныхъ себѣ быть увѣренными, что истинные Государи не суть существа воображательныя, что были они во всѣхъ временахъ, есть и нынѣ, и всегда будутъ.....* То есть, тѣ Государи, которые приближась къ первобытному состоянїю человѣка, имѣютъ сообщенїе съ причиною дѣйствующею и разумною; но когда и въ которыхъ странахъ они находились или находятся, онъ оставляетъ сїе подъ своимъ покровомъ. *Понеже,* прибавляетъ онъ, *сїе входитъ во всеобщїй порядокъ, и понеже наконецъ сїе принадлежитъ къ великому дѣлу, которое есть нѣчто другое, нежели философической камень.* Безъ сомнѣнїя нѣчто другое; потому что камень философическїй есть обольщенїе разсудка, не выходящее изъ

 круга

круга вещей естественныхъ; *а его великое дѣло* простирается по мысленнымъ безконечнымъ предѣламъ; потому и долженствуетъ имѣть преимущество надъ всѣми бреднями, которыя когда нибудь входили въ умъ Астрологовъ и Алхимиковъ.

Другое возраженїе, которое онъ предвидѣлъ, и которое каждому благоразумному читателю не можетъ не встрѣтиться, состоитъ въ томъ, что когда всякой человѣкъ, по ученїю его, достигнулъ бы до потеряннаго свѣта, *ктожъ будутъ тогда Начальниками? Не всѣ ли люди тогда равны будутъ, и не всѣ ли они будутъ Царями?* Онъ отвѣтствуетъ на сїе, что разность въ разумныхъ способностяхъ, не дозволитъ всѣмъ равно приближиться къ сему свѣту.

Какого бы рода сїе неравенство ни было; но число могущихъ предохранять себя отъ камней преткновенїя

тыканія и приближиться къ перьвобытному состоянію человѣка, было бы не соразмѣрно малому числу Царей, владычествующихъ въ свѣтѣ и далеко превосходило бы оное: тогда надъ кѣмъ пріобрѣтшіе знакомство съ дѣйствующею причиною и остальные, сверьхъ потребнаго числа Царей, стали бы владычествовать? Онъ уничтожаетъ сіе затруднение, изъясняя, что естьли бы *и каждой человѣкъ достигалъ до послѣдней степени своего могущества; то каждый человѣкъ былъ бы Царь ..... Всѣ они были бы Государи въ ихъ владѣніяхъ.* Но въ какихъ владѣніяхъ, въ какихъ мѣстахъ оныя находились бы, и кто были бы земледѣльцы и проч. онъ того не открываетъ; но только увѣдомляетъ, что сіе въ теперешнемъ состояніи вещей быть не можетъ; поелику люди не имѣютъ къ тому равныхъ способностей. И потому трудящіеся приближиться къ свѣту

и очистить себя отъ затемнѣнія имѣли бы между собою подчиненность, по мѣрѣ своего просвѣщенія, какая находится въ разностепенствѣ воинскаго установленія, которое по увѣренію его, изображаетъ перьвобытное состояніе человѣка. Но когда оно было такое, каково есть нынѣ воинское служеніе: то нѣтъ никакой нужды, для приближенія къ перьвобытному состоянію человѣка, стараться очищать себя отъ затемнѣнія и достигать до познанія причины разумной; понеже всякой легко можетъ, записавшись въ воинство, ѣхать на службу и тѣмъ средствомъ паки возвратиться въ перьвобытное свое состояніе.

Онъ еще не оставилъ прибавить, сколь нужны были бы къ благоденствію народовъ такіе Цари, какихъ онъ начерталъ, представляя себя образцомъ ихъ. *Въ такомъ обществѣ*, говоритъ онъ, то есть въ обществѣ, въ коемъ

бы

бы оные Цари владычествовали, полагая безъ сомнѣнія и себя въ то же число, *видили бы мы повсюду порядокъ и дѣятельность...* Такъ какъ бы въ нынѣшнихъ Правленіяхъ члены общества находились въ недѣятельности и безпорядкѣ! *Видѣли бы мы, что и для самыхъ тѣлесныхъ скорьбей находили бы они себѣ облегченіе....* Но кто ему сказалъ, что въ настоящихъ Правленіяхъ никто не находитъ облегченія? Не уже ли ему не извѣстно, что нѣкоторыя искуснѣйшія хирургическія операціи избавляютъ многихъ жертвъ отъ смерти, похитить ихъ устремляющейся; возвращаютъ лишившимся какого либо чувства, паки употребленіе онаго; возобновляютъ живность органовъ, не исполняющихъ больше дѣйствія своего? Такъ же не можно отрицать, чтобъ и Врачебная Наука не часто служила къ облегченію одержимыхъ недугами.... *Ибо, какъ я по-*

казалъ, свѣтъ, управляющій зачатіемъ общества, разливался бы и объималъ всѣ его части. Тогда среди тѣлесныхъ вещей представился бы величественнѣйшій образъ и справедливѣйшая идея совершенства... Сіе совершенство среди тѣлесныхъ вещей, представляется дѣйствіемъ и существомъ своимъ каждому, кто взирать на оное желаетъ, лучте и справдливѣе мнимаго совершенства, мечтающагося въ мысляхъ его; ибо просвѣщеніе и трудолюбіе нынѣшняго времени всѣ тѣлесныя вещи привело до послѣдняго совершенства, и никто кромѣ его не видитъ, что въ настоящихъ Правленіяхъ члены общества находятся въ недѣйствительнести и безпорядкѣ, и никто не сдѣлавшись врагомъ сущей справедливости, оклеветанія сего на всѣ общества возложить не можетъ.

Потомъ онъ увѣщеваетъ, что бы *страшливыя Правленія*, не тре-

тревожились его мнѣнiями и не опасались бы, что онъ открываетъ недостаточество ихъ; ибо ему кажется, что сiе не уничтожаетъ должнаго къ нимъ почтенiя; и притомъ напоминаетъ о своемъ почитанiи *къ особѣ Государей, равно какъ и къ сану ихъ....* Послѣ опорочиванiя Правительствъ, подъ которыми общества находятся въ безпорядкѣ и недѣятельности, сiе увѣщеванiе необходимо нужно; такъ какъ и послѣ охужденiя Государей, и опредѣленiя на мѣсто ихъ другихъ, предохранившихъ себя отъ камней претыканiя и приближившихся къ перьвобытному состоянiю человѣка, довольно благоразумно оказать имъ сiю учтивость. *Полагаю всѣмъ подданнымъ за непреложный долгъ повиноваться Начальникамъ, и что обвиняю безъ изъятiя всякое непокорство и противленiе.* Сiе оправданiе его ученiя, противуположнаго нынѣшнимъ Правленiямъ, онъ

 коне-

конечно приносит по правилам противудѣйствія отражательной силы; ибо оно весьма противодѣйствует и отражает прежнія его предложенія, которыми он утверждает, что человѣк не имѣет права подчинять себя начальной власти, что он не должен повиноваться другим законам, кромѣ как собственному своему, что начальная власть его обманывает, что он своими качествами может пріобрѣсть право рабства над подобными себѣ. Хотя он и говорит, что непокорство и противленіе противны тѣм правилам, которыя он утвердить намѣрен; однако предлагаемыя нами здѣсь его правила, как видимо есть, не обвиняют непокорство и противленіе; но напротив того поощряют и побуждают к непокорству, когда онѣ содержат ученіе, что человѣк не имѣет права обязать себя подчиненностію начальной власти, что такое обяза-

за-

зательство есть ничтожно. Произнесенїе однихъ словъ, что онъ обвиняетъ непокорство и противленїе, для уменьшенїя преступленїя его противъ начальной власти, не можетъ ни перетворить его ученїе, ни извинить его въ ономъ.

Онъ внутренне призваваяся, сколь много онъ погрѣшаетъ противъ политическихъ установленїй и законной власти, старается подать привиламъ своимъ видъ менѣе его осуждающїй и прибавляетъ: *не подданной учредилъ себѣ законы политическїя и Начальниковъ, такъ не его дѣло и опровергать ихъ.* Но что можетъ больше опровергать законы политическїе, какъ ученїе, что человѣкъ не имѣетъ права обязать себя подчиненностїю начальной власти, и что сїе обязательство ничтожно и обманчиво!

Наконецъ естьли находит-

ся недостатокъ и въ Начальникѣ и въ Правительствѣ и въ подданномъ, въ такомъ случаѣ не должно у меня спрашивать; ибо сїе не будетъ уже Государственное Правленїе, но разбойничество, а для разбойничества нѣтъ законовъ.

Послѣ сего приличнаго названїя разбойничества Государственнымъ Правленїемъ, онъ говоритъ: *И такъ надѣюсь, что сїе мое признанїе можетъ удостовѣрить Государей въ безопасности принятыхъ мною во основанїе положенїй; не найдутъ они въ нихъ ничего, кромѣ ненарушимой привязанности къ ихъ особѣ и глубочайшаго почитанїя къ священному ихъ сану.....* Всѣ Государи и безъ него удостовѣрены, что пустословныя и безразсудныя его положенїя, столько же мало могутъ поколебать ихъ власть; сколько глубачайщее почи-

танїе, ненарушимость, привязанность и проч. сего новаго противоборника Правленїй, могутъ служить къ укрѣпленїю оной.

Ежели станутъ когда читать сїю книгу Владыки земные, то уповаю, не вздумаютъ, чтобъ я предписанїемъ сея покорности къ нимъ увеличивалъ какъ нибудь ихъ власть, и самихъ ихъ освобождалъ отъ сей обязанности, по которой они, какъ человѣки, должны подвергнуть свои поступки правилу общему, которому должно бы было руководствовать всѣми нами. Но какое правило и для чего, когда ему должно было, сїе правило должность свою не исполнило, того онъ не объявляетъ. Кажется, что онъ раскаивается въ своей покорности земнымъ Владыкамъ и для того прибавляетъ: *давать имъ право отступать отъ него,* отъ выше упомянутаго правила,

естъ

есть благопріятствовать обману и оскорьблять даже самое имя, для котораго ихъ чтимъ. Такой наставнической тонъ, который онъ съ Владыками земными брать осмѣливается, дѣлаетъ его въ одно время и смѣха и жалости достойнымъ; ибо развлеченный его разсудокъ заставляетъ его заботиться, чтобъ не давать имъ права отступать отъ правила долженствующаго ими руководствовать. Но мы съ нашей стороны увѣщеваемъ его, чтобъ онъ пребывалъ въ покоѣ; понеже Владыки земные и безъ него знаютъ обязанность свою, не требуютъ отъ него, чтобъ онъ благопріятствовалъ обману; и потому избавляютъ его отъ опасенія оскорьблять имя ихъ, для котораго онъ токмо ихъ и чтитъ, хотя обыкновенно бываетъ, что дѣла великія, человѣколюбіе и добродѣтель, болѣе привлекаютъ почтенія, нежели одно имя, лишенное преимуществъ, могущихъ прославить оное.

Онъ

Онъ говоритъ, что онъ почелъ за нужное сдѣлать сїе объявленїе, дабы *спокойно слѣдовать намѣренїю его*, намѣренїю охулять Правленїя, *и что его стремленїе и желанїе клонятся къ тому, дабы дать имъ возчувствовать тѣ единственныя средства, которыя очевидно служатъ къ ихъ благу и совершенству*. Не можно дать возчувствовать средствъ, служащихъ къ благу, представляя вмѣсто оныхъ однѣ токмо химеры, которыя тѣмъ больше ничтожны, чѣмъ меньше вразумительны, и чѣмъ больше мнимыхъ таинствъ заключать въ себѣ предполагаютъ. Благо человѣковъ чувствительно токмо бываетъ отъ премудрыхъ и человѣколюбивыхъ законовъ; а не отъ проповѣдника, достигшаго мнимаго свѣта обольщающаго мечтательное его воображенїе. Онъ думаетъ, что помощїю сего объявленїя можетъ спокойно порицать страшливыя Правленїя и опредѣлять Началь-

чальниковъ надъ оными тѣхъ, которые, такъ какъ и онъ самъ, приближились къ перьвобытному состоянїю человѣка, и предводительствуемы дѣйствующею причиною, подчиненною перьвой причинѣ.

По увѣренїю его, истинный законъ, на которомъ долженствуютъ основываться Государства, *по естеству своему имѣетъ силу живую и непобѣдимую, но которой худо извѣстенъ былъ при зачатїи упомянутыхъ Правленїй, или по установленїи ихъ въ послѣдующее время пренебреженъ; понеже въ противномъ случаѣ они бы еще стояли.* Какимъ злощастїемъ могло воспослѣдовать, что законъ, имѣющїй силу живую и непобѣдимую, остался въ неисполненїи и пренебреженїи? Слѣдственно онъ не имѣлъ приписываемой ему силы, но мертвую и побѣдимую; понеже неисполненїе и пренебреженїе противны суть дѣй-

ствїю

ствїю силы живой и непобѣдимой. И что за законъ, которой никому не извѣстенъ! Ибо законы, не только такимъ началомъ поставленные, отъ какого онъ пренебреженной законъ производитъ, но и тѣ, которые отъ Начальствующихъ въ Государствахъ происходятъ, издаются не для того, чтобъ они были неизвѣстны, или пренебрежены, но для того, что бы они каждаго обязывали къ исполненїю ими опредѣляемаго.

Вотъ еще одно противорѣчїе, относящееся къ неосновательности ученїя его о существѣ тѣлъ! Ибо онъ разсуждая о томъ утверждалъ, что оныя изчезаютъ, и въ ничто превращаются; однако теперь изъясняется въ противность перьвому разсужденїю: *да и подлинно сїе не противорѣчитъ*, что законъ, имѣя силу живую и непобѣдимую, остался пренебреженъ, *той идеи, какую мы въ себѣ имѣемъ о постоянности содѣйствїя* сего

зако-

закона, по тѣмъ понятїямъ, какїя есть въ человѣкѣ о истиннѣ, что есть, то не проходитъ, и пребыванїе есть для насъ доказательство существенности вещей..... Стало, вещество не изчезаетъ, когда что есть, то не проходитъ, и пребыванїе есть додоказательство существенности вещей. Поистиннѣ сказать, мрачный нашъ проповѣдникъ въ противорѣчїяхъ своихъ можетъ быть извинителенъ; ибо слѣдуя плодовитому своему воображенїю, рождающему столь великое множество мечтанїй, на которыхъ заблуждающїя его разсужденїя основаны, не можно ему было не впадать въ частыя замѣшательства и не противорѣчить самому себѣ.

Не почитаю за излишнее, говоритъ онъ, *увѣрить подобныхъ мнѣ, что есть Правленїя, которыя стоятъ съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ есть на землѣ, и кото-*

которыя будутъ до скончанія времени.... Естьлибъ человѣкъ, пробудившійся отъ сна, сталъ утверждать, что юродливое его сновидѣніе совершенно существуетъ; о такомъ человѣкѣ не безъ основанія заключить было бы можно, что сновидѣніе его сильнымъ своимъ впечатлѣніемъ повредило его разумъ: такое же заставляетъ имѣть мнѣніе о себѣ и нашъ мечтающій проповѣдникъ, который отъ устремленія мыслей своихъ на безтѣлесность и безпредѣльное желаніе пріобрѣсть право рабства надъ подобными себѣ, столько разстроилъ способности разсужденія, что мнитъ увѣрить о бытіи призраковъ, воображеніемъ ему представляемыхъ, могущихъ творить благо человѣческое, и что будто всѣ мечты, на коихъ онъ основываетъ науку свою, ему открыты нѣкоимъ существомъ, называемымъ имъ, причиною дѣйствующею и разумною; а потому и позволяетъ себѣ предлагать читателямъ всѣ

 стран-

странности, какiя только ему вздумаются. НапримѣрЪ, такЪ какЪ сiи, что Правленiя, которыя стоятЪ отЪ начала перьваго человѣка, и кои продолженiе свое имѣть будутЪ до конца времени, что всѣ сокровенности естественнаго дѣянiя ему извѣстны, что онЪ видитЪ существа, не подверженныя чувствамЪ человѣка и наконецЪ, что ему извѣстны всѣ произшествiя вЪ невещественныхЪ предѣлахЪ. Выдавая такiя нелѣпости онЪ гордится оными и почитаетЪ себя справедливымЪ проповѣдникомЪ причины дѣйствующей, а потому иприобрѣтшимЪ право рабства и подданничества надЪ подобными себѣ.

ОнЪ выхваляетЪ воинское состоянiе и паки опорочиваетЪ оное; ибо онЪ включаетЪ вЪ мысленныя свои доказательства, о незаконности общественныхЪ установленiй и то, что политическiя тѣла и начальники ихЪ вЪ заблужденiи своемЪ

имѣютЪ

имѣютъ слабость думать, будто враги ихъ человѣки. Одобряя воинское состоянїе и охуждая людей, что они подобныхъ себѣ почитаютъ врагами, онъ ощутительно самъ себѣ противорѣчитъ: понеже когда бы человѣкъ не почиталъ другихъ человѣковъ себѣ врагами; тогда воинское состоянїе было бы не нужно и учрежденїе его не существовалобъ. *По силѣ закона естества человѣка*, говоритъ онъ, *воистинну нѣчего ему отъ другаго человѣка опасаться....* Но воистинну метафизической нашъ проповѣдникъ, прїобрѣтшїй право рабства надъ подобными себѣ, употребляетъ во зло право сїе, принуждая вѣрить по его только одному слову тому, что противно свойству человѣковъ, и чему безпрестанныя ихъ дѣянїя, и обѣ оныхъ всѣхъ временъ повѣствованїя противорѣчутъ.

Воистинну нѣчего было Амери-

канцамъ опасаться Гишпанцовъ, которые 12 милліоновъ побили оныхъ; и, по его увѣренію, намъ должно думать, что всѣ побіенія не только въ войнахъ, но и въ злоумышленіяхъ учинились, не отъ вражды другъ къ другу, но отъ благопріятства; и когда люди, такъ какъ онъ утверждаетъ, не могутъ быть другъ другу врагами; то Силла и Марій, Августъ и Антоній принесли, нѣсколько тысячь лучшихъ согражданъ своихъ, на жертву тщеславію и корыстолюбію своему; не потому, чтобъ они были враги ихъ, но токмо по благосклонности своей къ нимъ. И отъ такого же источника произошли всѣ безчеловѣчныя побіенія, напримѣръ: во враждахъ Иконоборцовъ, въ коихъ убито 60,000 человѣкъ; Манихейцовъ, 120,000; самаго умѣреннаго щета въ распряхъ Епископскихъ за престолъ Папскій 20,000; въ набѣгахъ духовныхъ Ковалеровъ, называемыхъ Меченосцами, по брегамъ Балтійскаго моря 100,000.

По-

Потомъ изъ дружелюбія Иванъ Гусъ и Іеремій Прагскіе, сожжены были въ городѣ Констанціи, что причинило войну, въ которой погибло 150,000; и по слѣдствію такого же другъ къ другу снисхожденія въ безчеловѣчныхъ убійствахъ, сотворенныхъ отъ временъ Папы Льва X, до папы Климента IX, почти во всей Европѣ, то есть, въ Нидерландахъ, Голландіи, Германіи, Франціи и Англіи, въ коихъ свирѣпое междуусобіе вооружило вспламенѣнныхъ ревностію Реллигіи, смертоноснымъ мечемъ, другъ друга истребляющимъ, погибло больше двухъ милліоновъ человѣкъ. Убійства Еврейскаго народа, какъ междуусобныя, такъ и тѣ, кои они учинили надъ жалостными жителями областей, ими завоеванныхъ; убійства произшедшія въ Азіи, въ Японіи, въ Африкѣ на брегахъ снабждающихъ Европейцовъ черными невольниками, и во всѣхъ концахъ обиталища нещастнаго рода человѣческаго, безъ сомнѣнія прос-

 тира-

тираются до многихъ миллїоновъ. Присовокупимъ еще къ сему, частныя убїйства и общественныя другъ друга притѣсненїя, злость, гнусную клевету, ненависть, всякаго рода коварства, лицепрїятїе; надмѣнность и презрѣнїя, попирающїя добродѣтель и достоинство: то и будемъ имѣть живое изображенїе взаимнаго благопрїятства, владычествующаго между людьми, и найдемъ въ ономъ достаточное доказательство, что люди не суть враги другъ другу.

Сверьхъ сего мы замѣтимъ еще, что не весьма согласно съ человѣколюбивою и кроткою Философїею, давать преимущество установленїю воинскому, предъ установленїями гражданскими. Справедливая Философїя не возносится гордостїю, не стяжаетъ себѣ, будучи тщеславїемъ побуждаема, неестественнаго и превосходнаго предъ другими познанїя, и не желая сокрушенїя рода человѣческаго

каго

каго, не поощряетъ людей хвалами состоянія воинскаго къ сраженіямъ и къ взаимному другъ друга истребленію: она старается вкоренить въ жителей глобуса сего, которые уже и безъ того подвержены многимъ естественнымъ припадкамъ, жизнь ихъ сокращающимъ, смиреніе, человѣколюбіе, снисхожденіе и всѣ добродѣтели, могущія облегчить бремя земнаго ихъ пребыванія.

Онъ часто упоминаетъ, что недостатки Правленій произошли отъ того, что общежительства составлены человѣческою рукою и безъ помощи закона, *долженствовавшаго дать имъ постановительное утвержденіе*. Весьма странно, что законъ, который долженствовалъ дать постановительное утвержденіе всѣмъ обществамъ и ихъ Правленіямъ, пренебрегалъ въ толь важномъ дѣлѣ исполнять опредѣленіе свое, и ожидалъ токмо пришествія

въ свѣтъ высокомысленнаго проповѣдника, чтобъ начать исполненіе своего долга! И возможно ли премудрости Божіей, создать для пользы человѣковъ законъ, который бы столь долгое время пребывалъ безполезенъ! Но видно, что такая бѣдственная сего закона безпечность произошла только для того, что бы прославить угодника онаго, или дѣйствующей причины, пріобрѣтшаго право рабства надъ подобными себѣ, и готовящагося низпосланнымъ ему отъ нея свѣтомъ управлять обществами, недостаточными въ своихъ законоположеніяхъ и удалившимися отъ свѣтильника, къ коему онъ такъ близко приближился.

Но всего чуднѣе, что послѣ охуленія всѣхъ Правленій, и утвержденія, что Царямъ надлежитъ быть только тѣмъ, которые менѣе удалились первобытнаго своего состоянія, онъ колеблется въ смѣло-

смѣлости своей и съ нѣкоторымъ видомъ робости, ходатайствующей извиненіе ему, говоритъ, что *Правленіе одной особы не подлежитъ къ сему моему мнѣнію.*

Какъ можно согласить сіе противорѣчіе и другія подобныя, коими онъ ищетъ предъ самодержавною властію оправдиться, съ сими словами, въ точности изражаемыми: *когда прочіе люди не употребили тѣхъ же стараній, и не имѣютъ ни тѣхъ же успѣховъ, ни тѣхъ же даровъ; то явствуетъ, что тотъ, который имѣетъ предъ ними всѣ сіи преимущества, долженъ быть выше ихъ и управлять ими.* По томъ на той же страницѣ 278 такъ изъясняется: *ежели сіе затемнѣніе* (способностей) *въ человѣкѣ дойдетъ до развратности; то тотъ, кто предохранилъ себя и отъ того и отъ другаго, становится его Владыкою не только по самому дѣлу*

и необходимости, но и по долгу. Не явствуетъ ли какъ изъ сего, такъ и изъ прежнихъ его предложенiй, отрицающихъ право человѣка подчинять себя верьховной власти, что ученiе его подлежитъ болѣе къ Правленiю одной особы, нежели къ Правленiямъ другаго рода, и что лучь въ немъ здраваго разсудка противоборствуетъ тщеславiю и гордости его, и что желая сохранить перьвой и удовлетворить послѣднимъ, онъ только обнаруживаетъ лживыя свои сокровенности и старается для воображаемыхъ выгодъ себѣ, наложить *покровъ* повиновенiя и покорности на ученiе, которое открытно повиновенiю противорѣчитъ.

Потомъ онъ мысля, что достаточно оправдился предъ самодержавною властiю и другими Правленiями, продолжаетъ политическiя свои разсужденiя, съ Метафизикою сопряженныя, и говоритъ:.. *Дабы удостовѣриться намъ о ихъ правдивости,*

вости, то есть, о правдивости законовъ Правоправленія, надлежитъ разсмотрѣть, проистекаютъ ли сіи законы прямо отъ истиннаго начала, или они учреждены человѣкомъ только однимъ, и притомъ лишеннымъ своего путеводца?

Послушаемъ, какимъ средствомъ должно узнать о правдивости сихъ законовъ.

Спрашиваю здѣсь: когда подданный присягнулъ, или почитается присягнувшимъ въ вѣрности Государю: то Государь имѣетъ ли право освободить его отъ присяги, какія бы ни произошли изъ того выгоды для Государства? Обычай Государей не требовать согласія жителей мѣняемыхъ странъ не доказываетъ ли, что прежняя присяга не была свободна, что и новая таковая же будетъ? Сей посту-

поступокъ можетъ ли быть когда нибудь сходственнъ съ тѣми понятїями, которыя хотятъ намъ дать сами законодатели о правленїи законовъ? Здѣсь кажется, что онъ паки ободрился и думаетъ, что принесеннымъ извиненїемъ Государямъ, онъ прїобрѣлъ право имъ дѣлать вопросы. Но къ большей ясности сего разсмотрѣнїя и удостовѣренїя, что законы сотворены человѣкомъ, лишеннымъ своего путеводца, то есть дѣйствующей причины, онъ такъ разсуждаетъ:

Въ томъ Правленїи, котораго истинну и нерушимое существованїе я возвѣстилъ, сїи промѣны тоже въ употребленїи, въ принятыхъ Правленїяхъ чинимыя, суть токмо изображенїя оныхъ; потому что человѣкъ не можетъ ничего изобрѣтать: но производства въ оныхъ суть отмѣнны, и происходятъ отъ

такихъ

такихъ побудительныхъ причинъ, которыя учиняютъ праведными всѣ о томъ приговоры, то есть, что променъ здѣсь свободной и добродѣтельнной съ обѣихъ сторонъ, люди не почитаются привязанными къ землѣ, и какъ бы составляющими часть владѣнїя; словомъ: сущность ихъ не смѣшивается съ сущностїю временныхъ владѣнїй. Вотъ какими убѣдительными доказательствами, онъ старается изобличить Государей, въ присвоиванїи власти себѣ не принадлежащей!

Потомъ онъ опорочиваетъ гражданскїе законы, въ коихъ находитъ главнѣйшее неудобство то, когда оными опредѣляется разводить браки, не за прелюбодѣянїе, но ради иныхъ причинъ. О чемъ онъ такъ изъясняется: *прелюбодѣянїе есть единственная причина, по которой могутъ быть законно разведены*

ведены супруги... Онъ ни во что считаетъ несходствïе нравовъ и мыслей, неустройство домашнее безплодïе за собою влекущее, отвращенïе, ненависть, бывающую иногда источникомъ жесточайшихъ преступленïй; но прелюбодѣянïе въ случаѣ неравенства, происходящаго, или отъ сложенïя, или отъ лѣтъ не бываетъ причиною злодѣйскихъ умышленïй, развѣ токмо въ случаѣ превосходной страсти къ другому предлогу; что рѣдко бываетъ. И тогда могущее произойти отъ оной преступленïе долженствуетъ отнестись къ вышеупоминаемымъ бѣдственнымъ чувствïямъ, рождающимся отъ нещастнаго бракосочетанïя; слѣдственно, хотя прелюбодѣянïе и достаточно къ опредѣленïю развода тамъ, гдѣ разводъ въ употребленïи; однако меньше имѣетъ сильныхъ причинъ къ оному, нежели изъясняемыя нами несогласности, какъ въ нравственномъ, такъ и въ натуральномъ сношенïи супруговъ.

И такъ когда гражданской законъ последуетъ другимъ разсужденiямъ; тогда не сомнительно возвѣщаетъ, что онъ не имѣетъ первой идеи обязательства.

Никакой другой идеи имѣть о брачномъ сочетанiи гражданскiй законъ не одолжается, какъ ту, которая представляетъ благоденствiе сочетавшихся, и отъ того пользу изливающуюся на цѣлое общество; слѣдственно надлежитъ ему опредѣлять разводъ для тѣхъ токмо причинъ, которыя больше къ сему препятствуютъ, а не для какихъ другихъ вымышленныхъ поврежденнымъ воображенiемъ.

Онъ говоритъ, *что супружество не долженствуетъ быть дѣло рукъ человѣка, равно какъ прочiя его дѣла; понеже какъ человѣкъ сей не долженъ самъ собою заключать союза; то не имѣ-*

имѣетъ права разорвать оной; понеже наконецъ предаваться прелюбодѣянїю, есть самовластно отвергать волю причины всеобщей временной, которая почитается заключившею обязательство, и послушаться такой волѣ, которую она не одобрила.... Здѣсь надобно замѣтить важнѣйшее его противорѣчїе; ибо онъ сими словами, что дѣла человѣка не долженствуютъ быть рукъ его, отнимая у него волю, которую онъ ему прежде приписывалъ, дѣлаетъ человѣка страдательною махиною, и хочетъ, чтобъ оною дѣйствовала мнимая его временная причина. Но кто не видитъ, что изъ послѣдованїя такому ученїю, послѣдовало бы разрушенїе общественнаго союза и нравственныхъ добродѣтелей; понеже всякой наклонной къ порокамъ, находилъ бы оправданїе дѣянїямъ своимъ, противнымъ общественному благу въ томъ, что не самъ онъ дѣйствуетъ; но причина временная;

ибо всѣ дѣянія человѣческія не отъ его рукъ, но отъ нея происходятъ. Какимъ образомъ супружество не долженствуетъ быть дѣло рукъ человѣческихъ; то сіе, будучи подъ тѣмъ же покровомъ, которымъ онъ покрываетъ всѣ свои мечтанія, столько же невразумительно, какъ сіи послѣднія ничтожны. Ибо нельзя понять, когда молодой человѣкъ почувствуя страсть къ пріятному предлогу, и влекомъ врожденнымъ во всѣхъ тваряхъ естественнымъ побужденіемъ къ сочетанію обоихъ половъ, захочетъ исполнить цѣль и намѣреніе натуры, какъ онъ тогда не долженъ ничего дѣлать; а ожидать, чтобъ совокупленіе сіе учинила дѣйствующая причина, для того, что супружество не есть дѣло рукъ его. *И такъ поелику*, продолжаетъ онъ, *воля человѣка всегда предшествуетъ дѣяніямъ его, то не можетъ забыть себя въ тѣлесныхъ дѣлахъ своихъ безъ того, чтобъ не забыть*

себя прежде въ своемъ хотѣніи; почему, вдаваясь нынѣ прелюбодѣянію плотскому, онъ содѣлываетъ вмѣсто одного, два беззаконія.

Когда всѣ дѣянія человѣка отъ воли причины мнимой временной зависятъ; то уже воля сей причины, а не его, предшествуетъ дѣяніямъ его. *Не можетъ забыть себя въ тѣлесныхъ дѣлахъ своихъ безъ того, чтобъ не і-быть себя прежде въ своемъ хотѣніи* ... Послѣднее предложеніе никакого смысла не представляетъ; понеже всякой человѣкъ имѣетъ хотѣніе, чтобъ пользоваться удовлетвореніемъ оному, которое хотѣніе бываетъ мертво, коль скоро изчезаетъ надежда къ удовлетворенію: для того никто безъ сей надежды хотѣнія имѣть не будетъ; почему и доказательно, что желаніе человѣка относится къ самому себѣ и съ нимъ соединено; но всякой человѣкъ

вѣкъ имѣетъ желанїе для себя, и дабы пользоваться имъ; слѣдственно не возможно ему въ хотѣнїи позабыть самаго себя, когда хотѣнїе рождается для самаго себя.

Чтожъ принадлежитъ до плотскаго прелюбодѣянїя, которымъ человѣкъ содѣлываетъ два беззаконїя; сїе значитъ, что первый человѣкъ прежде еще, нежели имѣлъ жену, отступилъ отъ даннаго ему закона и тѣмъ содѣлалъ прелюбодѣянїе, а послѣ плотское его прелюбодѣянїе, было другое такъ, что сїе послѣднее не имѣетъ мѣста, когда не предшествуетъ ему первое.

Ежели читающїй сїе одаренъ разумѣнїемъ, легко можетъ разпознать въ плотскомъ прелюбодѣянїи нѣкоторые яснѣйшїе знаки прелюбодѣянїя, содѣланнаго человѣкомъ прежде его покоренїя закону стихїй....

Всякой читатель одаренный благоразуміемъ, легко можетъ разпознать изъ половиноскрытыхъ и мечтательныхъ разсужденій нелѣпыя бредни, коими готовится проповѣдникъ временной причины владычествовать надъ подобными себѣ. *Но сколько желаю, чтобъ всякой достигъ сего разумѣнія; столько обязанности мои запрещаютъ мнѣ, давать малѣйшее о семъ объясненіе....* Обязанности наши принуждаютъ чувствительными, а не мысленными доказательствами разрушать химеры его, на которыхъ онъ основываетъ гордость и тщеславіе свое. *Сверьхъ того для моего собственнаго блага желаю, лучше стыдиться беззаконія человѣческаго, нежели говорить объономъ*... Для собственнаго его блага мы желаемъ, чтобъ онъ устыдясь бредней своихъ не провозглашалъ оныя, столь утвердительнымъ и смѣха достойнымъ образомъ.

Каза-

Казалось бы, что послѣ увѣренія, что обязанности его запрещают ему давать малѣйшее изъясненіе о прелюбодѣяніи, и что онъ желаетъ лучше стыдиться, нежели говорить объ ономъ, онъ наложитъ на него покровъ молчанія; а не тотъ, которымъ онъ мнимыя тайны свои покрываетъ: однако обязанности свои въ семъ случаѣ онъ худо сохранилъ, можетъ быть для того, что онъ вступилъ въ оныя безъ причины дѣйствующей и временной; а какъ уже мы видѣли, что человѣкъ не имѣетъ никакого права вступать въ обязательства безъ ея руководства: то онъ, не почитая за законное дѣло хранить обязанность, не давать ни малѣйшаго объясненія о прелюбодѣяніи, на другой страницѣ говоритъ: *Возвѣщу явственно, что первое прелюбодѣяніе было причиною лишенія и невѣжества, въ которыхъ человѣкъ еще погруженъ; и что симъ то состояніе свѣта*

 та

та и сїянїя пpеремѣнилось въ состоянїе тьмы и безчестїя. Симъ нарушенїемъ обязанностей своихъ онъ хочетъ показать, что онъ поступаетъ сходственно съ ученїемъ своимъ, и что онъ въ одно время подаетъ примѣръ и наставленїе.

Въ ономъ же тѣлесномъ прелюбодѣянїи человѣкъ легко можетъ сдѣлать себѣ понятїе о тѣхъ нещастїяхъ, которыя уготовляетъ онъ плоду своихъ беззаконїй, когда разсудитъ, что сїя временная всеобщая причина, или сїя вышняя воля, не присудствуетъ въ состаеленїяхъ не одобренныхъ ею, а еще менѣе въ тѣхъ, которыя осуждены отъ нея; что ежели присудствїе ея необходимо нужно всякому бытїю, существующему во времени, чувственному ли, разумному ли; то человѣкъ лишаетъ потом-

потомство свое ея подпоры, когда рождаетъ по незаконному изволенію..... Когда онъ прежде безпрестанно утверждалъ, что во времени не можетъ ничего ни сотвориться, ни существовать безъ сея причины временной и дѣйствующей; какимъ же образомъ можетъ быть на свѣтъ произведено и существовать то, что она не одобрила и что сотворилось безъ присудствія и безъ подпоры ея? Слѣдственно утверждать, что она не присудствуетъ въ составленіяхъ не одобренныхъ ею, и что человѣкъ рождается противъ соизволенія ея, есть странное противурѣчіе предложеніямъ, изъясняющимъ, что сія причина *опредѣляетъ дѣйствіе начала врожденнаго въ зародышахъ.....* Что *безъ содѣйствія третьяго начала*, то есть ея, *не можно быть совершенному дѣлу....* Кажется, что такимъ упорствующимъ и противнымъ одно другому разсуж-

 деніямъ

денїямъ, не только въ пророкѣ предводительствуемомъ сверьхъ естественнымъ вдохновенїемъ; но и въ послѣднемъ школьникѣ, не утвердившемся въ ученїи правильнаго разсужденїя, явиться было бы не возможно.

Когда человѣкъ, говоритъ онъ, *можетъ нынѣ содѣлать прелюбодѣянїе съ женою, тѣмъ паче можетъ еще, какъ и въ началѣ, учинить оное безъ жены, то есть, прелюбодѣянїе умственное; потому что воля человѣческая, послѣ первой причины временной, сильнѣе всего во времени; и потому, что она и тогда, когда не чиста и беззаконна, имѣетъ могущество подобно началу учинившемуся злымъ.* Людямъ, не имѣющимъ благодати откровенїя, не извѣстно, какъ дѣлается умственное прелюбодѣянїе: но тому, который познакомился съ причиною дѣйству-

ствующею, вселилъ начала безтѣлесныя во всѣ вещественные образы, нашелъ важное открытїе отражательной силы находящейся въ пищѣ, изгналъ воздухъ изъ стихїй и превращаетъ тѣлесное вещество въ ничто, не мудрено знать объ ономъ. Такому угоднику и чудодѣйцу, не трудно и человѣческую волю учинить перьвымъ могуществомъ послѣ дѣйствующей причины, хотя мы видимъ ее иногда совсемъ безсильну; ибо, что воля заставляетъ предпринимать какое либо дѣйствїе, или рождаетъ желанїя, то сїе не значитъ въ ней силу, но токмо причину деянїямъ или желанїямъ; а потому и явственно, что волѣ человѣческой, не сила должна быть присвоена, но только одно направленїе къ тѣлеснымъ и душевнымъ дѣйствїямъ.

Не могу я не наруша скромности говорить о семъ болѣе; глубокїя истинны не всякому зрѣ-

зрѣнїю сходны..... Нѣтъ нескромности въ объявленїи вещей полезныхъ; а наипаче такихъ, отъ коихъ можетъ произойти не только польза, но и благо рода человѣческаго. Скромность присоединяется къ тому, что можетъ быть постыдно, вредно, огорчительно или что причиняетъ неудовольствїе одному или многимъ; въ такихъ случаяхъ наблюденїе скромности есть добродѣтель, и столько же похвально, сколько въ прежде упоминаемыхъ обстоятельствахъ предосудительно. Глубокїя истинны токмо одному его зрѣнїю сходны для того, дабы прїобрѣсть право подданничества надъ подобными себѣ, и мы не можемъ его охуждать, что онъ ихъ не представляетъ зрѣнїямъ, коимъ онѣ не сходны; ибо такая нескромность могла бы его лишить онаго безцѣннаго права, прїобрѣтеннаго отличными дарованїями и качествами его. *Но хотя и не объявляю людямъ первой причины*

чины всѣхъ законовъ премудрости, тѣмъ не менѣе они обязаны исполнять ихъ, понеже они чувствительные; а человѣкъ все чувственное можетъ понимать. Сего открытія люди отъ него не требуютъ; они и безъ него знаютъ, что перьвая причина всѣхъ законовъ есть Всевышній Создатель всего творенія. Но тутъ примѣтить надобно смѣшное его самолюбіе, заключающееся въ сихъ словахъ: *не объявляю людямъ....* Какъ будто подлинно премудрость перьвой причины ему извѣстна! *Человѣкъ все чувственное можетъ познавать...* Здѣсь онъ хочетъ внушить о себѣ, что онъ все чувственное знаетъ; но тому, который свѣдущъ и о томъ, что внѣ чувственнаго происходитъ, не трудно знать все чувственное; а людямъ, не достигшимъ до перьвобытнаго состоянія человѣка, не можно познать все, что есть чувственное: ибо много еще находится въ

естествѣ дѣяній и существъ неизвѣстныхъ, такъ какъ и въ извѣстныхъ множество остается сношеній, по сіе время невѣдомыхъ.

Намѣряясь разсуждать о законахъ уголовныхъ и полицейскихъ, онъ такъ предваряетъ читателей. *Но въ разсматриваніи семъ* (оныхъ законовъ) *разположеніе мое будетъ то же, какое было и во всемъ сочиненіи: вездѣ я буду искать, сходны ли вещи съ ихъ началомъ, дабы всякъ изъ того выводилъ слѣдствія, и научался бы паче самъ собою, нежели бы слѣдовалъ моимъ разсужденіямъ.* Естьли бы расположеніе его сочиненія, или бы самое сочиненіе было внятно и основано не на мнимыхъ таинствахъ, но на разсужденіяхъ правильныхъ и съ благоразуміемъ не враждующихъ: тогда было бы позволительно ему говорить съ такимъ одобряющимъ себя самохвальствомъ, и заставлять изъ оныхъ выво-

выводить слѣдствія, сопровождающія къ познанію преподаваемаго ученія. Но когда, вмѣсто ясныхъ и вразумительныхъ предложеній, во всемъ его сочиненіи представляется непостижимость и химеры, съ которыми разсудку читателя безпрестанно сражаться должно; тогда тщеславное повелѣніе пророка временной причины, научаться въ бредняхъ его, ни мало ему не приличествуетъ.

Когда есть начало вышшее, говоритъ онъ, *единственное и всегда и вездѣ благое, какъ то я всѣми силами и старался вездѣ доказывать; когда есть начало злое, котораго бытіе я такъ же доказалъ.....* Конечно есть начало всесущное и благое, ни отъ кого не поставленное и ни кѣмъ не созданное; однако не о семъ началѣ онъ всѣми силами доказывать старался, коего бытіе все твореніе вѣщаетъ, но о мнимой временной причинѣ, имъ вымышленной для управле-

равленія вселенною. Доказательствомъ почитается то, когда служащіе къ оному доводы, испытаніями оправдаемые, столь ощутительны и видимы, что отъемлятъ всякое сомнѣніе о предлогѣ доказуемомъ; но разсужденія лживыя, темныя, не имѣющія другаго основанія, какъ однѣ химеры, составленныя разсудкомъ мечтаніями поколебленнымъ, не могутъ быть почитаемы доказательствами.

Романъ, откровенный ему причиною временною о перьвобытномъ состояніи человѣка, не можетъ служить доказательствомъ блудящихъ его мнѣній по мысленнымъ обиталищамъ. Онъ повѣствуетъ, что *человѣкъ въ первобытномъ своемъ происхожденіи былъ торжественно оболченъ властію наказывать; въ чемъ и состояло его подобіе съ началомъ его; и по силѣ сего же подобія, правосудіе его было вѣрно и безошибочно;*

бочно; права его были существенны и ясно видимы, и никогда бы не измѣнились, естьли бы захотѣлъ онъ соблюдать ихъ, то есть, естьли бы онъ не содѣлалъ мысленнаго прелюбодѣянія и прежде существованія жены предшествовавшаго естественному. *Тогда то, говорю, имѣлъ онъ воистинну право на жизнь и смерть злодѣевъ области его.* Воистинну мудрецъ нашъ мало имѣетъ уваженія къ читателямъ своимъ, когда онъ имъ такія нелѣпыя басни предлагаетъ за истины. При чемъ замѣтимъ мимоходомъ, что нашъ мечтолюбъ склоненъ къ суровости, которую онъ во многихъ мѣстахъ книги своей обнаруживаетъ, и ему весьма нравится опредѣлять власть наказывать, и право отнимать жизнь у мнимыхъ подданныхъ и злодѣевъ своихъ.

Послѣ сего предварительнаго

разсуж-

разсужденія о уголовныхЪ законахЪ, онЪ утверждаетЪ, что они долженствуютЪ происходить отЪ временной причины; но какЪ она есть выше чувственныхЪ вещей; *то потребны ей*, говоритЪ онЪ, *средства чувственныя для возвѣщенія ея приговоровЪ, равно какЪ и для исполненія судовЪ ея.*

КЪ сему дѣлу употребляетЪ она гласЪ человѣка, когда однако учинится онЪ того достойнымЪ; ему поручаетЪ она возвѣщать правду подобнымЪ ему, и принуждать ихЪ хранить оную... Сколько противнаго здравому смыслу находится, вЪ такомЪ странномЪ предложеніи о правосудіи сей мнимой причины! Стало, правосудіе ея зависитЪ отЪ угожденія или неугожденія ей судящаго; естьли онЪ ей угодилЪ, то она поручаетЪ ему возвѣщать правду; естьли же онЪ ей не угодилЪ, то правосудіе ея остается безЪ дѣй-

дѣйствія и правда сокрытою. По таковому ученію о правосудіи, участь судимыхъ должна зависѣть не отъ одной справедливости, но отъ расположенія и способностей судящихъ, угождать причинѣ отправляющей правосудіе; и естьли судья не есть угодникъ ея, то не смотря на долгъ свой воздавать каждому правосудіе, дѣйствующая причина ни о судѣ, ни о приговорѣ, ни о правдѣ совсемъ никому не возвѣщаетъ, и дѣло рѣшится справедливо или несправедливо и безъ нея. Слѣдственно не можно сказать, что сія причина употребляетъ средства чувственныя для возвѣщенія приговоровъ и исполненія судовъ ея, когда она того не дѣлаетъ и правосудіе, для коего она поставлена, только тогда является, когда судья удостоенъ ея откровеніемъ, чего, какъ всѣмъ извѣстно, кромѣ мечтающаго проповѣдника, ни съ кѣмъ не случилось

Естьли сїя причина, такъ какъ онъ увѣряетъ, опредѣлена *установить порядокъ во вселенной между всѣми существами двухъ натуръ*.... то для чего же она по сїе время его не только не установила, но и главнѣйшаго своего долга, отправлять правосудїе, не исполняетъ; ибо мы находимъ въ Исторїи многихъ народовъ нѣкоторыя беззаконныя и пристрастныя рѣшенїя по дѣламъ уголовнымъ, погубившїя невинныхъ. Потому правосудїе такой причины, которая была бы опредѣлена для всеобщаго правосудїя, являющагеся только для однихъ любимцовъ ея, было бы совершенное неправосудїе и вредное беззаконїе: слѣдственно естьли есть причина поставленная, по увѣренїю проповѣдника нашего, для отправленїя человѣческаго Правосудїя; то надлежитъ, чтобъ всѣ рѣшенїя и приговоры судебныхъ мѣстъ были справедливы; естьли же мы видимъ, что оныя не всѣ справедливы, то пред-

предполагать постановленіе такой причины безразсудно: ибо она не соотвѣтствовала бы цѣли опредѣленія ея.

Желаетъ ли кто, говоритъ онъ, *еще лучше судить о непричастности помянутаго права*, то есть, права человѣку отправлять правосудіе; *тотъ пусть помыслитъ токмо о древнихъ правахъ его....* О сихъ правахъ надобно мыслить токмо тому, кто ихъ знаетъ; а не тѣмъ, кои только пожелаютъ судить о нихъ; ибо не всякому причина временная открыла свѣденіе объ оныхъ: а потому нельзя о томъ ни мыслить, ни судить, о чемъ мы ни малѣйшей идеи не имѣемъ. *Во время славы его имѣлъ онъ полное право на жизнь и смерть безтѣлесную; понеже, наслаждаясь тогда самъ жизнію, могъ онъ по изволенію сообщать ее своимъ подданнымъ, или отнимать ее у*

 нихъ,

нихъ, когда благоразумїе его находило сїе нужнымъ; и какъ они присудствїемъ его токмо и могли жить, то имѣлъ онъ силу, единственно отлучась отъ нихъ, умертвить ихъ. Не всякому понятно, какъ могутъ существа безтѣлесныя претерпѣвать смерть! Ибо слово, смерть, значитъ прекращенїе въ животныхъ дѣятельности тѣлесной: то же сказать, что вещь не вещественная, тѣло не тѣлесное, чего кромѣ мечтающаго проповѣдника, или кого нибудь, имѣющаго подобное ему въ разсудкѣ недугованїе, никто ни сказать, ни представить мыслями себѣ не можетъ. Что принадлежитъ до того, какъ человѣкъ *отлучась отъ своихъ подданныхъ, могъ умерщвлять ихъ по своему благоразумїю*; то такое сумасбродство не заслуживаетъ никакого вниманїя, и мы оное отсылаемъ для помѣщенїя въ тысячу одну ночь, или въ другїя вздорныя

и

и не имѣющія никакого благоразумія басни, коихъ разказываніе употребляется для дѣтскаго усыпленія.

Продолжая разсужденіе свое о уголовныхъ законахъ, онъ говоритъ, что должно *искать преступнику наказанія въ самой той вещи и въ томъ чинѣ вещей, которыя имъ повреждены; а не брать ихъ изъ инаго отдѣленія вещей, которое не имѣя никакого отношенія съ подлежащимъ преступленіемъ, будетъ такъ же повреждено, а преступленіе отъ того не загладится.* О семъ лучше, вразумительнѣе и обстоятельнѣе изъяснили законодатели, не мечтательное блаженство людямъ обѣщающіе, но ощутительнымъ образомъ благоразумнѣйшими и человѣколюбивѣйшими установленіями оное творящіе; и естьлибъ онъ прочелъ Наказъ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, ВСЕРОССІИ-

СКОЙ МОНАРХИНИ, ВЕЛИКІЯ ЕКАТЕРИНЫ, данной Коммисіи о сочиненіи проекта новаго уложенія; то нашелЪ бы вЪ 9 главѣ, что сіе разсужденіе и польза присходящая отЪ онаго вЪ совершенствѣ истолкована.

Преступленія же наказываются не для того, что бы онѣ заглаживались; ибо никакая сила не можетЪ содѣланное учинить не содѣланнымЪ; но для того, чтобЪ воспрепятствовать другимЪ покушаться на оныя.

Уголовные законы писанные, говоритЪ онЪ, *суть величайшій недостатокЪ ГосударствЪ.....* КакимЪ же должно законамЪ быть, что не писаннымЪ? Ожиданіе приговоровЪ и судовЪ причины дѣйствующей было бы весьма тщетно, и правосудіе только тогда бы исполнялось, когда бы судящій удостоился откровенія ея; а между тѣмЪ удержать теченіе пра-

правосудія, кому оно подобаетъ, было бы разрушеніемъ устройства и благоденствія въ обществахъ живущихъ. *Потому что сіи законы мертвы и остаются всегда одинаковы, а преступленіе возрастаетъ и обновляется ежеминутно....* Изящность законовъ состоитъ не въ томъ, что они мертвы или живы, и мы оставимъ ему сіе различіе, согласующееся съ его мнимыми таинствами; но замѣтимъ только, что не правда то, чтобъ преступленія возрастали; ибо, по мѣрѣ распространенія просвѣщенія, распространяется человѣколюбіе и добродѣтель; а гнусные пороки, преступленія рождающія изчезаютъ; о чемъ достовѣрно свидѣтельствуютъ происшествія тѣхъ вѣковъ, которые больше мрачностію невѣжества покрывались.

Онъ изъявляетъ сѣтованіе свое, что законодатели *опредѣляютъ смертныя казни преступле-*

 ніямъ,

нїямъ, падающимъ токмо на чувственное и временное... Какъ будто бы можно было опредѣлять смертныя казни за то, что не существуетъ ни въ чувственномъ, ни во времени! Притомъ онъ удивляется, для чего законодатели не опредѣляютъ такой же казни упражняющимся, по мнѣнїю его, въ ученїяхъ развратныхъ и системахъ заразительныхъ, то есть, въ ученїяхъ, противныхъ его мечтательной системѣ. Видно, что много и пустоглаголивой проповѣдникъ не только жестокосердъ, такъ какъ мы выше упоминали, но еще и непрїятель кроткаго позволенїя, каждому воспрїять и слѣдовать мнѣнїямъ о существахъ, слабому разсудку человѣческому непостижимыхъ, по убѣжденїю разума и совѣсти своей! Лживые пророки и метафизичные учители всегда были гонители на трудящихся въ прїобрѣтенїи познанїя о истиннахъ, утвержденныхъ на благоразумїи и дока-

доказательствахъ несомнѣнныхъ. Но естьли какое ученіе заслуживаетъ наказаніе, то конечно не то, которое посредствомъ испытанія сопровождаетъ къ познанію естественныхъ вещей, пользу обществу или и самому Правительству принесть могущихъ; но то, въ которомъ ласкаютъ человѣка, что онъ можетъ своими *трудами, дарованіями и качествами пріобрѣсть право рабства и подданничества надъ подобными себѣ*; то, въ коемъ преподаютъ наставленіе, что *человѣкъ не имѣетъ права подчинить себя другому человѣку*; и наконецъ то, въ коемъ утверждаютъ, что *всѣ обязательства человѣка не законны, ничтожны* и что онъ самъ собою никакихъ обязательствъ заключить не можетъ. Всякой легко можетъ видѣть, сколь вредныя дѣйствія изъ такого дерзкаго и безумнаго ученія для Правленій и обществъ проистечь могутъ.

Послѣ приведенія въ безгласность правосудія воздаваемаго судьями, дабы оно было ожидаемо отъ причины дѣйствующей, онъ такимъ же образомъ уничтожаетъ Врачебную науку съ ея искусниками и заставляетъ Владыкъ земныхъ быть самихъ врачами; вымышляетъ для нихъ другую науку врачеванія, основанную на такихъ же началахъ, на какихъ основано все его мрачное ученіе; не смотря на то, что въ сей наукѣ никакія мечтанія, никакія странныя системы, кромѣ опытнаго примѣчанія дѣйствія ощутительнаго вещей тѣлесныхъ, не способствуютъ къ изцѣленію скорьбей человѣческихъ. Но какъ понятія его въ Физикѣ, а наипаче въ Физіологіи и въ Медицинѣ весьма тѣсными предѣлами окружаются, и разсужденія его какъ въ перьвой, такъ и въ послѣднихъ больше жалости, нежели вниманія достойны; то мы предложимъ вкратцѣ сострoенную имъ систему врачеванія.

По мнѣнію его, болѣзни происходятъ отъ трехъ стихій, оставшихся по изключеніи воздуха изъ числа оныхъ, когда *начала ихъ устремляются преодолѣвать другъ друга, или раздѣляются между собою*... Здѣсь онъ великодушно снабжаетъ стихіи началами, состоящими въ сѣрѣ, соли и меркуріи, не смотря на то, что онѣ сами начала всѣхъ тѣлъ. Ему конечно открыто о сихъ стихійныхъ началахъ отъ причины дѣйствующей; ибо по нынѣ, такъ какъ мы выше упоминали, еще никакими испытаніями не могли достигнуть до раздробленія ихъ, и познанія въ нихъ другихъ началъ. *То тотчасъ и безошибочно увидитъ* (земный Владыка) *средство къ возстановленію порядка.*

И сего ради, присовокупляетъ онъ, *Врачебная наука заключаться должна въ семъ простомъ, единственномъ, а слѣдова-*

вательно и всеобщемъ правилѣ: собирать, что раздѣлено, и раздѣлять, что собрано .... Сїе правило не къ Медицинѣ принадлежитъ, но къ Хирургїи, которая трудится соединять сверьхъ естественное раздѣленїе твердыхъ частей человѣческаго тѣла, и раздѣлять таковое же оныхъ частей соединенїе. Потому онъ и разсуждаетъ, что когда суть только три стихїи, то надобно, чтобъ было только и три болѣзни, которыя относятся *къ главнымъ веществамъ, составляющимъ животное тѣло, то есть, къ крови, кости и къ плоти, которыя всѣ три части относительны каждая къ одной изъ стихїй, отъ которой происходятъ.*

И потому онъ исцѣляетъ плоть солью, кровь сѣрою, а кости меркурїемъ; слѣдственно по сему превосходному его врачебному искуству надлежитъ, когда инфламмацїя въ крови,

или

или жаръ приводитъ оную во вредное волненіе, давать больному сѣру; когда на кожѣ бываютъ чирьи и другіе припадки, источникъ свой въ поврежденной крови имѣющіе, тогда натирать кожу солью; а когда будутъ кости болѣть, то давать меркуріальныя Фрикціи.

И таковая вся премудрость должна быть только тому открыта, который больше приближился къ перьвобытному свѣту и удостоился имѣть откровеніе отъ причины временной.

Напримѣръ извѣстно, разсуждаетъ онъ, *что болѣзни плоти и кожи происходятъ отъ сгущенія и порчи соляныхъ отсѣдковъ въ волокнистыхъ сосудахъ, гдѣ они могутъ сдѣлаться недвижными отъ быстраго и внезапнаго дѣйствія воздуха, равно какъ и отъ весьма слабаго дѣйствія въ крови*... Врачамъ не извѣстно, какъ болѣз

болѣзни кожи и плоти происходятъ отъ соляныхъ отсѣдковъ, сгустившихся въ волокнистыхъ сосудахъ, которыхъ отсѣдковъ въ анатомическомъ разсматриванiи тѣлъ еще не примѣчено. Они только знаютъ, что припадки случающiеся на кожѣ и плоти, какъ напримѣръ: чирьи, апостемы, разныхъ родовъ затвердѣлости, раки, фистулы и проч. не отъ того происходятъ, что на поверьхности кожи, подъ епидермiю или перепонкою въ волокнистыхъ сосудахъ, испещряющихъ въ неисчисленномъ множествѣ всю кожу, могутъ сгуститься отсѣдки соляные; но отъ поврежденной крови и другихъ внутреннихъ жидкостей, въ сiи сосуды изливающихся. Волокнистые сосуды суть, какъ всѣмъ Физiологамъ извѣстно, каналы нечувствительной испарины, которая такъ изобильна, что больше половины человѣческой пищи чрезъ оную выходитъ, и отъ пресѣченiя которой случаются скорьби не на ко-

жѣ,

же, но во всѣхъ частяхъ тѣла; ибо препятствіе къ исхожденію сей испарины, обращаетъ оную во внутренность, отъ чего приключаются опаснѣйшія и смертельныя болѣзни.

Однако же онъ, видя нелѣпость соляныхъ своихъ лѣкарствъ, излѣчающихъ соляные отсѣдки, говоритъ: *должно признаться, что сія соль еще не извѣстна человѣческой Врачебной наукѣ... Она* извѣстна только Врачебной наукѣ временной причины и ему, такъ какъ угоднику ея; *и для того то сія такъ мало и успѣла въ излѣченіи упомянутаго рода болѣзней.* И для того мы сей вздоръ причислимъ къ таковымъ же прочимъ, хранящимся подъ его таинственнымъ покровомъ.

Во вторыхъ въ болѣзняхъ костей, меркурій долженъ быть употребляемъ съ великою умѣрен-

ренностїю; потому что онъ сильно связываетъ и стѣсняетъ прочїя два начала, подкрѣпляющїя жизнь всѣхъ тѣлъ, и потому что онъ, связывая преимущественно сѣру, бываетъ разрушителемъ всякаго возрастанїя какъ земнаго, такъ и животнаго.... Мы не будемъ съ нимъ спорить о семъ мысленномъ меркурїи, называемомъ Алхимиками меркурїемъ философическимъ, и о коемъ они разныя понятїя имѣютъ; ибо мы показали выше, что нѣтъ врожденнаго меркурїя, ни въ человѣческомъ тѣлѣ ни, въ другихъ существахъ; но замѣтимъ только, что меркурїй извѣстной и отъ чувствъ не убѣгающїй, ничего не связываетъ и ни къ чему не присоединяется, кромѣ металловъ: потому и не помѣщается въ классѣ лѣкарствъ называемыхъ астрингенсъ, то есть, сжимающихъ или вяжущихъ.

Мы оставимъ его бредить о трехъ всеобщихъ болѣзняхъ, о трехъ стихїяхъ, о трехъ всеобщихъ лѣкарствахъ; но только не можемъ пройти безъ замѣчанїя маленькаго поученїя, которое онъ дѣлаетъ Государямъ, при окончанїи пятаго отдѣленїя своей книги.

И такъ я надѣюсь, говоритъ онъ, *что Государи, какїя бы заключенїя не выводили, изъ представленнаго имъ отъ меня начертанїя; не должны однако никакъ почитать мои начальныя положенїя противными власти ихъ, когда я ничего болѣе не желаю, какъ увѣрить ихъ, что они могутъ прїобрѣсть власть непобѣдимую и не поколебимую.* Сїе желанїе въ нашемъ проповѣдникѣ, сказать его изрѣченїемъ, есть противудѣйствїе желанїю, которое онъ во всей своей книгѣ изъявляетъ, тому желанїю, чтобъ утвердить и распространить уче-

нїе совсемъ не согласное съ теперешнимъ его желанїемъ. Ибо нельзя не почитать положенїя противными власти Государей, когда сїи безумныя положенїя приглашаютъ, не однихъ Государей, но каждаго прїобрѣсти право рабства надъ другими, трудами и дарованїями своими могущими всякаго приближить, такъ какъ и сего мнимаго пророка къ первобытному свѣту, дабы почерпнуть въономъ право владычествовать надъ подобными себѣ. Здѣсь примѣтить надобно надмѣнность его; понеже онъ, не смотря на неустройное для общества и противоборствующее первенствующему начальству ученїе, повелѣваетъ, чтобъ Государи не почитали противными власти ихъ развратныя его положенїя. Не достаетъ только того, чтобъ онъ къ сему прибавилъ: *ибо такое наше соизволенїе по прїобрѣтенному дарованїями и качествами нашими праву под-*

подданничества и рабства надъ подобными намъ.

Послѣ таковыхъ благоразумныхъ поученій правителямъ Государствъ, онъ переходитъ къ наставленію новой Математики, основанной на тѣхъ же метафизичныхъ началахъ, на которыхъ вся странная его система мнимой премудрости основана. *Понеже мѣра находится*, говоритъ онъ, *всегда въ томъ началѣ, отъ котораго чувственное произведеніе получило бытіе; то какъ можно сему произведенію чувственному и страдательному быть самому себѣ мѣрою и доказательствомъ?* .... То есть, что по его мнѣнію мѣра не можетъ быть мѣрою сама себѣ; и слѣдственно чтобъ узнать, что два аршина протяженія точно ли суть два аршина, не надлежитъ ихъ мѣрить опредѣленною къ тому мѣрою, но надобно искать мысленнаго и невещественнаго начала, откуда

 сіе

сїе протяженїе бытїе свое получило. *И есть ли такїя существа кромѣ не созданныхъ, или кромѣ существъ истинныхъ, которыя бы могли сами себя доказывать?* Существо не созданное почитается единое все сотворшее. Предложенїе многихъ существъ не созданныхъ, могло помѣститься только въ странное воображенїе естественную и сверьхъ естественную премудрость себѣ приписующаго. По его математическому наставленїю умственная Математика столько же ясна и неизмѣняема, сколько чувственная темна и ограничена. Не всѣмъ Математикамъ покажется вразумительно, какъ умственная Математика можетъ быть яснѣе чувственной, и почему сїя послѣдняя темна, когда она изъ трехъ равныхъ линѣй представляетъ равносторонной треугольникъ, а изъ четырехъ таковыхъ же, равнобочной четвероугольникъ.

Онъ утверждаетъ, что прямая линѣя имѣетъ сношенïе съ правильностïю нравственною; а круговая линѣя съ безпорядкомъ нравственнымъ. *Однако же*, прибавляетъ онъ, *я предупреждаю, что сïи истинны не всѣмъ людямъ будутъ ясны....* Мы его увѣряемъ, что сïи не истинны, но суесловïе и пустомыслïе, не только не всѣмъ людямъ, но и никому, имѣющему правильной разсудокъ не будутъ ясны. *А еще менѣе тѣмъ, которые слѣдовали ложнымъ началамъ мною опровергаемымъ..* Въ какомъ жалостномъ былъ заблужденïи весь родъ человѣческïй, что слѣдовалъ другимъ, а не его началамъ! *Чтобъ понимать слова мои, надлежитъ поставить себѣ за первое дѣло, изъискивать вещи въ самомъ ихъ источникѣ, а не въ представленïяхъ ума составленныхъ воображенïемъ и скоропостижными разсужденïями.* Симъ израженï-

емъ, *чтобъ понимать слова мои*, онъ открываетъ безпредѣльное свое честолюбїе и желанїе показать себя учителемъ требующимъ повиновенїя отъ подобныхъ себѣ; ибо онъ для того заставляетъ стараться понимать слова его, представляющїя многосложныя его мечтанїя, коихъ онъ самъ ни распутать ни изъяснить не можетъ, чтобъ думали, что имъ самимъ истолкованїе оныхъ есть ниже его, и что онъ не почитаетъ такого снисхожденїя читателей своихъ достойными. Нѣсколько забавно, что тотъ, который наполнилъ цѣлую книгу всякаго рода нелѣпостями, произшедшими отъ воображенїя преисполненнаго заблужденїями и химерами, запрещаетъ полагаться на разсужденїя составленныя воображенїемъ.

Но я знаю, сколь мало есть людей способныхъ къ сему отважному предпрїятїю... Къ

тому,

тому, чтобъ для понятія премудрыхъ словъ его искали вещей въ самыхъ ихъ источникахъ, то есть, въ источникахъ безтѣлесныхъ. *Да хотя бы и много такихъ было, я долженъ предполагать, что весьма не многіе изъ нихъ получатъ совершенный успѣхъ...* Сіе увѣдомленіе онъ очень благоразумно помѣстилъ; дабы тѣ, которые захотятъ искать безтѣлесныхъ источниковъ и не нашедъ ихъ, не сѣтовали бы на него въ разсужденіи его предсказанія о не полученіи ими успѣховъ. Однако сіе осторожное предвареніе было излишне; ибо весьма мало найдется такихъ, которые пожелали бы терять время свое, чтобъ понимать его слова, которыя кромѣ гордости и мнимыхъ сокровенностей, ничего удовлетворительнаго для разсудка, утверждающагося на явственныхъ и неоспоримыхъ доказательствахъ не содержатъ.

Напримѣръ: можетъ ли здравомыслящій читатель принять за истинну отношеніе его прямой линѣи къ Божеству? Ибо онъ такимъ образомъ хочетъ утвердить безобразное свое мнѣніе: *какое дѣло есть прямой линѣи? не то ли, чтобъ продолжать до безконечности произведенія той точки, изъ которой она истекаетъ? А яко перпендикулярной линѣи не то ли, чтобъ уставлять и уравнивать основаніе всѣхъ существъ и каждому изъ нихъ начертывать свои законы?* Не есть ли совершенное отступленіе отъ разсудка, чтобъ думать и вѣрить, что перпендикулярная линѣя уставляетъ основаніе существъ, и каждому изъ нихъ начертываетъ свои законы! Въ какое развращенное воображеніе можетъ такая мысль водвориться, и можетъ ли такое подобіе достойно быть Творителя всего? Что прямая линѣя изъ точки продолжается до безконечно-

нечности, а перпендикулярная, служитъ къ уравненію прямости вещей возвышающихся отъ земли, потому сіи линѣи имѣютъ свойства Божественныя! Не можно человѣку, разсматривающему и оцѣняющему все его пустомысленныя и мнимыя тайны возвѣщающія предложенія, читать и не находиться въ нѣкоемъ непріятномъ положеніи ума, видя новаго мудреца кичущагося толь невѣроятными заблужденіями.

Онъ увѣряетъ, что круговая линѣя есть врагъ прямой линѣи, и потому онъ *безбоязненно* утверждаетъ, *что число ихъ есть различно. Не обинуясь скажу*, прибавляетъ онъ, *что прямая линѣя имѣетъ на себѣ число четыре, а круговая линѣя число девять; и смѣло увѣряю, что нѣтъ иного кромѣ сего средства достигнуть къ познанію ихъ....* Мы очень вѣримъ ему, что онъ никогда не обинуется,

смѣлъ, безбоязненъ въ сотворенїи чудовищныхъ мечтанїй и дерзокъ въ разсужденїяхъ своихъ на оныхъ опирающихся; ибо почти всѣ предложенїя книги его, знаменующїяся противуразсудными особливостями, не дозволяютъ въ томъ сомнѣваться: но тому не можемъ повѣрить, чтобъ круговая линея была врагъ прямой линѣи и стремилась бы разрушать ея; ибо мы разумѣемъ о прямой и круговой линѣи такъ, какъ здравой разсудокъ разумѣть о нихъ научаетъ, не дозволяя въ нихъ подозрѣвать химирическихъ существъ, которыхъ онъ намъ въ оныхъ представляетъ.

Знаю, что можетъ сїе казаться невразумительнымъ; столь много вещество овладѣло разумомъ подобныхъ мнѣ!.... Знаютъ подобные ему читающїе книгу его, сколь много пустомыслїе имъ овладѣло.

Онъ

Онъ укоряетъ несмысленностію Геметровъ, что они приписываютъ движеніе протяженію или веществу; ибо онъ увѣряетъ, что движеніе не въ веществѣ находится, но въ началахъ безтѣлесныхъ. И потому, теченіе какой либо рѣки не есть движеніе тѣлесности воды, но движеніе безтѣлесныхъ началъ, которыя несутъ воду по ея стремленію; когда ядро выстрѣленное изъ пушки летитъ къ цѣли своей, то сіе дѣлается не отъ того, что ядро отъ силы пороха получило движеніе свое, но отъ того, что безтѣлесныя начала мчатъ его туды, куда оно выстрѣлено; естьли съ какой либо высоты тѣло летитъ на землю по законамъ тягости къ центру земли, то равнымъ образомъ начала безтѣлесныя сему движенію суть причиною.

По томъ онъ говоритъ, что *натура вещественная, имѣющая протяженіе, не можетъ составлена*

лена быть, какъ только изъ линѣй не прямыхъ, или что все равно, нѣтъ въ натурѣ ни одной прямой линѣи. По сему его предложенію, прямая линѣя, имѣющая число четыре, не находится въ натурѣ; и для того онъ не рѣдко повторяетъ, что онъ не надѣется, чтобъ его понимали, что сіе можетъ казаться невразумительнымъ; но когда онъ не надѣется, чтобъ его понимали, на что же обременять другихъ чтеніемъ непонятнымъ, и потому скучнымъ и безполезнымъ. Естьли онъ находилъ удовольствіе въ мечтаніяхъ; то нельзя было ему предполагать, что съ такимъ же удовольствіемъ было можно читать оныя.

Знаю, что сего не довольно, что изключилъ я изъ натуры прямую линѣю; надлежитъ предложить и причины побудившія меня къ тому... Сіи причины суть, что огнь не былъ

нача-

началомъ тѣлъ, но токмо внѣшнею причиною помогающею растущему началу, что всякая жидкость есть собранїе шаровидныхъ частицъ, и что между данныхъ двухъ точекъ разстоянїе наполнено меркурїальными воздушными частичками. *И такъ*, разсуждаетъ онъ, *поелику нѣтъ въ тѣлахъ непрерывности, а все въ нихъ составное и прерывное, то не возможно никоимъ образомъ полагать въ нихъ прямыхъ линѣй.*

Не правда, что бы въ тѣлахъ была прерывность; всякое тѣло потому есть тѣло, что всѣ части онаго прикосновенныя другъ къ другу составляютъ одно цѣлое и безпрерывное. Смѣшно представить себѣ какое либо животное, имѣющее прерывность въ тѣлѣ своемъ его не повреждающую. Вообразимъ человѣка съ сею прерывностїю; какое бы странное замѣшательство въ общежитїи отъ того произойти могло!

Напри-

Напримѣръ: въ какомъ нибудь многолюдномъ собранiи, сколькобъ рукъ и ногъ было перемѣшанныхъ! И какая бы трудность была всякому находить ему принадлежащiя, могущiе по прерывности своей смѣшаться съ прочими, по такой же причинѣ отдѣлившимися отъ тѣлъ своихъ! Но какъ по мнѣнiю нѣкоторыхъ, не бываетъ худа безъ добра, такъ какъ и по ученiю нашего мудреца, добро и зло владычествуютъ и отъ недѣйствiя ихъ произошло бы безплодiе въ дѣлахъ ихъ; потому изъ сей прерывности могла бы произойти нѣкоторая полезность для частныхъ людей. Ибо въ такомъ положенiи тѣлъ, можно было бы снабжать другъ друга потребною частiю тѣла, напримѣръ: имѣющему глупую голову можно было бы занять на нужной случай умную; имѣющему неискусныя руки, тяжелыя ноги, такъ же удобно было бы прiятельское вспоможенiе. Въ видѣ такого изображенiе

женія можно согласиться, съ мечтающимъ проповѣдникомъ, что истины его были бы не безполезны роду человѣческому.

Сіи премудрыя причины къ исключенію изъ естества прямой линѣи суть ясныя доказательства, что она не существуетъ въономъ; и потому естьли мы видимъ какое либо протяженіе прямое, то надобно мыслить, что оно не прямое; а кривое, потому что въ немъ есть неравность зрѣнію не ощутительная. Напримѣръ: естьли мы видимъ гладкой и чистой мраморъ, представляющій горизонтальную или вертикальную линѣю, то не надлежитъ думать, что оной намъ представляетъ прямую линѣю, но кривую; поелику все въ немъ составное и прерывное. Однако главнѣйшая причина къ уничтоженію прямой линѣи въ натурѣ, состоитъ въ томъ, что *прямая линѣя есть емблема безконечности и непрерывно-*

рывности произведенiй той точки, изъ которой она изходитъ.

Но прейдемъ отъ сего вздора, на которомъ мы больше остановивились, нежели было надобно, къ числу превыспренняго Метафизика четыремъ и девяти; перьвое принадлѣжитъ, не только къ умственной прямой линѣи, но еще къ движенiю и востоку; а число девять не къ одной круговой линѣи, но и къ протяженiю; сложнiе же сихъ чиселъ тринащцать значитъ число натуры; ибо онъ говоритъ: *востокъ, который числомъ четыре можетъ одинъ обнять все пространство, понеже соединясь съ числомъ девять, или съ числомъ протяженiя, то есть, соединя дѣйствующее со страдательнымъ, составляетъ онъ число тринатцать, которое есть число натуры.* Четыре значатъ перьвую причину, а девять вещество, соединенiе

ненїе четырехъ съ девятью разумѣется, что оная причина послала управлять веществомъ и безтѣлесными существми въ ономъ обитаемыми, вторую дѣйствующую причину; и какъ четыре и девять составляютъ число 13, то выходитъ изъ того натура, то есть, всѣ его причины, безтѣлесныя существа и вещество.

Но сего еще не довольно; онъ число четыре прилагаетъ солнцу, а девять лунѣ; однако по обыкновенїю своему когда съ лишкомъ запутается въ своихъ бредняхъ, тогда имѣетъ прибѣжище къ скромности, невозможности изъясняться, къ обязательству и проч. Такимъ образомъ и тутъ говоритъ: *для чего не могу я распространиться болѣе о семъ девятерномъ числѣ, которое приписываю лунѣ и слѣдственно и землѣ, коея она есть спутница? Чрезъ число сея земли показалъ бы я, какое дѣло ея и званїе во вселенной; а*

сїе могло бы намъ открыть знаки истиннаго образа, ею носимаго, и еще болѣе объяснить нынѣшнюю систему, по которой она не есть неподвижна, а обтекаетъ весьма великїй кругъ. Что принадлежитъ до дѣла и званїя земли, мы оставляемъ его произносить жалобныя восклицанїя, для чего онъ не можетъ распространиться о девятерномъ числѣ, хотя онъ послѣ и довольно обширно распространяется; но касательно до образа и движенїя земли, то совсемъ другїе Физики и Астрономы, нежели проповѣдникъ мнимой временной причины истолковали, какъ образъ, такъ и движенїя ея, не таинственными выраженїями и не девятернымъ числомъ, но доказательствами утвержденными долговременными примѣчанїями и вѣрнѣйшими изчисленїями. Послѣ Коперника, Галилея, Невтона, Мопертюя, Бюфона, мы не совѣтуемъ ему разсуждать, ни объ образѣ, ни

о дви-

о движенїи земли, развѣ по обыкновенїю своему невнятными и невразумительными изрѣченїями, словомъ: развѣ такимъ же вздоромъ, каково есть слѣдующее его разсужденїе.

Ибо Астрономы можетъ быть излишно торопливы были въ своихъ разсужденїяхъ; прежде, нежели положиться на свои наблюденїя, надлежало бы имъ изслѣдовать, которое изъ тѣлесныхъ существъ долженствуетъ дѣйствовать болѣе, то ли, отъ котораго противительное дѣйствїе исходитъ, или то, которое прїемлетъ оное; не быстрѣйшая стїхїя огонь, и кровь ли, не скородвижнѣе ли тѣхъ тѣлъ, въ которыхъ она протекаетъ? надлежало бы имъ подумать, что земля, хотя и не занимаетъ центра круговыхъ путей звѣздъ, однако можетъ служить имъ прїятелищемъ, и потому должна принимать и ожи-

жидать отъ нихъ влїянїй, не будучи однако принуждена прибавлять второе тѣлесное дѣйствїе къ дѣйствїю растительному, свойственному ей, котораго сїи звѣзды лишены.

Быстрѣйшая стихїя огнь, скородвижная и вдругъ явившаяся въ Астрономическихъ предложенїяхъ кровь! Земля служитъ прїятелищемъ звѣздамъ! Все ето безобразное и здравой разсудокъ оскорбляющее пустословїе, признаться должно, мы думаемъ, что не можетъ произойти, какъ отъ человѣка бредящаго отъ поврежденїя разума своего, или отъ совершенно наглаго шарлатана повинующагося тщеславїю имъ управляющему, чтобъ только пустозвучнымъ вздоромъ ослѣпить читателей своихъ. И прилично ли такому толкователю круговыхъ путей звѣздъ, и прїятелища земнаго, охуждать Астрономическїя наблюденїя

учиненныя со всевозможною точностїю, и порицать Астрономовъ, что они на оныхъ полагаются; онъ конечно мыслитъ, что имъ надлежитъ полагаться на его четверномъ и девятерномъ числѣ.

Наконецъ самые простые опыты надъ конусомъ показали бы имъ истинный образъ земли, и мы могли бы имъ открыть въ самомъ предопредѣленїи ея, въ чинѣ, какой она занимаетъ между сотворенными существами, и въ свойствахъ перпендикулярной, или прямой линѣи непреодолимыя затрудненїя, которыхъ системы ихъ рѣшить не могутъ.

Нашъ скромный учитель требуетъ, что бы всѣмъ его самохвальствамъ вѣрили по его одному слову. Но естьли нѣкогда безпредѣльную довѣренность славный Философъ Пиѳагоръ имѣлъ отъ учениковъ своихъ,

ихъ, вѣровавшихъ всѣмъ мнѣнiямъ его, и которые въ разсужденiяхъ своихъ инаго доказательства не предлагали, какъ сказавъ: учитель такъ повѣдалъ; тогда Физическiя познанiя не были освѣщены испытанiями великихъ мужей, какъ въ нынѣшнiя времена, и Пиѳагоръ не былъ пророкъ мнимой дѣйствующей причины; но имѣлъ превосходной и здравой разсудокъ. Онъ изобрѣлъ не въ мысленной Математикѣ, но въ дѣятельной и чувственной, доказательства четвероугольника и гипотенузы. При томъ должно ли ему сказать, что лучшiе Астрономы, не на системахъ утверждаются, но вѣрнѣйшими съ помощiю инструментовъ примѣчанiями и вычисленiями опредѣляютъ шествiя планетъ, и движенiе въ точности небесныхъ тѣлъ.

Тутъ паки повторяетъ онъ сожалѣнiе свое, что всего того, что бы онъ могъ, сказать не можетъ.

жетъ. *Для чего не могу показать отношенiй, находящихся между сею землею и тѣломъ человѣка, который составленъ изъ той же сущности, понеже изъ нея произшелъ? естьли бы расположенiе моея книги позволяло, вывелъ бы я изъ неоспоримаго ихъ сходства, свидѣтельство единообразности законовъ ихъ и размѣровъ, изъ чего легко можно бы усмотрѣть, что обоимъ та же цѣль предлежитъ.* Расположенiе всякой книги долженствуетъ быть такое, что бы оно было внятно и вразумительно; потому никакое расположенiе книги не можетъ препятствовать, къ ясности и вразумѣнiю въ ней содержащагося; наблюдать иное правило въ сочиненiи, было бы тщетно и безполезно.

Къ сему онъ еще прибавляетъ: *открылось бы такъ же и то, что сiя земля должна быть,*

для него почтена, какъ мать его, и поелику послѣ причины разумной и послѣ человѣка, она есть мощнѣйшее существо времянной натуры, то сама она есть и доказательство, что нѣтъ тѣлесныхъ мiровъ, кромѣ сего видимаго. Вотъ что называется, сильнымъ образомъ разсуждать! Однако онъ еще подкрѣпляетъ толь неоспоримое доказательство о небытiи другихъ мiровъ, не меньше убѣдительнымъ разсужденiемъ. *Понеже человѣкъ захотѣлъ все разлучить, все отсѣчь, то и полагаетъ онъ множество иныхъ мiровъ, у которыхъ звѣзды суть ихъ солнцы, и которые между собою не болѣе имѣютъ сношенiя, какъ и съ мiромъ обитаемымъ нами, какъ будто таковое отдѣленное существованiе можно согласить съ тою идѣею, какую мы имѣемъ о единицѣ, и будто человѣкъ, яко существо умное, ежели*

мни-

мнимые сіи міры существуютъ, не имѣлъбы о нихъ свѣденія. Мы не будемъ оспоривать нашему пророку, яко существу бредящему, свѣденіе о несуществованіи другихъ міровъ; ибо имѣя столь тѣсное знакомство съ безтѣлесными существами, можетъ быть онъ съ нѣкоторыми изъ нихъ, дѣлавъ путешествіе по безконечному и не измѣримому пространству, въ которомъ неизчетное множество небесныхъ тѣлъ обращается освѣдомился, что нѣтъ другихъ міровъ; и мы не осмѣлимся нашими мірскими умствованіями отрицать такое благоразумное его утвержденіе.

Вотъ еще безстыднѣйшее самохвальство, какое только можетъ, не писатель, но отважнѣйшій шарлатанъ употребить самъ о себѣ. *чтожъ бы было*, говоритъ онъ, послѣ недавно вышеупоминаемыхъ вздоровъ, *когда бы я осмѣлился говорить о началѣ, ко-*

торое одушевляетъ ее (землю)?.. Чрезъ сїе, *чтожъ бы было*, онъ хочетъ сказать, что онъ то, есть превосходнѣйшїй въ свѣтѣ всѣхъ мудрецъ и учитель, и что онъ то, подлинно просвѣтилъ бы всѣхъ и открылъ бы великїя истинны, естьли бы осмѣлился говорить. Но мы скажемъ на ето, *что же бы было*, что бы были такїя же бредни, какими онъ щедро книгу свою обогатилъ, наскучивъ тѣмъ читателямъ, которые почитаютъ за совершенную и безразсудную пустоту всѣ его мнѣнїя и нелѣпое ученїе.

Потомъ онъ послѣ скромнаго своего вопрошенїя, *что же бы было*, говоритъ: *но можетъ я и такъ излишне сказалъ, и ежели поступлю далѣе, страшусь нарушить права не принадлежащїя мнѣ...* Мы ему совѣтуемъ, чтобъ онъ страшился только надмѣнныхъ и безразсудныхъ своихъ самохвальствъ, а не того, что бы онъ могъ въ самомъ

момѣ дѣлѣ представить что полезное человѣкамѣ.

Наконецѣ онѣ не смотря настрашливость и упорность свою, открыть тайну о четверномѣ и девятерномѣ числѣ, и почему сїе послѣднее значитѣ вещество, поднимаетѣ часть покрова, коего вѣ поднятїи онѣ столько колебался, и изѣясняетѣ, что окружность представляется нулемѣ, а центрѣ можетѣ быть принятѣ за единицу, которая будучи совокуплена сѣ нулемѣ составляетѣ десять 10, когдажѣ отѣимется отѣ десятка единица, тогда останется вѣ числѣ 9, а вѣ фигурѣ нуль, или круговая линѣя. *Теперь видишь*, говоритѣ онѣ, сѣ тщеславнымѣ удовольствїемѣ, и сѣ особливымѣ себя одобренїемѣ, какѣ бы онѣ подлинно полезное таинство для человѣчества открылѣ, *видишь, не сходны ли другѣ сѣ другомѣ число девять и окружность, и не справедливо ли при-*

приписано мною число девять всему протяженїю. Онъ мыслитъ, что симъ каббалистическимъ враньемъ неоспоримое сдѣлалъ доказательство, что вещество соединено съ числами девятью, а сїе число съ веществомъ. Но какое излїянїе надъ благополучїемъ человѣческимъ подобїе нуля съ круговое линѣею имѣетъ! И не весьма ли сожалѣтельно видѣть, что многїе читатели принимаютъ такой пышной вздоръ съ важностїю?

Онъ изъясняетъ превосходство числа четвернаго, которое будучи сопряжено съ прямою линѣею, по его увѣренїю, есть источникъ и органъ *всего тѣлеснаго и чувственнаго*, то есть, означаетъ первую причину; а не по таинственному изреченїю всевышняго Создателя. Истолкованїе его о семъ числѣ есть общирнѣе, нежели о девятерномъ; но мы потщимся предложить оное сократительнѣе въ томъ же смыслѣ, въ какомъ предста-

ставляетъ новый Каббалистъ оное.

Естественный кругъ растетъ вдругъ во всѣ стороны, и центръ его мещетъ изъ себя безсчетное и неисточимое множество лучей, каждый лучь почитается прямою линѣею, то по сей прямизнѣ и по способности его продолжаться до безконечности, онъ есть истинный образъ начала родителя, которой непрестанно производитъ изъ себя, и никогда не отступаетъ отъ своего закона. И какъ кругъ есть собранiе треугольниковъ, и дѣйствiя начала родителя, то есть, центра, котораго *лучь есть образъ*, открывается чрезъ тройственное произведенiе; то, прибавя только единичное число центра къ тройственному числу произведенiя его, и будетъ четверное число приписуемое прямой линѣѣ.... *что поелику всѣ вещи чувственныя*, прибавляетъ онъ, *происходятъ отъ него*, отъ четвернаго числа, *то и должны*

имѣть

имѣть ощутительной знакъ четвертнаго своего происхожденія; но какъ сіе четверное число есть единственное, начало родитель чувственныхъ вещей, яко единственное число, которому производительное качество существенно принадлежитъ, то неотмѣнно надобно быть и одной фигурѣ въ чувственныхъ вещахъ, которая бы его назнаменовала, а сія фигура, какъ сказано, есть квадратъ.

Не можно довольно надивиться въ какое сумазбродное заблужденіе, развращенное воображеніе вовлечь его могло; ибо можно ли не отступя совершенно отъ всякаго разсудка, называть все Сотворшаго квадратомъ и приписывать ему какую либо намъ извѣстную фигуру.

Потомъ онъ, объясняя о радиксѣ умственнаго своего квадрата, говоритъ: *но я могу засвидѣтельство-*

ствовать всѣмъ людямъ, да и они могутъ то узнать, какъ и я, что одно только есть число, которое въ четверо больше своего родикса. Удержусь я сколько могу, показать имъ его положительно, какъ для того, что легко его найти, такъ и для того, что есть такія истинны, которыя съ сожалѣніемъ я предлагаю. Не объ истиннахъ предлагаемыхъ жалѣть надобно; ибо полезныя истинны довольно скоро ни предложены, ни разглашены быть не могутъ; но о таковомъ безумномъ и нейстовомъ ученіи, кое составляетъ божество, изъ чиселъ и изъ фигуръ Геометрическихъ, сожелѣть надлежитъ. Не тѣ ли еще истинны, онъ съ сожалѣніемъ предлагаетъ, что сей божественный квадратъ объемлетъ Востокъ, Западъ, Сѣверъ, Югъ, что одна изъ сихъ страна управляетъ, другая принимаетъ, а двѣ противудѣйствуютъ. *Страшныя перемѣны*, прибавляетъ онъ,

кото-

которыхъ слѣды повсемѣстно видны на землѣ, принадлежатъ необходимо дѣйствiю двухъ дѣйствующихъ странъ противныхъ, то есть той, въ которой владычествуетъ огнь, и той, гдѣ владычествуетъ вода... Сколько Географы, должны быть ему обязаны за такое важное открытiе. Ибо они думали по сiе время, что вода окружаетъ всѣ страны, а не въ одной пребываетъ. — *Тогда не сталъ бы* (человѣкъ) *видимыхъ имъ ежедневно слѣдствiй, приписывать одной стихiи, кажущейся быть причиною оныхъ, потому что узналъ бы онъ, что сiи переобращенiя суть слѣдствiя непрестаннаго сраженiя сихъ двухъ враговъ, въ которомъ, иногда тотъ, иногда другой преодолѣваетъ; но въ которомъ такъ же не бываетъ побѣдитель безъ того, чтобъ то мѣсто земли, гдѣ было сраженiе не потерпѣло соразмѣрно*

съ нимъ и не получило повреждения и перемѣнъ.

Но онъ тутъ позабылъ про свою дѣйствующую временную причину, безъ которой въ веществѣ ничто не совершается. Какимъ образомъ два другъ другу врага, огонь и вода, находящіяся въ двухъ разныхъ сторонахъ, творятъ сраженіемъ своимъ страшныя перемѣны по всей землѣ, безъ вѣдома и безъ позволенія сей причины, которая такъ нерачительно управляетъ, что два врага не смотря на власть и начальство ея, производятъ на землѣ вредъ и перемѣну?

Однако онъ скоро вспомнивъ мнимую привительницу, которую онъ было въ нуляхъ при такихъ важныхъ произшествіяхъ оставилъ, говоритъ: *но еще менѣе удивительными покажуться всѣ сіи явленія, когда припомнимъ, что сіи двѣ противоположныя*

стихіи; сіи двѣ силы, или сей двойственный знакъ всеобщій въ веществѣ, всегда находятся въ зависимости причины дѣйствующей разумной, которая есть ихъ центръ и союзъ, и которая можетъ по изволенію приводить въ дѣйство ту, или другую силу, и даже предать ихъ дѣйствію низкому и злому.

Когда огнь и вода находятся въ зависимости сея причины; слѣдственно они не по враждѣ производятъ страшныя преобращенія, но по повелѣнію ея, которой они токмо суть орудія. Съ другой стороны какъ же согласить, что причина поставленная для порядка и устройства, нарушаетъ до того сіе устройство, что допускаетъ двухъ враговъ разорять глобусъ земной, и предаетъ несчастное порученное въ надзираніе ея вещество, дѣйствію злаго начала.

По мнѣнію его міръ начался осенью, и кончится лѣтомъ. Но когда міръ начался, тогда еще не было ни осени, ни зимы, ни весны, ни лѣта; какъ можно думать, что была осень, когда лѣто еще не существовало? Доказательство, которое онъ сему дѣлаетъ, столько же правильно и премудро, какъ и всѣ другія нами уже изслѣдованныя. *Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ онъ, когда существа лишаются теплоты солнца, когда сіе свѣтило удаляется отъ нихъ, тогда сближаются они взаимно и сходятся, дабы замѣнить его отсутствіе взаимнымъ сообщеніемъ собственной теплоты...*

Не правда, что бы существа сближались тогда, когда онѣ лишаются теплоты солнца; не правда, что бы сіе свѣтило удаленіемъ отъ земныхъ существъ лишало ихъ теплоты своей. Удивительно, что такой великой мудрецъ, удостоенной

 откро-

откровенїемъ причины дѣйствующей и разумной, не знаетъ, что зима бываетъ, не отъ удаленїя отъ земли солнца, но отъ приближенїя; ибо въ семъ положенїи солнца съ землею, кратковременное его пребыванїе на Горизонтѣ и пологость лучей, не могутъ сообщать столько теплоты, сколько тогда, когда оно бываетъ далѣе отъ земли, и когда прямое ударенїе лучей его, и болѣе времени пребыванїя на Горизонтѣ, нежели зимою, снизпосылаютъ на землю благотворительную теплоту возобновляющую и производящую существа, и тотъ жаръ, которой иногда съ лишкомъ ощутителенъ бываетъ. Притомъ, всѣмъ извѣстно, что существа не тогда сходятся, когда солнце лишаетъ ихъ своей теплоты, но тогда, когда теплота онаго становится чувствительнѣе; понеже обитатели воздушные начинаютъ любовные свои союзы весною, насѣкомыя осенью, однако не тогда, когда онѣ уже солнечной

теп-

теплоты лишились; многія животныя ищутъ сближенія своего лѣтомъ; да и самъ человѣкъ къ удовлетворенію естественнаго побужденія, не ожидаетъ отсутствія теплоты солнца.

Изъ сего разсужденія его, что существа сближаются, когда удаляется отъ нихъ солнце, онъ заключаетъ, что міръ получитъ лѣтомъ довершеніе своего всеобщаго теченія; потомъ прибавляетъ: *я не забылъ, что видимое нами солнце рождено, какъ и всѣ тѣла и со всѣми тѣлами вмѣстѣ; но я знаю такъ же, что есть и другое солнце весьма Физическое, котораго сїе токмо есть начертанїе и подъ надзиранїемъ котораго всѣ дѣла рожденїя и созданїя натуры производились, подобно какъ дневное и годовое обращенїе существъ частныхъ производится въ надзиранїи и по законамъ нашего солнца тѣ*

лесннаго и чувственнаго. Тутъ причина временная, которая всемъ управляетъ, и безъ которой ничто не сотворяется, паки отъ должности своея отрѣшается, и заступаетъ мѣсто ея видимое и тѣлесное солнце, по законамъ котораго существа производятся: а подъ невидимымъ физическимъ солнцемъ, коего наше есть начертанiе, онъ разумѣетъ тотъ центръ, который мещетъ изъ себя лучи неисточимые.

О семъ солнцѣ учитель нашего мнимаго пророка, прославившiйся призраками и мысленными своими странствованiями въ небесахъ и въ адѣ, но почитаемыми имъ существенными, въ одномъ сочиненiи своемъ такъ говоритъ: „что солнце есть „въ свѣтѣ безтѣлесномъ, въ томъ „я увѣрить могу, понеже я его видѣлъ. Оно кажется быть подобнымъ такому же огненному шару, какъ наше солнце, и почти такой же величины; оно удалено

„лено отъ ангеловъ, такъ какъ
„наше удалено отъ человековъ; оно
„не восходитъ и не заходитъ какъ
„наше, но пребываетъ неподвижно,
„между Зенитомъ и Горизонтомъ;
„почему ангели и наслаждаются
„вѣчнымъ свѣтомъ и безпрерывною
„весною.

Онъ по обыкновенїю своему, для извиненїя себя въ частыхъ своихъ противурѣчїяхъ и въ безобразности своихъ предложенїй не оставилъ прибавить: *и такъ, радѣя моимъ читателямъ, увѣщеваю ихъ быть осмотрительными и не судить меня, не понявъ прежде моихъ мыслей; и ежели хотятъ они разумѣть меня, то надобно иногда взоръ свой простирать далѣе того, нежели что я говорю; ибо и по долгу и изъ осторожности я оставляю многое неизъясненнымъ.* Но мы увѣщеваемъ мнимаго обладателя откровенной премудрости по

долгу человѣколюбїя, чтобъ онъ простиралъ взоръ свой къ здравому разсудку, и прекратилъ бы свои бредни, какъ изъясняемыя, такъ и неизъясняемыя.

Весьма нужна была ему осмотрительность, чтобы не дѣлать Всевышнее существо квадратомъ, и потомъ не опредѣлять ему только одной части изъ онаго; ибо онъ говоритъ: *первый бокъ квадрата, яко база, основанїе, или корень прочихъ трехъ, есть изображенїе существа перваго, единаго, всеобщаго, которое явило себя во времени и во всѣхъ произведенїяхъ чувственныхъ, но которое будучи самаго себя причина и источникъ всякаго начала, имѣетъ свое жилище особо отъ чувственнаго и отъ времени....*

По долгу почтенїя всякой твари къ сему существу, источнику всѣхъ началъ, онъ долженъ былъ удержаться называть оное бокомъ квад-

квадрата, и отсылать его въ особливое жилище. Естьли бы онъ самъ наблюдалъ осмотрительность, предписываемую имъ читателямъ; то бы онъ, такъ неистово и дерзновенно о Всевышнемъ Существѣ не разсуждалъ.

Второй бокъ (квадрата) *принадлежитъ сей причинѣ дѣйствующей и разумной...*

Третій бокъ есть тотъ, ко*торой означаетъ всѣ содѣйствія, какія бы они ни были, то есть, какъ тѣлесныя и чувственныя, такъ и невещественныя и которыя внѣ времени ....*

Чрезъ четвертой бокъ, говоритъ онъ, *должно разумѣть разныя начала, дѣйствующія во временномъ отдѣленіи; то есть какъ тѣ, которыя обладаютъ разумными способностями, такъ и тѣ*, которыя *чувствен-*

ныя токмо и тѣлесныя способности имѣютъ.....

Такая Богословїя весьма приличествуетъ той Физикѣ, въ которой преподается, что начало мїру сему было осенью, а разрушенїе и конецъ его воспослѣдуетъ лѣтомъ. Она совершенно согласуется со всѣми нелѣпостями сего мечтателя; но не приличествуетъ величеству Всемогущаго Создателя! и безумная мысль, что онъ есть бокъ одного квадрата, противна есть почитанїю, которое все творенїе воздавать ему долженствуетъ.

Итакъ, разсматривая прилѣжно четвертой бокъ сего квадрата, человѣкъ научится воистинну знать цѣну его и преимущество. Тутъ увидитъ онъ ясно заблужденїя..... Тутъ воистинну увидитъ каждый благоразумный читатель, до какой степени юродства развращенное воображенїе достигнуть

гнуть может.

Но извѣстно, присовокупляет он, *что человѣк не может уже нынѣ взирать на сей квадрат с той стороны, с какой мог прежде, и что из четырех разных отдѣлений, содержащихся в нем, занимает нынѣ самое незнатное и мрачное, когда напротив в первобытности своей занимал первое и свѣтлѣйшее.* Как мог человѣк занимать в сем квадратѣ мѣсто первое и свѣтлѣйшее, когда в оном же квадратѣ, по опредѣленiю премудраго Богослова, занимает первой бок, *первое существо источник всѣх начал?* Хотя сей химерической квадрат не может никому быть понятен; однако противорѣчiе, опредѣляющее человѣку первое и свѣтлѣйшее мѣсто там, гдѣ первое существо присутствует, ясно и внятно. Вот другое проти-

противорѣчіе которое, еще яснѣе!

Нѣтъ у него (у человѣка) болѣе сего преимущества драгоцѣннаго, которымъ онъ наслаждался во всемъ его пространствѣ, когда, имѣя мѣсто свое между квадратомъ временнымъ и между тѣмъ, который внѣ времени, могъ читать вдругъ и въ томъ и въ другомъ.... Естьли человѣкъ занималъ мѣсто между квадратомъ временнымъ и между тѣмъ, который внѣ времени, и когда онъ находясь между обоими квадратами, могъ читать вдругъ и въ томъ и въ другомъ; какимъ же образомъ онъ могъ занимать въ божественномъ или внѣ временномъ квадратѣ первое и свѣтлѣйшее мѣсто? Ибо всякому не лишенному разсудка извѣстно, что нераздѣлимое, или вещь не могущая претерпѣть раздѣленія безъ поврежденія, не можетъ быть въ одно время въ двухъ мѣстахъ отдѣленныхъ.

И такъ весьма то истинно, что не возможно нынѣ человѣку безъ вспоможенія достигнуть къ познаніямъ, содержащимся въ квадратѣ, о которомъ говоримъ; понеже онъ не является ему въ томъ видѣ, который одинъ можетъ сдѣлать ему его вразумительнымъ. И такъ совершенно истинна то, что не возможно никакому человѣку, кромѣ сего Каббалистико-Метафизическаго проповѣдника, такъ безумствовать какъ онъ. Хотя онъ и хочетъ сими словами показать, что безъ помощи сея причины дѣйствующей, которую онъ проповѣдуетъ, не можно понять сего мнимаго квадрата, и что онъ самый тотъ, который имѣлъ сіе вспоможеніе и достигъ до познанія онаго; однако мало найдется читателей, которые бы такому наглому увѣренію, тщеславіемъ и безмѣрнымъ самолюбіемъ произнесенному повѣрили; и мы можемъ утвердить,

не удаляясь отъ сущей справедливости, что всѣ его огромныя, и пустомыслїе означающїя изрѣченїя, которыми онъ хочетъ подобныхъ себѣ научить мечтанїямъ своимъ, кромѣ гордости, самохвальства, поколебанїя разсудка и шарлатанства ничего не означаютъ.

Конечно такъ же вторая причина открыла ему, что первая причина подвержена принадлежностямъ своимъ; ибо онъ о семъ такъ разсуждаетъ: *не покажется никакъ мечтательнымъ то, что я здѣсь утверждаю, когда разсудить, что и въ самомъ своемъ лишенїи человѣкъ имѣетъ еще способности желанїя и воли; а имѣя способности, надобно имѣть и принадлежности для объявленїя оныхъ; понеже и сама первая причина подвержена тому, какъ и все, что къ сущности ея принадлежитъ, что не можетъ ничего являть безъ помо-*

помощи своихъ принадлежностей. Послѣ заключенія первой причины въ квадратъ и опредѣленія ея къ одному боку, нѣтъ уже никакой нелѣпой мысли, которая бы казалась безобразностію; однако мы почитаемъ за нужное замѣтить, что слово подверженіе, не можетъ относиться къ Творцу и Содержителю всего; ибо оно значитъ принужденіе и отнятіе свободы слѣдовать волѣ своей. Въ древнее время у язычниковъ Юпитеръ былъ подверженъ судьбѣ и не могъ преступить, что сею было опредѣлено: но Всемогущество Божіе, кое есть начало и источникъ всякаго творенія и всякой принадлежности, не можетъ быть подвержено никакимъ принадлежностямъ, надъ которыми власть и владычество его возносится.

Намъ осталось еще сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія на послѣднее отдѣленіе его книги, содержащее

въ себя

въ себѣ разсужденія о единствѣ языка и о вольныхъ художествахъ; но и по симъ предлогамъ оныя тѣмъ же клеймомъ расудка управляемаго воображеніемъ мечтаніями поврежденнаго означаются. Хотя въ семъ отдѣленіи представляется не менѣе предложеній требующихъ странностію своею быть примѣчены; но мы опасаясь тѣхъ же повтореній, коими нашъ Каббалистъ расширилъ свое сочиненіе, представимъ въ краткости изслѣдованіе наше о парадоксахъ его, или несобытныхъ предложеніяхъ.

Онъ полагаетъ въ человѣкѣ быть двумъ языкамъ: одинъ внутренній, а другой наружный, и потому проситъ изслѣдовать *свойства внутренняго и скрытнаго языка и увидѣть, есть ли онъ что иное, какъ не гласъ и израженіе начала, внѣ его сущаго, которое начертываетъ въ нихъ мысль свою, и которое дѣлаетъ сущнымъ*

нымъ то, что въ немъ происходитъ. Естьли бы сїе мнимое начало начертывало мысль свою во всѣхъ человѣкахъ; то бы всѣ они имѣли мысли одинакїя и не находилось бы во мнѣнїяхъ никакой разницы между всѣми людьми, населяющими шаръ земной; и потому всѣ живущїе какъ среди Европы, такъ и Камчадалы; Японцы, Готтентоты и Гюроны имѣли бы мысль одинакую, начертанную однимъ началомъ.

По силѣ принятаго нами понятїя о семъ началѣ мы можемъ знать, что поелику всѣ люди должны быть имъ управляемы, то во всѣхъ ихъ надобно быть и единообразному направленїю, одинакой цѣли и одинакому закону, не взирая на необъятное многоразличїе добрыхъ мыслей, какїя могутъ быть имъ чрезъ сїе средство сообщаемы. Послѣ того

что начало начертываетъ въ людяхъ мысль свою и направляетъ ихъ къ единой цѣли, изрѣченіе *сообщаетъ имъ* разныя мысли, есть предложеніе противорѣчіе показующее: ибо не можетъ быть въ людяхъ единообразное направленіе, когда имъ сообщены разныя мысли, которыя должны направлять по разнымъ, свойственнымъ симъ мыслямъ, устремленіямъ.

Онъ паки повторяетъ, что естьли бы позволено ему было, то бы онъ показалъ, что *отъ зачала міра былъ языкъ, который никогда не терялся и который не погибнетъ и послѣ кончины міра*... Послѣ увѣренія его, что міръ окончится лѣтомъ, напрасно онъ мыслитъ, чтобъ ему не позволено было безумствовать о языкѣ, которой и послѣ сей лѣтней кончины міра не погибнетъ. Но о такомъ негиблющемъ языкѣ, который и тогда, когда

міръ

мїрѣ и люди изчезнутъ, хотя онъ для людей и былъ сдѣланъ, существовать не престанетъ, надлежало было сказать, что онъ не отъ зачатїя, но прежде еще зачатїя мїра былъ, когда онъ и послѣ кончины онаго не погибнетъ. Вотъ еще сильнѣйшїй доводъ о существѣ сего языка! Онъ увѣряетъ, что *разлученные вѣками и самые современники, хотя и въ дальнемъ разстоянїи другъ отъ друга, понимали одинъ другаго посредствомъ сего всеобщаго и негиблющаго языка.* Симъ вѣрнѣйшимъ доказательствомъ, онъ не только неоспоримо утвердилъ бытїе сего языка, но еще и удостовѣрилъ, что онъ самъ тотъ, который можетъ разговаривать съ усопшими и съ тѣми, которые отъ него отдалены на нѣсколько тысячь верстъ.

По сей премудрой способности разговаривать съ умершими или съ духами ихъ, и съ отсутствующи-

ми, не можно сомнѣваться, чтобъ Господинъ пророкъ Мартинъ всю глубокую свою науку, не почерпнулъ изъ писаній собесѣдника ангеловъ, и сказывавшагося посланникомъ Божіимъ Шведенбурга, который вправду безо всякаго покрова и безъ всякой Аллегоріи увѣряетъ, что онъ видалъ ангеловъ, съ ними говаривалъ, знаетъ ихъ жилище, ихъ обхожденіе, и который писалъ къ одному ученому, называемому Гартлеемъ, что онъ, кромѣ Штокгольмской Академіи, не хотѣлъ ни къ какой другой быть причисленъ, для того, что онъ есть членъ сообщества ангельскаго. Сей мечтовидецъ въ томъ же письмѣ такъ изъясняется: ,,какія бы ,,почести и какія бы выгоды не ,,долженствовали произойти изъ ,,того, о чемъ я вамъ выше упо- ,,миналъ; но я мало оныя ува- ,,жаю, когда ихъ сравниваю съ ,,славою священной должности, къ ,,которой самъ Богъ меня воз- ,,звалъ: ему угодно было въ 1473

,,году явить себя лично мнѣ не-
,,достойному рабу своему, дабы
,,отверзнуть во мнѣ зрѣнїе свѣ-
,,та безтѣлеснаго, и одарить
,,меня способностїю имѣть сооб-
,,щенїе съ духами и ангелами.
А еще въ другомъ письмѣ къ Ландграфу Дармштатскому, онъ увѣдомляетъ его, что онъ разговаривалъ съ одною умершею дамою, а шесть мѣсяцовъ прежде письма его къ Ландграфу, съ покойнымъ Станиславомъ Королемъ Польскимъ, потомъ съ послѣднимъ умершимъ Папою Римскимъ, который будто послѣ смерти своей, пробывъ съ нимъ цѣлой день, оставилъ его, дабы присутствовать на собранїи Iезуитовъ, въ коемъ онъ предсѣдательствовалъ два мѣсяца. ,,Я видѣлъ, прибавляетъ онъ ,,какъ онъ вознес-
,,ся отъ нихъ, и тогда мнѣ
,,позволено было собесѣдовать съ
,,нимъ въ разныя времена; но не
,,позволено было ничего сказывать

„ объ образѣ его жизни и о его
„ состоянiи.

Не льзя въ ученiи, такого всевышнею благодатiю вдохновеннаго наставника, не прiобрѣсть дарованiе разговаривать съ мертвыми и съ отсутствующими!

Онъ исчисляетъ всѣ преимущества сего языка; между прочими полезными отмѣнностями онаго, сказываетъ, что онъ можетъ показать силу сѣвера, дѣвственную землю, и что Полководцы средствомъ симъ имѣли успѣхи въ сраженiяхъ. И потомъ прибавляетъ: *но кромѣ того, что не льзя мнѣ здѣсь быть откровенну, не наруша моего обѣщанiя и моихъ обязанностей, безполезно говорить о семъ яснѣе; ибо слова мои потеряны будутъ для тѣхъ, которые не обратили взора своего на сiю сторону: а таковыхъ несчетное почти есть число.*

Когда онъ при всякомъ умноженiи сумасбродства всѣми силами старается увѣрять, что ему всѣ таинства божественныя и естественныя извѣстны, и не, устаетъ по скромности своей въ познанiи оныхъ показывать самохвальство; то и мы не должны уставать въ испровержепiи столь рѣдкаго тщеславiя и изо всѣхъ силъ восглашать, что кромѣ легковѣрныхъ, никто ему въ мнимыхъ его таинствахъ не вѣритъ.

Онъ увѣдомляетъ, что онъ съ такою же осторожностiю говорить долженъ, что сей истинный языкъ обнаруживается слухомъ и зрѣнiемъ; слѣдственно разность между внутреннимъ и наружнымъ языкомъ, утвержденная имъ прежде исчезла, и теперь уже паки она смѣшалась вкупѣ. Здѣсь надобно замѣтить увертку его: когда онъ почувствуетъ, что онъ сказалъ нелѣпость, въ которой надобно ему извиниться;

тогда онъ дѣлаетъ другія предложенія затмѣвающія первыя, и подъ видомъ таинственнаго смысла присвоилъ себѣ право предлагать читателямъ всякое сумасбродство, какое у него въ воображеніи сотворяется. Ибо мы немного выше видѣли, что онъ утвердительно и безо всякаго покрова увѣрялъ, что *разлученные вѣками и самые современники, хотя и въ дальнемъ разстояніи другъ отъ друга, понимали одинъ другаго посредствомъ сего всеобщаго и непогибающаго языка*, то есть посредствомъ того языка, который и послѣ кончины міра существовать будетъ; но теперь онъ такъ изъясняется.

Какъ бы могъ онъ (человѣкъ) *разумѣть людей, которые или прежде его, или въ отдаленіи жили, естьли не помощію писанія? Однако надобно согласиться и въ томъ, что сіи люди преж-*

прежде бывшїе, или отдаленные, могутъ имѣть переводчиковъ, или толкователей, которые, равно съ ними обучены будучи истиннымъ правиламъ языка, о которомъ говоримъ, употребляютъ его въ разговорахъ, и такимъ образомъ сближаютъ времена и отдаленныя мѣста. Всѣ употребляемые языки какъ древнїе, такъ и нынѣшнїе имѣли и имѣютъ дѣйствїе сообщать человѣческїя мысли однихъ другимъ, отдѣленныхъ разстоянїемъ времени и мѣста. Ибо въ нынѣшнемъ вѣкѣ читаютъ Гомера и Виргилїя; средствомъ писанїя живущїе въ Лиссабонѣ и Петербургѣ, въ Лондонѣ и въ Мадрасѣ, въ Парижѣ и въ Пондишери, между собою разговаривать могутъ; слѣдственно сей истинный языкъ не имѣлъ бы никакого преимущества, естьли бы онъ намъ его въ семъ смыслѣ представлялъ. Но сїе простое изображенїе онаго, есть только покровъ, дабы легковѣрныхъ

увѣрить, что онъ точно знаетъ тотъ языкъ, которымъ можно съ умершими и съ отдаленными разговаривать; а предъ здравомыслящими оправдиться тѣмъ, что прежнее его предложенїе разумѣлось о языкѣ употребляемомъ. Какъ можно имѣть довѣренность къ писателю, который не только что мечтательныя разсужденїя, но еще и двоякїя, могущїя быть уклонны на ту сторону, на которую нужда потребуетъ, съ пышностїю называетъ истинными.

По преданности своей къ тройственному числу, находитъ онъ во всѣхъ языкахъ только *три коренныя части рѣчи: имя, или мѣстоименїе дѣйствительныя; глаголъ; имя, или мѣстоименїе страдательное*.... Грамматисты въ семъ оспоривать его не будутъ; но не съ такимъ снисхожденїемъ дозволятъ они ему подобїе меркурїя съ глаголомъ: ибо

онъ

онъ говоритъ, *что глаголъ въ нашихъ способностяхъ умныхъ есть образъ дѣйствія, а въ началахъ тѣлесныхъ образъ меркурія.* Тутъ цѣломудренный нашъ учитель, представляетъ намъ еще новый примѣръ похвальной скромности своей, изъясняясь такимъ образомъ:

Теперь обрати мысль свою на сказанное мною о вѣсѣ, числѣ и мѣрѣ; розсмотри, не объемлютъ ли сіи законы во владычествѣ своемъ человѣка со всемъ, что въ немъ и отъ него происходитъ; вспомни еще и то, что я сказалъ о славномъ тройномъ числѣ, которое объявилъ я всеобщимъ; изслѣдуй, есть ли вещь, которой бы оно не объимало: и тогда научись имѣть благороднѣйшую идею, нежели какую до нынѣ имѣютъ о томъ существѣ, которое, не взирая на свое униженное состояніе, можетъ толь

высоко возводить взоръ свой, которое можетъ такія познанія привлекать къ себѣ и понимать вдругъ толь великое цѣлое. То есть, что онъ заставляетъ людей почитать его благороднѣйшимъ существомъ для того, что онъ возвелъ взоръ свой на квадратъ, на дѣйствующую причину, и для того, что онъ имѣетъ сообщеніе съ безтѣлеснымъ существомъ; а тѣмъ и хочетъ сказать, что родъ человѣческій ему много обязанъ, и долженъ на него съ почтеніемъ возводить взоръ свой, такъ какъ онъ повелѣвалъ прежде сіе чинить за то, что онъ пріобрѣлъ надъ нимъ право рабства; а теперь за то, что онъ возвожденіемъ своего взора въ превыспренніе и высокомечтательные предѣлы, пріобрѣлъ право человѣкамъ имѣть о себѣ благороднѣйшую идею.

Главное доказательство, что меркурій подобенъ глаголу, онъ

так предлагает: .... *Наконец пусть разсмотрят примечатели, не чрез сей ли знак, называемый глаголом, являемо бывает в нас все, что ни есть умственнейшее и действительнейшее; не он ли один способен подкрепить, или ослабить выражение; ....* Хотя сія неправильность грамматическая всеобщею своею известностію и не требует возраженія; однако, дабы не подумали, что мы попущаем его делать нападеніе на безвинную пред ним Грамматику, и отнимать владычество у ней над теми частьми речи, коими она издревле управлять обыкла, мы объявим сему новому учителю языка, посредством коего он может с отдаленными и с мертвыми говорить, что глагол не имеет способности подкрепить, или ослабить выраженіе; к сему делу принадлежат вспомогательныя части слова; Ибо естьли кто,

желая изъяснить силу, или слабость какого дѣйствїя самимъ имъ, или кѣмъ другимъ производимаго, произнесъ бы токмо одинъ глаголъ, напримѣръ: брежу, завралея; тотъ бы означилъ только простое дѣянїе безъ подкрѣпленїя и безъ ослабленїя онаго; но естьли изъясняющїй сїи глаголы, изображающїе просто дѣянїя, прибавитъ къ нимъ слова: очень, много, мало и проч; тогда чрезъ оныя объяснится подкрѣпленїе, или ослабленїе глагола. Потому и нельзя приписать глаголу то свойство, коего онъ не имѣетъ, и которое принадлежитъ только прилагательнымъ именамъ: ибо изъ положительнаго, дѣлаются степени разсудительныя и превосходныя, напримѣръ: славенъ, славнѣе; мудрый, мудрѣе.

И такъ да увѣрятся Грамматисты, продолжаетъ съ обыкновеннымъ своимъ благоразумїемъ, *что поелику законы науки ихъ при-*

придержатся начала, какъ и всѣ прочія, то могутъ съ оныхъ открыть неизчерпаемый источникъ познаній и истиннъ, о которыхъ едва ли имѣютъ малѣйшую идею.

Къ пріобрѣтенію сихъ истиннъ онъ преподаетъ слѣдующій способъ: надлежитъ паче всего примѣчать, что прилагательное не можетъ само собою присоединиться къ существительному, равно какъ существительное одно безсильно произвесть прилагательное; и то и другое ожидаетъ вышшаго дѣйствія, которое бы свело ихъ вмѣстѣ и связало по изволенію своему... И такъ, естьли кто захочетъ сказать, или написать существительное съ прилагательнымъ, тому надлежитъ ожидать вышшаго дѣйствія, которое бы ихъ вмѣстѣ связало по соизволенію своему! И послѣ сего можно ли искать паки смысла въ на-

такомъ ученіи, въ которомъ первымъ правиломъ поставляется, никогда не быть согласнымъ съ здравымъ разсудкомъ?

Онъ отвѣтствуетъ читателямъ, которые *полюбопытствуютъ знать какъ называется и какого рода есть сей языкъ*, что *въ разсужденіи имени*, онъ не можетъ *удовольствовать ихъ, потому что* онъ *обѣщался не именовать ничего; но что касается до роду его*, што онъ признается, *что ето есть тотъ языкъ, который есть цѣль желаній всѣхъ народовъ земли, которой тайно руководствуетъ людямъ во всѣхъ ихъ установленіяхъ, въ которомъ каждой изъ нихъ особливо и тщательно управляется, не зная того самъ и которой стараются они изобразить во всѣхъ своихъ дѣлахъ; ибо онъ столь глубоко въ нихъ начертанъ, что не могутъ произвесть*

звесть никакого дѣла, на которомъ бы не было знаковъ его. И потомъ такъ глубоко забредилъ, что мы принуждены его оставить, наполнять нѣсколько страницъ предложенїями безсмысленными, одинъ звукъ только изрѣченїй представляющими, и обратиться къ обѣщанїю его ничего не именовать, относительно къ коему мы замѣтимъ, что не удобно именовать вещи постыдныя и тѣ, которыя могутъ оскорбить въ обществѣ нравственное согласїе; но обѣщанїе не именовать вещи, могущїя просвѣтить человѣковъ, для коихъ писанїе предпринимается, есть дѣло противъ благоразумїя и искренности, которая во всѣхъ писателяхъ, трудящихся для всеобщей пользы, должна быть первымъ достоинствомъ и ими предводительствовать.

Наконецъ онъ восклицаетъ: *Но умоляю, о святая истинна! я буду похититель твоихъ*

 правъ,

правъ, ежели и темнымъ образомъ возвѣщу тайны твои.... Признаться должно, что мы внутренне давно желали, чтобъ онъ сїе благое намѣренїе принялъ; ибо всѣ его мрачныя разсужденїя, ежеминутно разсудку и понятїю человѣческому противоборствующїя, отнимаютъ бодрость и охоту, не только къ изслѣдованїю, но и къ единственному прочтенїю оныхъ. Относительно же до повѣренности въ откровенїи ему таинства отъ истинны; то сїе предложенїе имѣетъ на себѣ такой же знакъ правильности, какъ и всѣ его разсужденїя. Ибо, естьли святая истинна удостоила его сообщенїемъ ему таинствъ своихъ съ тѣмъ, чтобъ онъ о нихъ не объявлялъ; то все пустословное его сочиненїе было бы въ противность столь величайшему ея къ нему снисхожденїю: естьли же она выбрала его быть повѣреннымъ своимъ съ тѣмъ, чтобъ онъ просвѣтилъ родъ человѣческой, то

онъ

онъ поступаетъ вопреки ея намѣренію, когда темнымъ образомъ и не явственно возвѣщаетъ таинства ея; слѣдственно въ такомъ его восклицаніи смысла никакого не находится. Сверьхъ сего мы еще повторимъ, естьли таинства благо человѣческое содержатъ, то не надобно возвѣщать ихъ темнымъ образомъ, но со всевозможною ясностію: естьли же онѣ противныя свойства имѣютъ, въ такомъ случаѣ не надлежитъ ихъ возвѣщать, ни темнымъ, ни яснымъ образомъ.

И такъ имѣя вегда, прибавляетъ онъ, *руководителемъ моимъ благоразуміе, скажу далѣе*... Весьма странно видѣть превозносящагося благоразуміемъ того, который отъ него столько удалился, что уже больше не ступаетъ, какъ по стезямъ безумія!

Но къ большому нашему сожалѣнію, онъ однако же не сохранилъ

похвальнаго своего обѣщанія умолкнуть; но принуждаетъ насъ еще слѣдовать за собою въ разногласномъ съ разумомъ проповѣдываніи своемъ, и возвѣщая темнымъ образомъ тайны о неисчетной различности писменъ, увѣряетъ, что *люди не могутъ ничего изобрѣтать.* Надобно ли ему напомнить, что полезныя изобрѣтенія въ наукахъ и въ художествахъ, напримѣръ: земледѣліе, мореплаваніе, магнитная стрѣла, тисненіе книгъ, увеличивающія и уменшающія стеклы, дѣланіе самаго стекла, фарфоръ, часы и многія вещи, служащія къ ежедневному употребленію въ жизни человѣческой открыты людьми. Боиль, Бюфонъ, Гартсекеръ, Спаланциній обогатили Физику своими изобрѣтеніями; Сенторій, Гарвей, Мальпигій, Левенгекъ, Фізіологію; Невтонъ, Картезій, Лейбницъ сдѣлали множество изобрѣтеній въ Математикѣ, въ Физикѣ и Астрономіи. Они ради пользы человѣческаго рода,

не

не покрывались мнимыхъ таинствъ покровами, и благоразуміе ихъ не позволяло имъ предлагать читателямъ безобразныя разсужденія, которыя бы токмо отягощали тщетнымъ и безплоднымъ прилѣжаніемъ къ понятію оныхъ, и отнимали бы у нихъ время, могущее быть употреблено съ успѣхомъ на другіе предлоги пользу существенную, а не мнимую доставляющіе.

Въ доказательство, что люди ничего не изобрѣтаютъ, онъ подъ руководительствомъ своего благоразумія разсуждая о живописи, такъ говоритъ:

Однако чрезъ самую сію грубую живопись можемъ удостовѣриться совершенно въ сей неоспоримой истиннѣ, объявленной выше сего, то есть, что люди не изобрѣтаютъ ничего.... Надлежитъ примѣтить, что онъ всѣ свои бредни называетъ истиннами... *Не*

 съ тѣлес-

съ тѣлесныхъ ли существъ они сочиняютъ свои картины? Да и могутъ ли съ чего инаго брать оныя? потому, что живопись есть наука для глазъ, то и не можетъ она заниматься, какъ токмо чувственнымъ, и находиться, какъ токмо въ чувственномъ же. Однако недавно упоминаемыя нами изобрѣтенія, не въ живописи были учинены, но по другимъ предмѣтамъ несравненно важнѣйшимъ; а потому и несправедливо, чтобъ люди ничего не изобрѣтали. Не изъискивая, можно ли найти въ живописи представленія не существующія въ натурѣ, мы замѣтимъ, что химеры съ полезными изобрѣтеніями, имѣютъ разницу безконечную.

Скажетъ кто, прибавляетъ онъ, *что живописецъ не только можетъ обойтися безъ чувственныхъ вещей, но еще возвысясь надъ ними, можетъ*

брать

брать себѣ образцы въ воображенїи своемъ? Сїе возраженїе легко опровергнуть; ибо дадимъ всю волю воображенїю, позволимъ ему заблуждать, какъ хочетъ; спрашиваю, можетъ ли оно родить что нибудь, которое бы не въ натурѣ было, и можно ли когда сказать, чтобъ воображенїе сотворило что нибудь? ..... Симъ вопрошенїемъ онъ разрушаетъ возраженїе свое, которое онъ самъ себѣ представилъ; ибо вся книга его свидѣтельствуетъ, что все то, что воображенїе его возродило въ оной, того конечно въ натурѣ нѣтъ и быть не можетъ: понеже слово натура, взятое, какъ извѣстно изъ Латинскаго языка, значитъ вещество вообще и бытїе всѣхъ возможныхъ существъ тѣлесныхъ, ихъ движенїе, сношенїе и дѣйствїе одного надъ другимъ. И потому двойственные его законы, отражательное дѣиствїе, безтѣлесныя начала, причина дѣй-

ствующая, квадратъ имѣющій божественныя дѣйствія и прочія всѣ нелѣпости, не могутъ быть что другое, какъ химеры развращеннаго его воображенія не существующія въ натурѣ.

Да избавитъ насъ обязанность наша отъ прегрѣшенія, содѣваемаго нами обращеніемъ мысли нашей, на толь неистовыя и противныя премудрости Божіей положенія! Предпріятіе наше испровергнуть, поелику есть въ возможности нашей, дерзское и безумное ученіе, творитъ нашу обязанность со всемъ другаго рода, нежели его обязанность; ибо гордость и тщеславіе быть главою секты, принудило его вступить въ свою для вымышленія химеръ, коими онъ владычествовать надъ послѣдователями своими приготовляется: а наша состоитъ въ томъ, чтобъ разрушить оныя и прогнать ихъ паки въ мечтательные предѣлы, откуда блудящее воображе-

браженіе лживаго пророка ихъ изторгло.

Мы съ сожалѣніемъ должны сдѣлать еще одно замѣчаніе на уподобленіе имъ Существа Всесотворшаго, о коемъ всякой благоразумной твари не только говорить, но и мыслить подобаетъ съ почтеннымъ благоговѣніемъ, на уподобленіе, говоримъ мы, сего Существа музыкальному согласію называемому совершенному. Онъ предварительно такъ изъясняется: *предлежитъ намъ еще изслѣдовать одно изъ произведеній сего истиннаго языка, котораго понятіе стараюсь возвратить людямъ.....* Сими словами онъ по обыкновенной и видно сродной ему скромности хочетъ сказать: *взирайте людіе съ признательностію на мою къ вамъ благость; я хочу вамъ возвратить сей Божественный языкъ, которому меня научила причина дѣйствующая временная!*

 Но

Но по нещастїю сїе самохвальство, не соотвѣтствуетъ старанїю его возвратить мнимой сей языкъ; ибо все, что онъ о томъ ни говоритъ, столько же вразумительно, какъ и то, что уже мы видѣли.

Такимъ образомъ онъ къ возвращенїю сего всеобщаго языка говоритъ: *вопервыхъ, то, что извѣстно намъ въ Музыкѣ подъ именемъ совершеннаго строя, есть для насъ образъ сея первыя единицы, которая содержитъ въ себѣ все и отъ которой все происходитъ; потому что сей строй есть единственный, что онъ самъ въ себѣ полнъ, и не имѣетъ нужды въ помощи инаго тона, кромѣ своихъ собственныхъ; словомъ, потому что онъ неизмѣненъ во всей внутренней силѣ, какъ и единица....*

Естьлибъ можно было человѣку дѣлать такїя сравненїя не отступая

отъ

отъ разсудка; то бы и въ такомъ случаѣ сравненїе сїе было столько же несправедливо, сколько и сравненїе Квадрата съ Всевышнимъ Творцомъ есть неистово. Ибо совершенное согласїе въ Музыкѣ, столько же резнствуетъ отъ единицы, сколько число 8 отлично отъ одного: потому что строй совершеннаго согласїя составленъ изъ перьваго или главнаго тона, изъ Терцїи большой или меншой, изъ Квинты и наконецъ изъ Октавы; то можно ли уподобить единицѣ разные тоны, означающїе разныя числа, но составляющїе одно согласїе? Притомъ не правда, что бы совершенный строй былъ единственный; понеже оныхъ въ Музыкѣ находится естественнымъ образомъ 24, половина называемыхъ Маїорныхъ, а другая Минорныхъ.

Извѣстно, что Октава не иное что есть, какъ повторенїе начальнаго тона, и что она содер-

жится въ главныхъ тонахъ, которые звонкія тѣла издаютъ выше перьваго тона, въ какомъ бы то строю ни было. Онымъ изобрѣтеніемъ, что звонкое тѣло издаетъ, кромѣ перьваго тона Квинту и Октаву, Музыканты обязаны Тартинію славному Виртуозу, находившемуся въ городѣ Падувѣ, близъ Венеціи, и съ которымъ одинъ изъ нашихъ сотоварищей въ семъ изслѣдованіи, имѣлъ случай часто собесѣдовать. Сей искусный Музыкантъ, перьвый примѣтилъ, что басовая струна контръ баса издавала перьвой тонъ, называемый тонъ родитель, и надъ нимъ его Квинту и Октаву.

Мы здѣсь замѣтимъ, какое насильственное притяженіе онъ дѣлаетъ къ тѣмъ числамъ, которыя онъ избралъ себѣ кумирами. Ибо онъ говоритъ: *четверной промежутокъ есть главный дѣйствователь строя; онъ находится выше прочихъ двухъ промежутковъ трой-*

тройныхъ, дабы начальствовать и управлять всемъ дѣйствїемъ, подобно какъ сїя причина дѣйствующая и разумная, которая, какъ мы видѣли, господствуетъ и правитъ двойственнымъ закономъ всѣхъ существъ, одѣянныхъ тѣлами. Онъ не можетъ, подобно ей, терпѣть никакого смѣшенїя, и когда дѣйствуетъ одинъ, какъ сїя всеобщая причина времени то вѣрно всѣ его содѣйствїя правильны.

Ни одного слова тутъ нѣтъ, которое согласовалось бы съ малѣйшею справедливостїю; понеже послѣ Терцїи Маїоръ не бываетъ цѣлаго тона, но токмо половина тона; потому Кварта, не только не начальствуетъ, надъ согласїемъ, но еще и портитъ оное; а мѣсто сїе, которое онъ приписуетъ Квартѣ, дабы являть мнимое могущество четвернаго числа занимаетъ Квинта; и ее справедливо почесть можно послѣ Перь-

перьваго тона действователемъ совершеннаго строя; ибо она природнымъ образомъ находится въ перьвомъ тонѣ или тонѣ родителѣ, такъ какъ мы выше сего упоминали. Видно, что нашему Метафизику, не очень извѣстно употребленіе Кварты и Квинты въ музыкальныхъ сочиненіяхъ: но дабы устроить непонятную систему свою, онъ вооружился и противъ здраваго разсудка и противъ правды, въ чемъ ясно свидѣтельствуютъ приведенныя предъ симъ его предложенія.

Знаю однако, что сія Октава, будучи токмо повтореніе начальнаго тона, можетъ по строгости отнята быть и не входить въ счисленіе тоновъ, составляющихъ совершенный строй.... Можно отнять Октаву мысленно, но въ исполненіи совершеннаго согласія на инструментахъ отнять ее не можно; ибо казваніе совершеннаго согласія не будетъ уже ему больше

ше приличествовать, понеже безъ Октавы оно будетъ не совершенно... *Октава есть*, прибавляетъ онъ, *первый действователь или первый органъ, чрезъ который десять могли дойти до нашего сведенія.* Сіе смешнымъ образомъ таинственное израженіе, то же заключаетъ въ себе, что мы прежде о числе десяти видели, будто бы оно есть центръ, испускающій лучи безконечные: въ теперешнемъ же случае число десять, значитъ ту же безконечность, токмо безъ центра, по той причине, что, естьли къ Октаве приложить число два, то сіе составитъ новую Терцію; почему можно производить согласіе до безконечности, и потому Октава есть первый органъ, который служилъ къ столь полезному понятію. И такую странномузыкальную науку, на разладе мыслей его, разстроеннымъ воображеніемъ сочиненную, благоразумный и скромный писатель, пріобретшій право раб-

ства

ства надъ подобными себѣ представляетъ съ важностїю, яко благо человѣческое доставляющую!

Мы здѣсь представимъ еще образцикъ премудраго его разсужденїя, дабы читатели наши могли сами судить о благоразумїи его. Мы подражая ему, возмемъ число четыре; толь сїе справедливо, что люди иногда не вѣдая и сами, берутъ примѣры съ тѣхъ, съ которыми они чаще въ обхожденїи бываютъ, возмемъ число четыре, говоримъ мы, и предложимъ четыре слѣдующїе параграфа, изъ высомысленнаго его ученїя; ибо разсужденїя его, заключающїяся въ оныхъ, суть такой силы.

Мы видѣли, говоритъ онъ, *что кварта господствуетъ надъ двумя нижними терцїями и что сїи двѣ нижнїя терцїи суть образъ двойственнаго закона, управляющаго существами стихїйными*

ными. Не самая ли натура здѣсь показываетъ разность между тѣломъ и его началомъ, представляя намъ одно зависимымъ и покореннымъ, а другое яко начальника его и подкрѣпителя?

Сіи двѣ терціи въ самомъ дѣлѣ показываютъ намъ своею разностію состояніе тлѣнныхъ вещей натуры тѣлесной, которая стоитъ на соединеніи двухъ разныхъ дѣйствій; и послѣдній тонъ, составленный изъ единаго промежутка четвернаго, есть еще изображеніе перваго начала; ибо онъ какъ чиномъ своимъ, такъ и числомъ напоминаетъ намъ простоту, великость и неизмѣняемость.

Но сіе не потому, чтобъ сія кварта гармоничная была болѣе долговѣчна, нежели всѣ прочія сотворены вещи. Когда

она чувственная, то должна быть и преходящая; однакожъ въ самомъ преходящемъ своемъ дѣйствіи живописуетъ разумѣнію сущность и постоянность своего источника.

И такъ въ сочетаніи промежутковъ совершеннаго строя находимъ все, что есть страдательное, и все, что есть дѣйствительное, то есть все, что существуетъ, и все, что человѣкъ можетъ вздумать.

И такъ сочетаніе, такого великаго множества бредней, причиняетъ всякому терпѣливому читателю довольно страданія, и заставляетъ его роптать, что въ немъ дѣйствуетъ такое отмѣнное сумасбродство и существуетъ столько тщеславія, что заставило его вздумать такія нелѣпости. Послѣ чего лучше не можно ничего сдѣлать, какъ закрыть книгу соборища

оныхъ

оныхъ и никогда въ нее не заглядывать.

Однако мы не можемъ оставить безъ замѣчанія еще предложенія его особливою странностію означающагося, онъ говоритъ, *что зло родилось и явилось въ свѣтъ отъ того, что октава уничтожена стала, и на мѣсто ея поставленъ новый тонъ септимы, что и составляетъ новый строй септимы....*

Не правда, что бы октава уничтожена была; ибо ее такъ возможно уничтожить, какъ и всѣ тоны; и строй септимы такъ же давно существуетъ, какъ и строй совершенный; а потому и не льзя его назвать новымъ.

И понеже натура не можетъ иначе держаться, какъ помощію двухъ дѣйствій противныхъ; отъ чего и происходятъ

 примѣ-

примѣчаемыя нами, сраженїе и насилїе, смѣсь правильности и безпорядка, которыя въ точности изображаетъ намъ гармонїя чрезъ совокупленїе согласїй и разногласїй, изъ которыхъ состовляются всѣ музыкальныя произведенїя.

Естьли бы мы самимъ дѣломъ хотѣли возражать на такой Музыкальной вздоръ, уху и понятїю противной; то бы мы по справедливости подвергнулись нареканїю, что и мы столько же отступили отъ здраваго разсудка, сколько самъ сочинитель, порабощенный надмѣрному тщеславїю своему, причуждающему его употреблять всѣ силы свои, дабы уничтожить оной. Правда, онъ почувствовавъ, что онъ не обыкновенно заврался, прибавляетъ: *безъ сомнѣнїя чувствуютъ они,* (читатели) *что я представляю аллегорїю, когда говорю, что ежели бы совершенный строй*

строй пребылъ въ истинномъ своемъ естествѣ, то зло еще бы не родилось; ибо, по силѣ выше утвержденнаго начальнаго положенія, невозможно порядку музыкальному въ своемъ частномъ законѣ быть равнымъ съ вышшимъ порядкомъ, котораго онъ есть токмо изображеніе. Но сими словами онъ утверждаетъ, что онъ не аллегорію представлялъ, но дѣлалъ въ прямомъ смыслѣ словъ описаніе высшаго порядка изображеніемъ музыкальнаго порядка; понеже, по увѣренію его, сей порядокъ есть изображеніе перьваго.

Послѣ такихъ благоразумныхъ разсужденій, онъ говоритъ: *но вездѣ удерживаютъ меня благоразуміе и долгъ мой; ибо въ сихъ матеріяхъ единый пунктъ ведетъ ко всѣмъ прочимъ; и естьли бы заблужденія, которыми науки человѣческія заражаютъ мой родъ, не принудили меня пред-*

 при-

принять защищенїе его, не принялся бы я никакъ писать ни о которомъ изъ нихъ. Забавно кажется, видѣть человѣка въ одно время напоминать о своемъ благоразумїи, и предлагать разсужденїя совсемъ оному противныя! И можетъ ли быть благоразумїе въ такомъ отвратительномъ самохвальствѣ, что онъ принужденъ предпринять защищенїе всего рода человѣческаго? И въ чемъ состоитъ сїе защищенїе? Въ съумасбродныхъ бредняхъ никому не понятныхъ! Онъ не размысля, что для истребленїя заблужденїй, или по его сказать, для защищенїя отъ нихъ, надобно было писать вразумительно, печется только о удовлетворенїи честолюбїя своего; и для того *безбоязненно* приписываетъ себѣ достоинство защитника рода человѣческаго, а чрезъ то, дабы по скромности своей, хотя безмолвнымъ образомъ объявить, что онъ сотворенъ для изведенїя человѣковъ изъ

заблуж-

заблужденій къ пагубѣ ихъ сопровождающихъ; по чему они будучи ему обязаны избавленіемъ своимъ, должны съ почтеніемъ на него возводить взоръ свой, такъ какъ онъ прежде уже сего и требовалъ. Прилично ли такому мрачному писателю возноситься защищеніемъ рода человѣческаго? Присвоеніе себѣ такой славы, не простительно бы было и въ томъ, которой предлагая ученіе свое ясно и вразумительно, просвѣтилъ бы совершенно родъ человѣческой. Но справедливое достоинство не надмѣнно и не самохвально: оно не знаетъ пышныхъ израженій, которыми мнитъ лживое обратить на себя удивленіе; оно старается быть полезнымъ, укрываясь подъ скромностію своею, а не подъ покровомъ гордости, ежечасно возвѣщающей о своей глубокой мудрости и сверьхъ естественномъ познаніи. Не науки заражаютъ родъ человѣческой, но невѣжество и лживыя разсужденія, возвышающія мечты на

жертвенникъ правды.

Вотъ еще одна изъ его истиннъ, которая, хотя не столько важна, какъ та, что *Божество есть квадратъ, или человѣкъ не имѣетъ права подчинять себя начальной власти и вступать въ какое либо обязательство*; или какъ та истинна, *что человѣкъ можетъ познанїями и качествами своими прїобрѣсть право рабства надъ подобными себѣ:* однако странностїю своею требуетъ отличенїя. Онъ увѣряетъ, что *совершенный строй все смиряетъ и приводитъ въ стройность; то не льзя сомнѣваться, что и послѣ переворота стихїй начала, бывшїя съ ними въ сраженїи, должны обрѣсти прежнее свое спокойствїе; изъ чего, ежели отнести сїе къ человѣку, должны мы познать, сколько можетъ истинное познанїе Музыки предохранить его отъ страха смерти,* по-

потому что сія смерть есть ничто иное, какъ трель, которая оканчиваетъ разстроенное состояніе человѣка и приводитъ его къ четыремъ согласіямъ.

Хотя его благоразуміе и не могло его удержать, отъ жестокосердаго прекращенія жизни рода человѣческаго смертоносною трелью; однако наше благоразуміе не позволяетъ намъ больше шествовать за симъ новымъ Орфеемъ, не воскрешающимъ, какъ древній, но умерщвляющимъ трелью подобныхъ себѣ; и для того при сей трели мы прекратимъ наше изслѣдованіе бредней его, пожелавъ ему больше здраваго разсудка, нежели сколько онъ его имѣетъ.

КОНЕЦЪ.

ТАБЛИЦА ПОКАЗУЮЩАЯ СТРАНИЦЫ ТЕКСТА И ИЗСЛѢДОВАНІЯ ОНАГО.

Страницы Изслѣдованія.	Страницы Текста.	Страницы Изслѣдованія.	Страницы Текста.
7, 9 - -	3	30, 31 - -	35
10 - -	4	32, 33 - -	36
11 - -	6		
13 - -	11		
14 - -	12	34	
15 - -	13	35	37
16 - -	14	36	38
18 -	15	37	
21 - -	28		
22 - -	16	40 - -	43, 44
23 - -	18		
25 - -	22	41 - -	55
26 - -	25	42 - -	56
27 - -	26	43 - -	57
28, 29 - -	34	45 - -	58

Изслѣд:	Текста.
46 - -	68
	69
48 - -	71
52	
53 - -	73
54 - -	78
55 - -	79
56 - -	81
57	
58	
59	84
60	
	85
61 - -	88
64	
65 - -	86
67 - -	89
69	
70 - -	90
71 - -	92
77	
78 - -	95

Изслѣд:	Текста.
81 - -	98
82 - -	99
84	
85 - -	102
86	
87 - -	103
88 - -	108
89 - -	110
	118
91 - -	119
92 - -	120
93 - -	126
96 - -	121
98	
99	131
100	132
101	
102	
103	134
104	
106	135
107	
108	
109 - -	136

Изслѣд:	Текста.
111 116 117	140
119 120 121	142
125 126 - -	143
128 - -	146
129 - -	147
130 - -	148
131 - -	151
132 133 - -	152
134 135 - -	154
137 138 - -	158
139 - -	162

Изслѣд:	Текста.
141 142 - -	161
143 145 - -	164
146 - -	162
147 - -	168
148 - -	172
152 - -	176
153 154 - -	184
155 - -	185
156 - -	175 176
157 - -	185
158 - -	186
159 - -	189
160 151 - -	197

Изслед:	Текста	Изслѣд:	Текста.
162 - -	220	194	250
168 - -	221	195	
169 - -	222	196	251
172 - -	202	197	252
173 - -	205	198	
174 - -	207	199	256
		203	
175			
176	208	206 - -	257
177		207 - -	251
178			
179	209		
180		208	
		210 - -	264
181 - -	225		
182 - -	226	211	
184 - -	213	212	265
186 - -	214	213	
188 - -	222	214	
189		215 - -	267
190			
191	244	218	
192		219	278
193		220	

Изслѣд:	Текста.	Изслѣд:	Текста.
221 222	279	243	308
224	284	247	309
225 226	286	249	310 278
227	289	250	311
228 229 230	291	251 252	312
231	292	253 255	315
233	293	256 257 258 259 260	317
234	294		
235	295		
236	296		
237 238 239	297	261	318
		262	319
240	298 299	264	323

Излѣд:	Текста.
265	
266	324
267	
268	326
269	327
270	
271	328
272	330
274	331
275	338
277	344
278	345
279	346
283	350
284	352
285	
287	353
288	
289	358

Изслѣд:	Текста.
291	
292	361
293	366
294	
295	367
296	
297	368
298	369
299	385
300	386
301	388
303	389
304	393
305	
306	395
307	
308	
311	398
312	399
313	
314	400

Изслѣд:	Текста.
315 316 - -	402
317 318 - -	412
319 - -	413
320 - -	427
321 322 - -	428
323 - -	433
325 327 - -	435
328 - -	436
329	438 440 442
330 - -	443
331 - -	444
332 333 - -	445
334 - -	446
336 337 - -	451
338 339 - -	463
342 - -	464
344 345 - -	466
346 - -	470
347 - -	471
349 - -	475
350 351 - -	478
352 - -	481
353 355 - -	493
356 - -	494

Изслѣдо:	Текста.	Изслѣдо:	Текста
357 - -	496	308 - -	506
358 - - 359	497	369 - - 370	507
361 - -	502	371 - - 372	509
362 - -	503		
364 365 366 367	50	373 - - 276 - -	512 514



ПОГРѢШНОСТИ

стр: ниц:	стр: ро:	*Напечатано.*	*Читай.*
1		свѣдѣнїе	свѣденїе *пред:*
22	6	еказалъ	сказалъ
23	21	утверждаетъ	утверждаетъ,
90	16	есть-ли	есть ли
94	5	существами	существами,
101	7	простивъ	противъ
103	4	прозрочность	прозрачность
107	24	сумозбродство	сумасбродство
109	19	*невреждаемъ*	*невреждаемымъ*
110	12	остащюаяся	остающаяся
112	25	ммъ	имъ
120	9	вображенїе	воображенїе
	18	*необходнмо*	*необходимо*
121	10	преподоваемая	преподаваемая
124	23	мнѣнїемъ	мнѣнїямъ
126	13	*начала растѣнїя*	*начала ея растѣнїя*
136	24	линѣй	линѣи
137	17	горизонтальиые	горизонтальные
143	8	*истинное*	*есть истинное*

стр ниц:	ст ро:	Напечатано.	Читай.
176	5	по мнѣнїю, его	по мнѣнїю его,
179	18	чувствуютъ люди.	чувствуютъ всѣ люди.
180	4	не можетъ быть.	не можетъ
186	2	не подаетъ	не подастъ
188	2	еро	его
190	8	которыя	которое
194	7	прдлагалъ	предлагалъ
202	17	Геоврафическїе	Географическїя
203	6	ъ причинѣ дѣйствующей	ъ причинѣ физической, дѣйствующей
208	12	постухи	пастухи
211	14	установленїемъ	установленїямъ.
221	8	происхождеїе	происхожденїе
	6	владычество надъ подобными	владычества человѣка надъ подобными
22	3	чесло	число
234	25	глубачайшее	глубочайшее
239	2	идеи	идеѣ
240	3	не проходитъ	не преходитъ

страниц:	стро:	Напечатано.	Читай.
242	1	какі ятолько	какія только
245	14	Реллигіи	религіи
249	17	бытъ	быть
251	23	свободна	свободная
252	5	законовъ	закономъ
	24	въ оныхъ	оныхъ
25	5	добродѣтельной	добровольной
255	5	обязательства	сего обязательстеа
267	4	чувствительные	чувственные
	5	понимать	познавать
269	15	вездѣ	доселѣ
275	23	самъ	самою
284	20	происходятъ	происходитъ
285	23	въ крови	крови
288	16	тѣлѣ ни ,	тѣлѣ, ни
299	2	Гемотровъ	Геометровъ
300	3	вcѣ равно	все равно
304	8	принадлѣжитъ	принадлежитъ
	10	линѣи	линѣѣ
	12	сложнніе	сложеніе
	16	числомъ четыре	числомъ своимъ четыре

страниц:	строк:	Напечатано.	Читай.
307	17	стіхія	стихія
312	7	нѣтъ тѣлесныхъ	нѣтъ иныхъ тѣлесныхъ
314	18	но можетъ	но можетъ
	19	излишне	быть излишнее
316	2	всему протяженію	всякому протяженію
	10	съ круговое	съ круговою
317	14	дѣйствія	дѣйствіе
318	2	четвертнаго	четвернаго
323	1	мріъ	міръ
327	2	человековъ;	человѣковъ;
	3	восходить	восходитъ
	23	неизъясненнымъ	не изъяененнымъ
336	4	расудка	разсудка.
352	21	тогл	того
356	22	Фізіологію	физіологію
368	15	изъ высомысленнаго	изъ высокомысленнаго

